Эта дерзкая, брутальная, блестящая политическая авантюра придется по вкусу поклонникам «Игры престолов» и «Дюны».

Booklist

КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ

Лауреат премии «Локус» за лучший научно-фантастический роман
Финалист премии «Хьюго» в номинации «Лучший роман»

ДЖОН СКАЛЬЦИ

Крушение империи
Джон Скальци

Аннотация
Джон Скальци. Крушение империи
Пролог
Часть первая
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
Часть вторая
  Глава 7
  Глава 8
  Глава 9
  Глава 10
  Глава 11
  Глава 12
  Интерлюдия
Часть третья
  Глава 13
  Глава 14
  Глава 15

Глава 16
Глава 17
Глава 18
Эпилог
Благодарности

Аннотация

Человечество, лишившееся Земли, создало объединение планет и космических поселений, и это обеспечило ему выживание. Но законы Вселенной непредсказуемы, и над человечеством нависает новая угроза: Поток, особый физический феномен, благодаря которому можно путешествовать в глубины пространства, начинает разрушаться. Это значит, что все установленные связи между населенными мирами будут оборваны и цивилизацию ожидает коллапс. Но с другой стороны, это единственный шанс для потомков землян избавиться от зависимости алчных торговых гильдий, которые заботятся только о своих коммерческих интересах…

«Крушение империи» – начало новой масштабной космооперы от одного из ярчайших на сегодняшний день мастеров мировой фантастики.

Джон Скальци
Крушение империи

John Scalzi
COLLAPSING EMPIRE

© К. П. Плешков, перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

* * *

Всему издательству «Тор», особенно Тому Доэрти!
Спасибо, что поверили в меня.
За удачу в ближайшие десять лет (как минимум)

Пролог

Мятежникам наверняка удалось бы выйти сухими из воды — если бы не разрыв в Потоке.

Само собой, внутри гильдий существует вполне законный, сложившийся за столетия порядок, в соответствии с которым команда корабля может поднять мятеж. Один из вышестоящих членов экипажа — желательно старший помощник, но порой главный инженер, главный техник, главный врач или, при необычном стечении обстоятельств, представитель судовладельца — предъявляет имперскому адъюнкту корабля формальный «Перечень ведущих к мятежу поводов для недовольства», согласующийся с порядком, установившимся в гильдии. Имперский адъюнкт совещается с главным капелланом корабля, собрав при необходимости свидетельские показания, и они вдвоем не позднее чем через месяц либо признают возможность мятежа, либо объявляют об отсутствии причин для него.

В первом случае начальник службы безопасности официально отстраняет от должности и помещает под арест капитана корабля, которому

по прибытии в очередной пункт назначения предстоит пройти официальное разбирательство в гильдии и понести наказание. Его могут лишить корабля, звания и права на космические полеты; ему даже могут предъявить реальное обвинение, гражданское или уголовное, заканчивающееся тюремным сроком или, в самых серьезных случаях, смертным приговором. Во втором случае начальник службы безопасности помещает под арест высказавшего недовольство члена команды, дело которого подлежит официальному разбирательству в гильдии, и так далее, и тому подобное.

Естественно, никому никогда и в голову не приходило поступать вышеописанным образом.

Но случаются и настоящие мятежи — когда в ход идет оружие, внезапно гибнут люди, офицеры набрасываются друг на друга, подобно диким зверям, а команда пытается понять, что за хрень вообще творится. Затем, в зависимости от хода событий, капитана убивают и вышвыривают в космос, после чего оформляют все задним числом, придавая случившемуся видимость законности. Или же мятежные офицеры и члены команды оказываются по другую сторону шлюза, а капитан составляет «Акт о незаконном мятеже», лишаю-

щий членов семей мятежников всех привилегий и пенсий, что означает голодную смерть для их супругов и детей и также запрет на участие в деятельности гильдии для потомков в течение двух поколений, поскольку считается, что мятежный дух заложен в ДНК наподобие цвета глаз или склонности к изжоге.

Именно с настоящим, а не бумажным мятежом сейчас имела дело капитан Аруллос Гинеос, пребывавшая на мостике «Ври больше», и, если честно, дела для нее складывались не лучшим образом. Точнее говоря, как только старший помощник со своей командой прожгли бы себе путь сквозь переборку с помощью сварочных аппаратов для ремонта корпуса, Гинеос и все находящиеся с ней на мостике стали бы жертвами «несчастного случая», суть которого будет описана позже.

— Сейф с оружием пуст, — доложил третий помощник Невин Бернус. Гинеос лишь молча кивнула — удивляться вряд ли стоило. Код, с помощью которого открывался оружейный сейф, знали ровно пятеро: капитан, вахтенные офицеры и начальник службы безопасности Бремман. Один из пятерых забрал оружие во время прошлой вахты — логика указывала на старшего

помощника Олли Инверра, который сейчас вместе с дружками прокладывал путь сквозь стену.

Нельзя сказать, что Гинеос была полностью безоружна: в сапоге у нее имелся низкоскоростной игломет, по привычке, оставшейся с тех пор, когда она еще подростком бегала по подземным туннелям Груссготта вместе с бандой Быстробешеных Псов. Единственная заряженная в него игла предназначалась для использования вблизи, а на расстоянии больше метра ее попадание могло лишь разозлить противника. Так что Гинеос не питала ни малейших иллюзий, будто игломет способен спасти ее саму или ее команду.

— Доложи обстановку, — приказала Гинеос Лике Данн, пытавшейся связаться с другими офицерами «Ври больше».

— С тех пор как вышла на связь Фаночи, из машинного отделения ничего не слышно, — ответила Данн. Именно Ева Фаночи, главный инженер, подняла тревогу, когда машинное отделение захватила вооруженная группа во главе со старшим помощником, после чего Гинеос перекрыла все входы на мостик и объявила на корабле чрезвычайное положение. — Главный технолог Воссни не отвечает, доктор Джатмен тоже. Бремман заперт в своей каюте.

Имелся в виду Питер Бремман, начальник службы безопасности «Ври больше».

— Что с Эгерти?

От Лупа Эгерти, представителя судовладельца, толку чаще всего было не больше, чем молока от пресловутого козла, но он вряд ли мог участвовать в мятеже, поскольку мятежи не способствуют успешному бизнесу.

— Ничего. Как и от Славина с Прином. — Речь шла об имперском адъюнкте и капеллане. — Второй помощник Ниин тоже не доложился.

— Они почти пробились. — Бернус показал на переборку.

Гинеос невольно поморщилась. Ее совершенно не устраивал старший помощник, навязанный гильдией с одобрения дома Тойс, владельцев «Ври больше». Сама Гинеос предлагала на эту должность второго помощника, Ниина. Пожалуй, в следующий раз стоит быть настойчивее.

«Вот только следующего раза не будет», — подумала Гинеос. По сути, она была уже мертва, как и оставшиеся преданными ей офицеры, а поскольку «Ври больше» находился в Потоке, где ему предстояло пребывать еще месяц, не было никакой возможности запустить корабельный черный ящик и сообщить хоть кому-нибудь о

том, что случилось на самом деле. К тому времени, когда «Ври больше» выйдет из потока у Края, будут подчищены все следы, сфабрикованы свидетельства и сочинена соответствующая история. «С Гинеос случилась трагедия, — скажут они. — Взрыв. Множество погибших. Но она отважно вернулась назад, пытаясь спасти как можно больше жизней».

Или что-то вроде этого.

Переборка прогорела, и минуту спустя металлическая плита рухнула на палубу. На мостик шагнули трое членов команды, водя излучателями из стороны в сторону. Никто из находившихся на мостике не пошевелился. Один из вооруженных дал знак — «все чисто», — и в дыру, пригнувшись, шагнул старший помощник Олли Инверр. Высмотрев Гинеос, он направился к ней, а один из его сообщников нацелил на нее излучатель.

— Капитан Гинеос… — обратился к ней Инверр.

— Привет, Олли, — ответила она.

— Капитан Аруллос Гинеос, в соответствии со статьей тридцать восьмой части седьмой Единого кодекса Гильдий торгового флота я…

— Может, хватит нести чушь? — бросила Ги-

неос.

— Что ж, разумно, — улыбнулся Инверр.

— Должна сказать, мятеж у тебя получился на славу. Первым делом — захват машинного отделения: если что-то пойдет не так, всегда можно пригрозить взорвать двигатели…

— Спасибо, капитан. Собственно, я пытался свести жертвы к минимуму.

— То есть Фаночи пока что жива?

— Я же сказал «к минимуму», капитан. Увы, главный инженер Фаночи оказалась не слишком сговорчивой. На ее место назначен помощник главного инженера Хайберн.

— Сколько с тобой других офицеров?

— Вряд ли это должно вас волновать, капитан.

— Что ж, по крайней мере, ты не притворяешься, будто не собираешься меня убивать.

— К вашему сведению, мне очень жаль, что так вышло. Я действительно вами восхищаюсь.

— Я уже сказала, Олли: хватит нести чушь.

— Вы никогда не поддавались на лесть, — снова улыбнулся Инверр.

— Не хочешь рассказать, зачем ты устроил этот переворот?

— В общем-то, нет.

— И все же — не откажи в удовольствии. Мне

хотелось бы знать, из-за чего я скоро умру.

Инверр пожал плечами:

— Из-за денег, естественно. Мы везем большой груз оружия для военных Края, чтобы помочь им бороться с восстанием, — винтовки, излучатели, ракетометы. Сами знаете, вы же подписывали декларацию. Когда мы были на Альпине, ко мне обратились с предложением продать оружие повстанцам за вознаграждение в тридцать процентов. Сделка показалась мне выгодной, и я сказал «да».

— Интересно, как ты собирался доставить им оружие? Космопорт Края контролируется правительством.

— Оно туда просто не дотянулось бы. Мы выходим из Потока, и на нас нападают «пираты», которые забирают груз. Вы и остальные, кто не согласился с моим планом, погибают во время атаки. Легко и просто — все, кто остался, забирают деньги и радуются жизни.

— Вряд ли дом Тойс порадуется этому, — заметила Гинеос.

— Корабль и груз застрахованы, так что они ничего не потеряют.

— Они расстроятся, узнав об Эгерти. Тебе ведь придется его убить, а он — зять Яннера Тойса.

Услышав имя патриарха дома Тойс, Инверр улыбнулся:

— Мне известно из достоверных источников, что Тойс не особо расстроится, если его любимый сын станет вдовцом. У него есть и другие союзы, которые можно скрепить браком.

— Выходит, ты спланировал все от и до.

— Ничего личного, капитан.

— Когда тебя убивают из-за денег, это всегда личное, Олли.

Инверр открыл рот, собираясь ответить, но в то же мгновение «Ври больше» выпал из Потока. Сработал особый сигнал тревоги, которого никто на корабле — в том числе Гинеос и Инверр — ни разу не слышал, кроме как на учениях в академии.

Гинеос и Инверр несколько секунд стояли неподвижно, уставившись на мигающие огни, а затем бросились к своим постам — «Ври больше» неожиданно вывалился из Потока, и если они в ближайшее время не сообразят, как вернуть его обратно, то, вне всякого сомнения, окажутся в глубочайшей заднице.

Для понимания дальнейшего следует кое-что пояснить.

В этой вселенной не существует такого понятия,

как «путешествие со сверхсветовой скоростью». Скорость света — не просто хорошая идея, но и закон физики. Ее невозможно достичь — чем больше к ней приближаешься, тем больше энергии требуется, чтобы продолжать движение. К тому же сама мысль о полетах на подобных скоростях внушает ужас: космос пуст по большей части, но не совсем, и столкновение с чем угодно превратит хрупкий космический корабль в разлетающиеся во все стороны куски металла. И этим обломкам все равно потребуются годы, десятилетия или века, чтобы промчаться мимо той точки, которая изначально являлась его целью.

Полет со сверхсветовой скоростью невозможен. Но есть Поток.

Для дилетантов Поток обычно описывают как некое подобие реки в альтернативном пространстве-времени, которая позволяет путешествовать быстрее света по всей Священной империи Взаимозависимых государств и Торговых гильдий, коротко именуемой Взаимозависимостью. Поток, в который попадают через «отмели», возникающие при взаимодействии с ним гравитационных полей звезд и планет, подхватывает корабли, и те могут плыть по течению к другим звездам. Именно Поток обеспечил выживание человечества

после того, как оно лишилось Земли, позволив процветать торговле внутри Взаимозависимости и гарантируя любому человеческому поселению необходимые ресурсы, которые почти никто не смог бы получить самостоятельно.

Естественно, подобный взгляд на Поток слегка абсурден. Поток ничем не напоминает реку, — это многомерная метакосмологическая структура, топографически сложным образом пересекающаяся с локальным пространством-временем, на которую оказывает влияние — частичное и хаотичное и при этом отнюдь не первостепенное — гравитация. Попадающие в ее поле корабли не движутся в традиционном смысле слова, но лишь пользуются преимуществом ее векторной природы, которая, не будучи связанной законами нашей вселенной относительно скорости и энергии, создает для локального наблюдателя видимость путешествия быстрее света.

Но и это описание чересчур неуклюже, поскольку человеческий язык не в силах описать что-либо сложнее постройки дома на дереве. Для точного описания сущности Потока требуется нечто вроде математики высшего порядка, которую, вероятно, в состоянии понять лишь пара сотен человек среди миллиардов жителей

Взаимозависимости, не говоря уже о том, чтобы осмысленно применить ее для описания Потока. Вряд ли вы принадлежите к их числу — как, собственно, и капитан Гинеос или старший помощник Инверр.

Но Гинеос и Инверр знали одно: за сотни лет существования Взаимозависимости никто ни разу не слышал, чтобы корабль неожиданно вышел из Потока: такое считалось практически невозможным. Случайный разрыв в Потоке мог забросить корабль за многие световые годы от любой человеческой планеты или базы. Корабли гильдий строились с расчетом на автономное существование в течение месяцев и даже лет — иначе и быть не могло, ведь на путешествие между системами Взаимозависимости с использованием Потока требовалось от двух недель до девяти месяцев. Но одно дело, когда корабль пять-десять лет находится на полном самообеспечении по примеру самых крупных кораблей гильдий, и совсем другое, когда впереди целая вечность.

Ибо полетов быстрее света не бывает. Есть только Поток.

И если тебя случайно выбросит из него где-то среди звезд — ты труп.

— Мне нужны данные о том, где мы находим-

ся, — сказал со своего поста Инверр.

— Сейчас, — ответила Лика Данн.

— И разверните антенны, — приказала Гинеос. — Если нас выбросило, значит здесь выходная отмель. Нужно найти входную.

— Уже, — сказал Бернус от своего пульта.

Гинеос связалась по открытому каналу с машинным отделением.

— Главный инженер Хайберн, — объявила она, — у нас случился разрыв в Потоке. Нужно немедленно запустить двигатели и обеспечить достаточную мощность силового поля, чтобы противостоять сверхвысоким перегрузкам во время маневров. Как-то не хочется превратиться в желе.

— Э-э-э-э-э… — послышалось в ответ.

— Черт побери. — Гинеос бросила взгляд на Инверра. — Он твой любимчик, Олли. Вот и займись им.

Инверр вышел на связь по своему каналу:

— Хайберн, говорит старший помощник Инверр. У тебя проблемы с пониманием приказов капитана?

— Разве у нас не мятеж? — спросил Хайберн. Благодаря своему таланту инженера он быстро продвинулся в рядах гильдии, но при этом был

очень, очень молод.

— Мы только что вывалились из Потока, Хайберн. Если в ближайшее время не сумеем в него вернуться, нам всем крышка. Так что приказываю исполнять все распоряжения капитана Гинеос. Ясно?

— Да, сэр, — последовал ответ. — Уже. Начинаю экстренную процедуру запуска двигателей. Пять минут до набора полной мощности. Гм… вероятно, это может повредить двигатели, сэр… и мэм.

— Если сумеем с их помощью вернуться в Поток, то дальше разберемся, что делать, — ответила Гинеос. — Как только будешь готов к старту, сообщи. — Она выключила связь и обратилась к Инверру: — Не слишком удачное время ты выбрал для мятежа.

— Есть данные о местоположении, — сообщила Данн. — Около двадцати трех световых лет от Края, шестьдесят один от Ширака.

— Никаких локальных гравитационных колодцев?

— Нет, мэм. Ближайшая звезда — красный карлик, примерно в трех световых годах. Больше в окрестностях не видно ничего существенного.

— Как же мы вышли, если нет гравитационного колодца? — спросил Инверр.

— Вероятно, на этот вопрос смогла бы ответить Ева Фаночи, — сказала Гинеос. — Если бы ты ее не убил.

— Вот уж действительно самое подходящее время для подобных дискуссий, капитан.

— Нашел! — крикнул Бернус. — Входная отмель, в ста тысячах километров от нас! Вот только…

— Вот только что? — спросила Гинеос.

— Она от нас удаляется, — сказал Бернус. — И уменьшается в размерах.

Гинеос и Инверр переглянулись. Насколько знали они оба, входные и выходные отмели Потока имели постоянный размер и местоположение, — собственно, именно поэтому их можно было использовать для повседневных торговых перевозок. Движущаяся и уменьшающаяся отмель стала для них в буквальном смысле новостью.

«Разберемся позже», — подумала Гинеос.

— Как быстро отмель движется относительно нас и в каком темпе уменьшается? — спросила она.

— Отмель удаляется от нас со скоростью примерно десять тысяч километров в час и, похоже, уменьшается метров на десять в секунду, — минуту спустя ответил Бернус. — Не могу сказать,

насколько постоянны эти скорости, — речь о том, что я наблюдаю в данный момент.

— Перешли мне данные об отмели, — сказал Инверр Бернусу.

— Не попросишь своих прислужников подождать снаружи? — обратилась Гинеос к Инверру, показывая на вооруженную команду. — Не могу сосредоточиться, когда мне в голову целятся из излучателя.

Инверр бросил взгляд на вооруженных членов команды и кивнул. Те вышли через дыру в переборке.

— Не уходите далеко, — сказал он.

— Так ты можешь проложить курс к этой отмели? — спросила Гинеос. — Пока она от нас не улизнула?

— Сейчас. — На мостике наступила тишина. — Да, — наконец ответил Инверр. — Если Хайберн в ближайшие пару минут запустит двигатели, как раз успеем, и даже с запасом.

Кивнув, Гинеос включила связь с машинным отделением:

— Хайберн, где мои двигатели?

— Еще тридцать секунд, мэм.

— Как у нас с пресс-полями? Лететь придется быстро.

— Зависит от того, как нагрузить двигатели, мэм. Если израсходовать всю энергию, ее придется откуда-то брать. Сперва из любых других источников, но потом дойдет очередь и до полей.

— Я бы предпочла быструю смерть медленной. А ты, Хайберн?

— Э-э-э-э… — последовал ответ.

— Двигатели заработали, — сообщил Инверр.

— Вижу. — Гинеос дотронулась до своего экрана. — Посылаю тебе навигационные данные, — сказала она Инверру. — Вытаскивай нас отсюда, Олли.

— У нас проблема, — послышался голос Бернуса.

— Кто бы сомневался, — усмехнулась Гинеос. — Что на этот раз?

— Отмель набирает скорость и уменьшается быстрее.

— Действую, — сказал Инверр.

— Все равно успеем? — спросила Гинеос.

— Вероятно. По крайней мере, частично.

— В каком смысле?

— В таком, что в зависимости от размеров отмели часть корабля может остаться вне Потока. У нас есть ствол и кольцо. Ствол — длинная игла,

кольцо — диаметром в километр. Ствол может пройти, а кольцо, возможно, и нет.

— Корабль же разрушится, — заметила Данн.

— Речь ведь не о столкновении с физическим барьером, — покачала головой Гинеос. — Все, что окажется за пределами отмели, просто останется позади, будто срезанное бритвой. Загерметизируем переборки, ведущие в спицы кольца, и останемся живы. — Она снова повернулась к Инверру. — Если, конечно, сумеем создать пузырь.

Пузырем назывался небольшой участок локального пространства-времени, окруженный энергетическим полем, которое генерировал «Ври больше»: он сопровождал корабль в Потоке. Формально внутри Потока не существовало понятия «здесь и сейчас», и любой корабль, не взявший с собой карман пространства-времени, перестал бы существовать во всех смыслах этого слова.

— Мы можем создать пузырь, — сказал Инверр.

— Уверен?

— Если даже и нет, это не имеет значения.

Гинеос что-то проворчала и повернулась к Данн.

— Объяви общую тревогу по кораблю, пусть все

перейдут из кольца в ствол. — Она снова обратилась к Инверру. — Сколько у нас времени, прежде чем мы доберемся до отмели?

— Девять минут.

— Чуть дольше, — поправил Бернус. — Отмель продолжает ускоряться.

— Скажи им, что в их распоряжении пять минут, — велела Гинеос Данн. — Затем мы перекрываем доступ в кольцо. Если кто-то окажется по другую сторону, ничего не поделаешь. — Данн кивнула и сделала объявление. — Пожалуй, стоит выпустить тех, кого ты запер в каютах, — сказала капитан Инверру.

— Мы заварили дверь в каюту Питера, — ответил Инверр, имея в виду начальника службы безопасности. Взглянув на монитор, он слегка подкорректировал траекторию «Ври больше». — Вряд ли тут что-то можно поделать.

— Весело.

— В любом случае неизвестно еще, чем все кончится.

— Ты про то, удастся ли нам добраться до отмели?

— Да. Но я имел в виду, если мы оставим позади кольцо. Нас на корабле две сотни человек. Почти вся еда и припасы — в кольце. До Края еще месяц

пути. Даже при самом удачном стечении обстоятельств не все доберутся живыми.

— Что ж, — сказала Гинеос, — полагаю, ты уже планируешь сожрать мой труп первым.

— Это будет весьма благородная жертва с вашей стороны, капитан.

— Не понимаю, шутишь ты или нет, Олли.

— В данный момент, капитан, я тоже не понимаю.

— Полагаю, момент не хуже любого другого, чтобы сказать тебе, что, вообще-то, ты никогда мне не нравился.

Инверр улыбнулся, не сводя взгляда с монитора:

— Я знаю, капитан. Это одна из причин, по которым я не возражал против мятежа.

— Это и еще деньги.

— Да, и еще деньги, — согласился Инверр. — А теперь не мешайте.

В последующие несколько минут Инверр продемонстрировал, что, несмотря на все свои недостатки как старшего помощника, он, возможно, был лучшим навигатором из всех, кого видела Гинеос. Входная отмель удалялась от «Врби больше» не по прямой, — казалось, будто она уворачивается и скачет туда-сюда, словно неви-

димый танцор, которого можно было обнаружить лишь по редким сигналам на радиочастотах там, где Поток соприкасался с пространством-временем. Бернус отслеживал положение отмели и сообщал последние данные; Инверр вносил поправки, неумолимо приближая «Ври больше» к отмели. Это было величайшее действо за все время космических полетов, а возможно, и в истории человечества — и, несмотря ни на что, Гинеос ощущала гордость при мысли, что присутствует при этом.

— Э-э-э-э-э-э… у нас проблема, — сообщил по связи Хайберн, временно исполнявший обязанности главного инженера. — Мы подошли к той точке, когда двигателям придется забирать энергию у других систем.

— Нам нужны пресс-поля, — сказала Гинеос. — Все остальное обсуждаемо.

— Мне нужна навигация, — не поднимая взгляда, добавил Инверр.

— Нам нужны пресс-поля и навигация, — поправила Гинеос. — Все остальное обсуждаемо.

— Как насчет системы жизнеобеспечения? — спросил Хайберн.

— Если у нас ничего не получится в ближайшие тридцать секунд, будет уже неважно, можем мы

дышать или нет, — сказал Инверр Гинеос.

— Отключай все, кроме навигации и пресс-полей, — приказала Гинеос.

— Принято, — ответил Хайберн, и воздух внутри «Ври больше» тут же стал более холодным и затхлым.

— Отмель уменьшилась почти до двух километров в поперечнике, — сообщил Бернус.

— Будет нелегко, — согласился Инверр. — До отмели пятнадцать секунд.

— Один и восемь десятых километра.

— Все хорошо.

— Один и пять десятых километра.

— Бернус, черт бы тебя побрал, заткнись, пожалуйста.

Бернус заткнулся. Встав, Гинеос поправила одежду и подошла к старшему помощнику.

Инверр начал отсчитывать последние десять секунд, объявив на шестой, что формирует пространственно-временной пузырь, и возобновив отсчет на третьей. Когда он произнес «ноль», стоявшая чуть позади и сбоку Гинеос увидела улыбку на его лице.

— Прошли. Целиком. Весь корабль, — сказал он.

— Потрясающая работа, Олли, — проговорила

Гинеос.

— Угу, пожалуй. В любом случае трубить в фанфары не собираюсь.

— Можешь трубить. Благодаря тебе команда осталась жива.

— Спасибо, капитан, — ответил Инверр. Продолжая улыбаться, он повернулся к Гинеос, и в то же мгновение она вогнала ствол игломета, только что извлеченного из сапога, в его левую глазницу, а затем нажала на спуск. Игла с негромким щелчком вонзилась в глаз Инверра, который, широко раскрыв от удивления другой глаз, замертво осел на пол.

По другую сторону переборки встревоженно закричали приспешники Инверра, наводя излучатели на Гинеос. Она подняла руку, и те — черт возьми! — остановились.

— Он мертв, — сказала Гинеос, кладя другую руку на пульт монитора Инверра. — Я только что отдала команду, которая взорвет все шлюзы, ведущие из корабля в пузырь. Стоит мне убрать руку с монитора, и все на корабле умрут, включая вас. Так что решайте, кто сегодня мертвец — Олли Инверр или все вы. Стоит вам в меня выстрелить, и мы все умрем. Если вы в течение десяти секунд не бросите оружие, мы все умрем. Выбирайте.

Все трое бросили излучатели. Гинеос сделала знак Данн, которая подошла и собрала оружие, протянув один излучатель Бернусу, а другой — капитану. Гинеос взяла его, убрав руку с монитора. Один из приспешников удивленно разинул рот.

— До чего же вы легковерны, черт побери, — сказала Гинеос, переключая излучатель в нелетальный режим, и выстрелила подряд во всех троих. Те рухнули без чувств. Капитан повернулась к Данн и Бернусу. — Поздравляю, вы заслужили повышение. А теперь пора разобраться с мятежниками. Займемся делом?

Часть первая

Глава 1

Последнюю неделю жизни Батрина Ву его дочь Кардения Ву-Патрик провела в основном у постели отца. Узнав, что в его состоянии медицина полностью бессильна и не может предложить ничего, кроме паллиативного лечения, тот решил умереть дома, в своей любимой кровати. Кардения, уже знавшая, что конец близок, отменила все свои дела и велела поставить возле кровати отца удобное кресло.

— Тебе что, нечем больше заняться, кроме как сидеть тут? — шутливо спросил Батрин у своей дочери и единственного оставшегося в живых отпрыска, когда она села рядом с отцом, как обычно делала по утрам.

— Прямо сейчас — нечем, — ответила она.

— Сомневаюсь. Уверен, стоит тебе выйти в туалет, и тут же налетают подхалимы, которым нужна твоя подпись или еще что-нибудь.

— Нет, — сказала Кардения. — Сейчас всем занимается исполнительный комитет. На ближайшее будущее установлен переходный режим.

— До моей смерти, — кивнул Батрин.

— До твоей смерти.

Батрин рассмеялся, едва слышно — большего не позволяла слабость.

— Боюсь, это будущее чересчур близко.

— Постарайся об этом не думать, — сказала Кардения.

— Тебе легко говорить… — После недолгой паузы Батрин поморщился, услышав какой-то звук, и повернулся к дочери: — Что это?

Кардения слегка наклонила голову:

— Ты про пение?

— Там кто-то поет?

— Снаружи целая толпа доброжелателей, — ответила Кардения.

— Уверена, что это именно доброжелатели? — улыбнулся Батрин.

Батрин Ву, отец Кардении, формально являлся Аттавио Шестым, имперо Священной империи Взаимозависимых государств и Торговых гильдий, королем Ядра и Ассоциированных наций, главой Взаимозависимой церкви, наследником Земли и отцом всего сущего, восемьдесят седьмым имперо из дома Ву, ведшего свою историю от пророчицы-имперо Рахелы Первой, основательницы Взаимозависимости и Спасительницы Человечества.

— Вне всякого сомнения, — сказала Кардения.

Оба сейчас находились в Брайтоне, имперской резиденции в Ядропаде, столице Ядра, где больше всего любил бывать ее отец. Официально имперский трон располагался в нескольких тысячах километров выше по гравитационному колодцу, на Сиане, широко раскинувшейся космической станции, которая парила над поверхностью Ядра и была видна из Ядропада, казавшись гигантской зеркальной тарелкой посреди тьмы, — вернее, была бы видна, если бы большая часть Ядропада находилась на поверхности планеты. Ядропад, как и все города Ядра, располагался в вырубленной искусственной полости внутри каменной толщи; наружу выступали лишь служебные купола и сооружения, ожидая в вечных сумерках восхода солнца, который не мог наступить на планете, обращенной к звезде одной стороной, а если бы наступил, жители Ядра тотчас же испеклись бы, словно картошка в духовке.

Аттавио Шестой терпеть не мог Сиань и никогда не задерживался там дольше необходимого. И уж точно не собирался там умирать. Домом его был Брайтон, у ворот которого столпилась тысяча, а может, и больше доброжелателей, подбадривавших его радостным пением, которое иногда сбивалось на национальный гимн или

приветствие для имперской футбольной команды. Кардения знала, что всех доброжелателей тщательно проверили, прежде чем подпустить к воротам Брайтона ближе чем на километр, чтобы их мог услышать импето. Некоторым даже не пришлось платить за то, чтобы они пришли.

— Сколько нам пришлось заплатить? — спросил Батрин.

— Почти ничего, — ответила Кардения.

— Мне пришлось заплатить всем трем тысячам человек, которые пришли порадовать на смертном одре мою мать. И притом немало.

— Ты популярнее твоей матери.

Кардения никогда не видела свою бабушку, импето Зетиан Третью, но от того, что она вычитала в исторических хрониках, вставали дыбом волосы.

— Даже камень был бы популярнее моей мамочки, — сказал Батрин. — Но не стоит обманывать себя, дитя мое. Ни один импето Взаимозависимости никогда не пользовался популярностью. Это не входит в их профессиональные обязанности.

— По крайней мере, ты популярнее большинства, — предположила Кардения.

— Именно потому тебе пришлось заплатить лишь немногим из тех, кто сейчас стоит за ок-

ном.

— Если хочешь, могу их отослать.

— Они мне нисколько не мешают. Узнай только, принимают ли они заявки на песни.

Наконец Батрин снова задремал. Убедившись, что он спит, Кардения встала с кресла и вышла в личный кабинет отца, временно позаимствованный ею, — впрочем, скоро он все равно стал бы ее собственным. Покидая отцовскую спальню, Кардения увидела отряд медиков во главе с Кви Дринином, имперским врачом: они склонились над ее отцом, чтобы умыть его, осмотреть и убедиться, что ему обеспечен лучший уход, какой только может получить страдающий от неизлечимой болезни.

В кабинете Кардению встретила Наффа Долг, недавно назначенная главой ее аппарата. Наффа молча ждала, когда Кардения откроет маленький холодильник, достанет бутылку с содовой, сядет, откроет бутылку, сделает два глотка и поставит бутылку на отцовский письменный стол.

— А подставку? — сказала Наффа, обращаясь к своей начальнице.

— Что, обязательно? — спросила Кардения.

Наффа показала на стол:

— Этот стол изначально принадлежал Турину

Второму. Ему шестьсот пятьдесят лет. Подарок отца Женевьевы Н'дон, которая стала женой импер после…

— Хватит, — подняла руку Кардения. Взяв со стола небольшой томик в кожаном переплете, она подвинула его к себе, поставила на него бутылку и только тогда обратила внимание на выражение лица Наффы. — А теперь что?

— Ничего особенного, — ответила Наффа. — Просто ваша «подставка» — первое издание «Комментариев к доктринам Рахелы» Чао, которому почти тысяча лет. Оно бесценно, и даже мысль о том, чтобы поставить на него бутылку, равна величайшему богохульству.

— О господи. — Кардения сделала еще глоток из бутылки и поставила ее на ковер рядом со столом. — Теперь ты счастлива? Разве что ковер тоже невыразимо бесценен.

— Собственно…

— Следует ли понимать так: всему, что есть в этой комнате, кроме нас двоих, многие сотни лет, оно изначально подарено кому-то из моих предков другой невероятно знаменитой исторической личностью и оно не имеет цены или, по крайней мере, стоит дороже, чем большинство людей зарабатывает за всю свою жизнь? Есть в

этой комнате хоть что-нибудь, не соответствующее данному описанию?

Наффа показала на холодильник:

— Думаю, это просто холодильник, и ничего больше.

Кардения наконец нашла на столе подставку и переставила на нее бутылку с ковра.

— Этой подставке, вероятно, четыреста лет, и она подарена герцогом Края, — сказала она, взглянув на свою помощницу. — Только не говори, будто это так и есть.

— Не буду. — Наффа достала планшет.

— Но ведь знаешь?

— К вам обращаются из исполнительного комитета, — сказала Наффа, проигнорировав последнее замечание начальницы.

— Кто бы сомневался, — развела руками Кардения.

Исполнительный комитет состоял из трех представителей гильдий, трех членов парламента и трех архиепископов церкви. Некогда комитет был прямым связующим звеном между империо и тремя центрами власти во Взаимозависимости. Сейчас же его членам предстояло обеспечить преемственность власти в последние дни правления империо, и они слегка сводили Кардению с ума.

— Прежде всего они хотят, чтобы вы появились в сети и, как они говорят, «успокоили страхи империи» по поводу состояния вашего отца.

— Он умирает, и быстро, — сказала Кардения. — Вряд ли это кого-то успокоит.

— Думаю, они предпочли бы что-нибудь более вдохновляющее. Они прислали текст речи.

— Какой смысл внушать империи ложные надежды? К тому времени, когда моя речь доберется до Края, отца не будет в живых уже девять стандартных месяцев. Даже до Бремена — две недели пути.

— Все равно есть Ядро, Сиань и Ассоциированные нации внутри системы. До самой дальней — всего пять световых часов.

— Там уже знают, что он умирает.

— Речь не о том, что он умирает. Речь о преемственности.

— Династия Ву простирается в прошлое на тысячу лет, Наффа. Вряд ли кого-нибудь настолько беспокоит преемственность.

— Людей беспокоит не преемственность. Людей беспокоит их повседневная жизнь. Кто бы ни стал импер, перемены неизбежны. В системе триста миллионов имперских подданных, Кардения. Вы наследница. Все знают, что династия останется

прежней. Речь обо всем остальном.

— Не могу поверить, что ты на стороне исполнительного комитета.

— Даже остановившиеся часы дважды в день показывают правильное время.

— Ты читала речь?

— Читала. Она просто чудовищна.

— Будешь ее переписывать?

— Да, уже переписала.

— Что еще?

— Они хотят знать, изменили ли вы свою позицию в отношении Амита Нохамапитана.

— Какую именно позицию? Насчет того, чтобы встретиться с ним или выйти за него?

— Полагаю, они надеются, что за первым последует и второе.

— Я уже однажды встречалась с ним и именно потому не желаю встречаться снова. И уж определенно не собираюсь выходить за него.

— Исполнительный комитет — возможно, предвидя ваше нежелание — хочет напомнить вам, что ваш брат, покойный кронпринц, в принципе согласился жениться на Надаше Нохамапитан.

— Я скорее вышла бы замуж за нее, чем за ее брата.

— Предвидя ваше возражение, исполнительный комитет желает напомнить вам, что этот вариант также был бы приемлемым для всех сторон.

— За нее я тоже не собираюсь, — сказала Кардения. — Мне не нравятся они оба. Ужасные люди.

— Ужасные люди, чей дом занимает господствующее положение среди Торговых гильдий и чье желание заключить союз с домом Ву позволило бы империи получить рычаг воздействия на гильдии, которого у нее не было в течение столетий.

— Это твои слова или исполнительного комитета?

— На восемьдесят процентов — исполнительного комитета.

— И на двадцать процентов твои? — Кардения изобразила притворный ужас.

— Я на свои двадцать процентов считаю, что политические браки порой необходимы тем, кто, вроде вас, готовится стать импero и, несмотря на поддержку тысячелетней династии, нуждается в союзниках, чтобы держать гильдии в узде.

— Хочешь сказать, будто всю последнюю тысячу лет импero Ву были, по сути, марионетками, действовавшими в интересах гильдий?

— Я хочу напомнить, что вы назначили меня на этот пост не только благодаря личной дружбе и моему опыту в придворной политике, но и потому, что я защитила докторскую по истории династии Ву и знаю о вашей семье больше, чем вы сами, — сказала Наффа. — Но политикой я, конечно, тоже могу заниматься.

Кардения вздохнула:

— И все же нам не грозит опасность стать марионетками гильдий.

Наффа молча смотрела на начальницу.

— Ты шутишь, — проговорила Кардения.

— Дом Ву — сам по себе торговое семейство, и он обладает монополией на строительство кораблей и изготовление оружия, — продолжала Наффа. — Более того, военных контролирует импero, а не гильдии. А значит, гильдиям или контролирующим их домам не так-то просто прибрать к рукам династию или империю. Кстати, ваш отец проявлял крайнюю мягкость в отношении торговых домов, позволив нескольким из них, включая Нохамапитанов, создать центры власти, не имевшие аналогов в последние двести лет. Естественно, мы не говорим о церкви, которая сама по себе — центр власти. И вполне можно ожидать, что все они попытаются захватить еще

больше власти, рассчитывая, что вы окажетесь слабой правительницей.

— Спасибо, — сухо ответила Кардения.

— Ничего личного. Никто не ожидал, что вы унаследуете корону.

— Будто я не знаю.

— И никто не понимает, как к вам относиться.

— Не считая исполнительного комитета, который хочет выдать меня замуж.

— Они хотят сохранить возможность союза.

— Союза с ужасными людьми.

— По-настоящему приятные люди обычно не получают власти.

— Хочешь сказать, я особенная? — спросила Кардения.

— Не помню, чтобы я называла вас приятным человеком, — ответила Наффа.

— Все это не твои проблемы, — сказал Батрин Кардении, когда та вернулась в его спальню и снова села в кресло. Медики, хлопотавшие над ним, пока он спал, удалились в соседние комнаты, и отец с дочерью снова остались вдвоем, не считая набора врачебного оборудования.

— Знаю, — ответила Кардения. Разговоры на эту тему уже были, но Кардения знала, что возвращение к ним неизбежно.

— Ко всему этому готовили твоего брата, — продолжал Батрин, и Кардения кивнула, слушая его медленную речь. Реннеред Ву на самом деле был ее сводным братом — сыном супруги импето Гленны Косту, в то время как Кардения стала плодом короткой связи между импето и ее матерью Ханной, профессором древних языков. Ханна Патрик познакомилась с импето, проводя для него экскурсию по собранию редких книг в библиотеке имени Споуда университета Ядропада. Они стали переписываться на научные темы, и через несколько лет после внезапной смерти супруги импето подарил Ханне Патрик сперва редкое издание «Касида аль-Бурда»[1], а затем, довольно скоро и к некоторому удивлению обоих, — Кардению.

Наследником уже был Реннеред, и Ханна Патрик после некоторых раздумий решила, что скорее шагнет из шлюза в космос, чем станет постоянным предметом обстановки имперского двора. Поэтому Кардения росла в достатке и неге, но вдали от атрибутов реальной власти. Кардению признали дочерью импето, и она регулярно, хоть и нечасто встречалась со своим знамени-

[1] Примечания: 1

«Касида аль-Бурда» («Поэма мантии») — ода в честь пророка Мухаммеда, написанная выдающимся египетским суфием аль-Бусири.

тым отцом. Иногда одноклассники дразнили ее «принцессой», но не слишком часто и не слишком жестоко: как оказалось, она действительно была принцессой, и ее отряд имперской охраны не терпел проявлений неуважения.

Ее детство и ранняя юность были настолько обычными, насколько это возможно для дочери самого могущественного человека во всей известной вселенной. Впрочем, с точки зрения самой Кардении, жизнь ее выглядела почти обыкновенной — она закончила университет Ядропада, получив степень по современной литературе и образованию, и подумывала стать профессиональным покровителем какой-нибудь гуманитарной программы для малообеспеченных.

А потом погиб Реннеред: врезался на своем ретроавтомобиле в стену во время благотворительных показательных гонок с участием настоящих гонщиков и, по сути, лишился головы. Кардения никогда не смотрела видео с места катастрофы — все-таки это был ее брат, — но читала отчет судебных экспертов. Исключив любые подозрения в умышленном нарушении правил, они, однако, отметили наличие в автомобиле систем безопасности, а также крайне малую ве-

роятность фатального исхода, не говоря уже об обезглавливании.

Позже Кардения узнала, что во время благотворительного аукциона после гонок Реннеред должен был публично объявить о своей помолвке с Надаше Нохамапитан. Эти два события остались для нее прочно связанными между собой.

Кардения не была особо близка с Реннередом — когда она родилась, брат был подростком, и их круги общения не пересекались, — но он относился к ней по-доброму. В детстве она издали боготворила Реннереда и его разгульный образ жизни, а становясь старше и понимая, что ее почти миновало тяжкое бремя имперской славы, втайне радовалась, что у нее есть брат, готовый возложить это бремя на свои плечи. Похоже, ему это даже нравилось — намного больше, чем могло бы понравиться ей.

Теперь брата не стало, и империи внезапно потребовался новый наследник.

— Похоже, ты не слушаешь, — сказал Батрин.

— Извини, — ответила Кардения. — Я думала о Реннереде. Жаль, что его нет с нами.

— Мне тоже. Хотя, вероятно, по другим причинам.

— Я была бы рада, если бы он занял трон после

тебя. Как и многие.

— Наверняка, дитя мое. Но послушай меня, Кардения: я вовсе не жалею, что наследницей стала ты.

— Спасибо.

— Я серьезно. Из Реннереда получился бы прекрасный импер. Он в буквальном смысле родился для этого, как и я. Ты — нет. Но это не так уж и плохо.

— Думаю, ничего хорошего. Я сама не знаю, что делаю, — призналась Кардения.

— Никто из нас не знал, что мы делали, — ответил Батрин. — Разница в том, что ты это знаешь. Будь с нами Реннеред, он оказался бы таким же несведущим, но более уверенным в себе — и в итоге ударил бы в грязь лицом, как я, моя мать и мой дед. Возможно, ты нарушишь семейную традицию. — Кардения улыбнулась, и Батрин едва заметно наклонил голову. — До сих пор не знаешь, как ко мне относиться, да?

— Нет, — призналась Кардения. — Я рада, что за последние месяцы мы смогли лучше узнать друг друга. Но… — Она развела руками. — Все остальное…

— Тебе хочется ближе узнать своего отца, — улыбнулся Батрин, — но вместо этого приходится

готовиться к управлению вселенной?

— Смешно, но так и есть.

— Это я виноват. Как ты знаешь, ты родилась случайно — по крайней мере, если говорить о моем участии. — Кардения кивнула. — Все, в том числе твоя мать, советовали держать тебя подальше от двора. И я с радостью согласился с ними.

— Знаю. И я никогда тебя не винила.

— Да, не винила. Странно, правда? — сказал Батрин.

— Не понимаю, о чем ты.

— Ты в буквальном смысле принцесса, но тебе не нравилось жить, как принцесса. Думаю, большинство людей возмутились бы, оказавшись в твоем положении.

— Мне нравилось это как вариант, — пожала плечами Кардения. — Когда мне было восемь, я немного возмущалась. Но когда я стала достаточно взрослой и поняла, что значит быть принцессой, я обрадовалась, что большая часть всего этого пройдет мимо меня.

— И все же это тебя настигло.

— Да, — кивнула Кардения.

— Тебе все еще не хочется быть импер?

— Нет, не хочется. Я бы предпочла, чтобы ты передал трон кузену, племяннику или кому-ни-

будь еще.

— Если бы Реннеред женился раньше и у него остался бы ребенок, это решило бы твою проблему. Но этого не случилось. И в любом случае, если бы он женился на этой Нохамапитан и у них родился наследник, она стала бы регентом. Не слишком удачная мысль — позволить ей бесконтрольно править империей.

— Ты же сам настаивал, чтобы он на ней женился.

— Политика. Как я понимаю, тебя тоже убеждают выйти замуж за ее брата.

— Да.

— Это политически выгодно.

— И ты этого хочешь?

Батрин резко закашлялся. Кардения налила стакан воды и поднесла к его губам.

— Спасибо. Нет. Надаше Нохамапитан бессердечна и жестока, но и Реннеред не был невинным младенцем. В этом смысле он напоминал мою мать. Он держал бы жену в узде и наслаждался бы этим — как и она сама. Но ты не такая, как Реннеред, и Амит Нохамапитан лишен той спасительной благодати, что есть у его сестры, а именно ума.

— Он зануда.

— Это куда короче и точнее.

— Но ты сейчас сказал, что это политически выгодный союз.

Батрин едва заметно пожал плечами:

— Да, и что с того? Ты скоро станешь импе́ро.

— И тогда никто не сможет указывать мне, что делать.

— Ну уж нет, — ответил Батрин. — Все станут указывать тебе, что делать. Но тебе вовсе незачем каждый раз их слушать.

— Сколько ему еще осталось? — спросила Кардения за ужином у Кви Дринина. Точнее говоря, ужинала сама Кардения в приватной столовой, роскошная обстановка которой выглядела скорее смешной, нежели чудовищной, приятно контрастируя с остальной резиденцией. Дринин ничего не ел, а лишь стоял, ожидая, когда ему дадут возможность дать отчет о состоянии умирающего. Кардения спросила, не хочет ли он поесть, но он отказался столь поспешно, что ей подумалось, будто она невольно нарушила некий имперский протокол.

— Думаю, не больше суток, мэм, — ответил Дринин. — У него фактически перестали работать почки, и хотя мы еще можем ему помочь, скоро откажет и все остальное — организм в критиче-

ском состоянии. Ваш отец понимает, что можно предпринять героические меры, но те продлят его жизнь в лучшем случае на несколько дней, и он предпочел от них отказаться. Сейчас мы лишь создаем ему необходимый покой.

— Он все еще в ясном уме, — сказала Наффа, которая тоже ничего не ела.

Кивнув, Дринин повернулся к Кардении:

— Вряд ли стоит рассчитывать, что это надолго, мэм, особенно если учесть, что в его крови продолжают накапливаться токсины. Не сочтите за дерзость, но если вы хотите сообщить отцу нечто важное, лучше сделать это раньше, чем позже.

— Спасибо, доктор, — ответила Кардения.

— Не за что, мэм. Могу я спросить, как вы себя чувствуете?

— В личном смысле или в медицинском?

— И в том и в другом, мэм. Я знаю, что вас несколько недель назад подключили к сети, и хотел бы убедиться, что обошлось без побочных эффектов.

Свободной от вилки рукой Кардения дотронулась до точки на затылке, у самого основания черепа, куда ей вживили имплант имперской нейросети. Через месяц или около того он должен был врасти в ее мозг.

— Где-то с неделю болела голова, — ответила она. — Сейчас все хорошо.

— Прекрасно, — кивнул Дринин. — Головная боль — дело обычное, но если почувствуете что-то другое, дайте мне знать, конечно же. Имплант уже должен полностью прижиться, но мало ли что.

— Спасибо, доктор, — повторила Кардения.

— Не за что, мэм, — кивнул Дринин и повернулся, собираясь уйти.

— Доктор Дринин?

— Да, мэм? — Дринин остановился и снова повернулся к ней.

— Буду рада, если после передачи власти вы и ваши подчиненные останутся на службе импер о.

— Конечно, мэм. — Дринин улыбнулся и, низко поклонившись, вышел.

— Знаете, вам незачем просить остаться весь имперский персонал, — сказала Наффа, когда за ним закрылась дверь. — Иначе весь первый месяц уйдет на это.

Кардения показала на дверь, через которую вышел доктор.

— Этому человеку предстоит осматривать меня в течение десятилетий, — сказала она. — Думаю, нет ничего плохого в том, чтобы лично попросить

его остаться. — Она посмотрела на помощницу. — Как-то странно: почему ты не ешь вместе со мной, а стоишь с планшетом и чего-то ждешь?

— Подчиненные не едят вместе с импero.

— Даже когда импero им разрешает?

— Вы приказываете мне съесть вместе с вами ту бурду, которую вы едите?

— Никакая это не бурда — всего лишь буйабес[2] из коричной рыбы. И я ничего не приказываю. Я просто говорю, что ты можешь, если хочешь, поесть вместе со своей подругой Кардением.

— Спасибо, Кар, — ответила Наффа.

— Меньше всего мне хотелось бы видеть в тебе только подчиненную. На самом деле мне нужны друзья. Друзья, которым все равно, кто я такая. Когда мы были маленькими, только тебя не волновало, что я принцесса.

— Мои родители — республиканцы, — напомнила подруге Наффа. — Если бы я относилась к тебе иначе из-за того, кем был твой отец, они бы от меня отреклись. Они и сейчас возмущаются, что я на тебя работаю.

— Кстати, напомнила: когда стану импero, смогу дать тебе титул.

---

[2] Примечания: 2

Буйабес — рыбная похлебка с чесноком, овощами и пряностями.

— Только попробуй, Кар, — возразила Наффа. — Иначе я никогда не смогу поехать домой в отпуск.

— «Баронесса» звучит не так уж плохо.

— Если будешь продолжать в том же духе, вылью рыбный суп тебе на голову, — предупредила Наффа. Кардения молча улыбнулась.

— Я смотрел твое видео, — сказал Батрин, проснувшись в очередной раз. Кардения отметила про себя, что Дринин был прав: силы оставляли отца, взгляд его блуждал. — То, где ты говорила обо мне.

— И что скажешь? — спросила Кардения.

— Прекрасно. Речь ведь сочинял не комитет?

— Нет.

Исполнительный комитет постоянно жаловался, что Наффа переписала текст речи, пока Кардения не сообщила им, что в нем либо будут слова Наффы, либо не будет вообще никаких. Она радовалась своей первой победе над тремя политическими силами, противостоящими импере, хотя и не делала вида, будто после ее прихода к власти таких побед будет намного больше.

— Хорошо, — кивнул Батрин. — Ты должна принадлежать только самой себе, дочь моя. И более никому.

— Запомню.

— Обязательно. — Батрин на мгновение закрыл глаза и, казалось, задремал, но тут же снова открыл их и взглянул на Кардению. — Ты уже выбрала себе имперское имя?

— Я думала оставить свое собственное, — ответила Кардения.

— Что? Нет, — покачал головой Батрин. — Собственное имя — для твоего личного круга. Для друзей, супругов, детей, любимых. Оно тебе понадобится. Не отдавай его империи.

— Каким из твоих имен звала тебя моя мать?

— Она звала меня «Батрин». По крайней мере, достаточно долго для того, чтобы это имело значение. Как она?

— Жива и здорова.

Три года назад Ханна Патрик согласилась занять должность проректора в технологическом институте Гельфа, в десяти неделях пути от Ядра по Потоку. Известие об ухудшающемся здоровье импero, вероятно, уже дошло до нее, но о том, что ее дочь стала новым импero, ей предстояло узнать уже постфактум. Кардения знала, что мать испытывает весьма противоречивые чувства по поводу ее восхождения на трон.

— Я подумывал на ней жениться, — сказал

Батрин.

— Ты мне говорил. — От матери Кардения слышала другое, но сейчас было не время заводить разговор об этом.

Империо кивнул и сменил тему:

— Могу я предложить тебе имя? В качестве имперского?

— Да, пожалуйста.

— Грейланд.

— Мне оно незнакомо, — нахмурилась Кардения.

— Когда я умру, посмотри, кто она такая. А потом приходи и поговорим.

— Да.

— Вот и ладно. Ты будешь хорошей империо, Кардения.

— Спасибо.

— Иначе и быть не может. В конце концов, империи это необходимо.

Не зная, что ответить, Кардения лишь кивнула и взяла отца за руку. Похоже он слегка удивился — и слабо сжал ее пальцы.

— Пожалуй, засну, — сказал он. — Засну, а потом ты станешь империо. Согласна?

— Вполне, — ответила Кардения.

— Ладно. — Батрин снова едва заметно сжал ее

ладонь. — Прощай, Кардения, дочь моя. Жаль, что судьба не дала мне шанса любить тебя и дальше.

— Все будет хорошо, — сказала Кардения.

Батрин улыбнулся:

— Приходи повидаться.

— Да.

— Хорошо, — сказал Батрин и погрузился в сон.

Кардения сидела возле отца, ожидая, когда она станет импер. Долго ждать не пришлось.

Глава 2

Кива Лагос ожесточенно трахалась с помощником казначея, за которым ухлестывала в последние шесть недель рейса корабля под названием «Да, сэр, это моя малютка», шедшего с Ланкарана на Край, — и тут в ее каюту без приглашения ввалился второй помощник Вэйлав Бреннир.

— Я немного занята, — сказала Кива. Ей наконец удалось достичь высшего наслаждения, и она не собиралась его лишаться лишь потому, что этот долбарь (не буквально — в этом смысле он был просто чудовищен) Вэйлав решил заявиться к ней. Не так-то просто дойти до высшей точки. Люди занимаются сексом, а он является без спроса. А потому он увидел то, что увидел, по своей, а не по ее вине. Помощник казначея, похоже, слегка смутился, но Кива слегка прибавила темп, давая понять, что празднество продолжается.

— Я по важному делу.

— Кто бы сомневался.

— У нас на борту таможенный чиновник, который не позволяет вынести с корабля ни одного чепушина, — сказал Бреннир. Если его шокиро-

вало или возмутило то, чем занималась Лагос, он тщательно это скрывал, всем своим видом выражая крайнюю скуку. — Мы прибыли на Край именно для того, чтобы выгрузить наши чепушины. Если мы не продадим их или не договоримся о лицензиях, нам крышка. Вы — представитель судовладельца и будете объяснять своей матери, почему этот рейс стал причиной финансового краха вашей семьи. Возможно, вам стоит, вместе с капитаном Блиниккой, прямо сейчас поговорить с тем таможенником и выяснить, как решить проблему. Но вы можете и дальше трахать этого юного члена команды, мэм. Уверен, на вашем будущем, а также будущем корабля и вашей семьи то и другое отразится одинаково.

— Вот дерьмо, — бросила Кива. Наслаждение миновало, и помощник казначея, ее небольшой проект, выглядел теперь довольно уныло. — Бреннир нанес впечатляющий удар тому, кто может запросто дать тебе пинка под зад.

— Можете меня уволить, мэм, — сказал Бреннир. — Для меня всегда найдется работа в гильдии. Так вы идете или нет?

— Я думаю.

— Пожалуй, я пойду, — пробормотал помощник казначея. — В смысле, можно мне идти?

Вздохнув, Кива взглянула на свое завоевание:

— Когда тебе снова на службу?

— Через три часа.

— Тогда оставайся здесь.

Выпутавшись из объятий помощника казначея, она надела на себя нечто приемлемое для внешнего мира и вышла из каюты следом за Бренниром.

«Да, сэр, это моя малютка» был «пятеркой», кораблем, размер и конструкция которого теоретически позволяли ему поддерживать за счет собственных ресурсов жизнь полностью укомплектованной команды в течение примерно пяти стандартных лет, прежде чем начнут отказывать внутренние системы жизнеобеспечения и охваченные невообразимым ужасом члены экипажа будут судорожно жаться друг к другу в ожидании конца, как рано или поздно случается со всеми командами, затерянными в бескрайних просторах космоса, без надежды на спасение.

Однако на практике внутри Потока, текшего, словно река, посреди Взаимозависимости, человеческие поселения были отделены друг от друга не более чем девятью месяцами пути. «Пятерки», как и «десятки», их более крупные собратья, обычно имели систему жизнеобеспечения, рас-

считанную на год, с прибавкой в три месяца на случай какой-либо ошибки. Остальное пространство отдавалось под груз, а в случае «Да, сэр» — под астропонные фермы: там выращивались сельскохозяйственные продукты, монопольно принадлежавшие владельцам кораблей, которые доставляли их в разные поселения.

Дом Лагос, владелец «Да, сэр», обладал монополией на цитрусовые — от корней до плодов, от фамильных ценностей вроде лимонов и апельсинов до сравнительно недавних гибридов наподобие габинов, цедрокулачков или чепушинов. Именно из-за последних прибыл на Край «Да, сэр» — продать плоды, выращенные и собранные во время полета, и договориться о лицензиях для местных сельхозпроизводителей, чтобы те выращивали их на Крае от имени семейства Лагос.

По крайней мере, таков был план. Вот только теперь придурок-таможенник пытался отправить его ко всем чертям.

Кива вошла в зал для совещаний «Да, сэр», где ждали капитан Томи Блиникка, главный казначей Гажон Магнут и какой-то унылый кусок дерьма, представлявший имперскую таможню. Кивнув Блиникке и Магнуту, Кива заняла место за столом рядом с ними. Блиникка отправил

восвояси Бреннира, который, уходя, закрыл за собой дверь.

— Ладно, в чем проблема? — спросила Кива.

— Леди Кива, я инспектор Претан Ванош, помощник главы имперской таможни на Крае… — начал унылый кусок дерьма.

— Очаровательно, — прервала его Кива. — Так в чем проблема?

— Проблема в клостеровирусе, — ответил Ванош. — Это разновидность вируса…

— Моя семья обладает монополией на цитрусовые уже восемьсот лет, господин Ванош, — сказала Кива. — Мне известно, что такое клостеровирус. Мне также известно, что последний подтвержденный случай поражения клостеровирусом продаваемого или лицензируемого нами урожая имел место двести лет назад. Мы усиливаем сопротивляемость наших плодов с помощью генной инженерии.

Едва заметно улыбнувшись, Ванош протянул Киве пластиковую папку.

— Часы сброшены, леди Кива, — сказал он. — Девять месяцев назад ваш второй корабль, «Нет,

сэр, это вовсе не шутка»[3], прибыл с грузом черенков грейпфрута, содержавших новый штамм вируса, который распространился по вашим лицензированным садам и уничтожил урожай ваших клиентов.

— Ладно, и что с того? — спросила Кива. — Если все действительно так — а я не намерена этого утверждать, пока мы сами не взглянем, что произошло, — то мы выплатим компенсацию клиентам и возместим расходы на распашку земли под новые сады. Но никакой связи с этим грузом чепушинов тут нет.

— Все не так просто, — возразил Ванош. — Вирус перекрестно совместим с рядом местных культур Края, включая бану, главный тамошний продукт питания. Чтобы остановить распространение вируса, нам пришлось поместить в карантин целые провинции. Цены на еду взлетели до небес. Народ встревожен слухами о возможном голоде. Что еще хуже, герцогу Края уже приходится подавлять мятеж. — Ванош наклонился через стол к Лагос. — Скажу прямо, леди Кива: дом Лагос мно-

---

[3] Примечания: 3

Названия двух кораблей (в оригинале — «Yes, Sir, That's My Baby» и «No, Sir, I Don't Mean Maybe») представляют собой две первые строчки популярной американской песни, ставшей известной в исполнении Фрэнка Синатры. Кроме того, в честь американских песен и фильмов назван ряд других кораблей.

го сделал, чтобы дестабилизировать обстановку на всей планете.

Кива недоверчиво уставилась на чиновника:

— Ты что, всерьез полагаешь, будто мы…

На этот раз женщину из дома Лагос прервал Ванош:

— Леди Кива, не важно, что входило в намерения вашего дома: важно то, что он совершил. В данном случае — подлил масла в огонь. Пока вопрос не решится в суде, ваши права на торговлю с Краем, боюсь, будут приостановлены.

— Мне ничего об этом не известно, — заявила Кива.

— Вся информация о вирусе имеется в докладе.

— Я не про долбаный вирус. Я про дестабилизацию, голод и прочую хрень. Нам этого не пришьешь.

— Уверяю вас, леди Кива, никто не обвиняет во всем этом вашу семью. Но вина вашей семьи достаточно велика, чтобы стать причиной приостановки прав.

— Это шантаж? — спросила Кива.

— Прошу прощения? — моргнул Ванош.

— Ты слышал, что я сказала. Это шантаж? Ты вымогаешь у нас взятку?

— Взятку?

— Да.

— Не знаю, что в нашем разговоре заставило вас предположить, будто я вымогаю у вас взятку, леди Кива.

— Да хватит тебе скромничать, мать твою, — раздраженно бросила Кива. — Будем считать, что мы все взрослые люди, и когда речь идет о деле, миндальничать ни к чему. Говори, чего ты хочешь, — она ткнула в сторону Магнута, который, судя по выражению его лица, не мог поверить в реальность всего сказанного, — а присутствующий здесь Магнут позаботится об остальном.

Ванош повернулся к Магнуту:

— И часто вам приходится давать взятки имперским таможенникам, главный казначей Магнут?

— Не отвечай, — сказал капитан Блиникка Магнуту, который явно был рад, что ему велели молчать, и повернулся к Ваношу. — Приношу свои извинения, инспектор. Представительница нашего судовладельца, по понятным причинам пребывающая в расстроенных чувствах, неудачно выбрала слова. Заверяю вас, пытаться подкупить имперских чиновников не в наших обычаях, а из слов леди Кивы вовсе не следует, что кто-то из нас считает вас продажным. Так ведь, леди Кива?

Кива одарила капитана своего корабля долгим взглядом, словно говоря: «Да ты что, шутишь, черт бы тебя побрал?», а затем, получив в ответ: «Вовсе не шучу, черт бы тебя побрал, дура ты этакая», вновь переключила свое внимание на Ваноша:

— Да, я неудачно пошутила. Прошу прощения.

— Пожалуй, карьера комика не для вас, леди Кива, — заметил Ванош.

— Спасибо за подсказку.

— Леди Кива, капитан Блиникка, похоже, у вас в любом случае сложилось впечатление, будто именно я виноват в том, что ваш товар конфискован, а торговые права приостановлены.

— А что, не так? — спросила Кива.

Ванош вновь едва заметно улыбнулся, и Лагос стало интересно, умеет ли он улыбаться как-то иначе.

— Если бы все зависело только от меня, леди Кива, я бы получил от вас взятку, а потом стал бы угрожать арестом вам троим, после чего положил бы себе в карман вторую взятку, на этот раз покрупнее.

— Так я и знала, — сказала Кива. — Долбаный изворотливый хитрюга.

Ванош коротко кивнул:

— Но в этом случае директива поступила сверху. Собственно говоря, леди Кива, запрет на ввоз ваших чепушинов и любую торговлю на Крае для вашего корабля и вашей семьи исходит от самого герцога. — Ванош протянул еще один документ, на этот раз — традиционное, сложенное вчетверо, письмо на плотном пергаменте с герцогской восковой печатью: значит, герцог Края шутить не собирался. — Вам придется решать вопрос с ним, — продолжил Ванош.

Кива взяла письмо.

— Что ж, прекрасно, мать твою растак, — сказала она.

— Воистину, — кивнул Ванош. — Могу я дать вам совет, леди Кива?

— Да?

— Герцог Края владеет большей частью планеты. Вряд ли стоит пытаться его подкупить.

На то, чтобы организовать встречу с герцогом Края, потребовались целые сутки. Порт Краепада не принимал прямые рейсы челноков с кораблей — по их словам, «некоторые были обстреляны при посадке», — так что Киве пришлось отправиться на челноке на Имперскую станцию, массивное орбитальное сооружение, где империя вела большую часть своих дел, а затем спуститься

по «бобовому стеблю», основательно укрепленному для защиты от атак мятежников, в порт. Там Киву встретил местный семейный лакей, который приветствовал ее и проводил к машине.

— Что это, черт побери? — спросила Кива, увидев машину, напоминавшую небольшой танк.

— Путь к дворцу герцога лежит через довольнотаки неприятные районы, леди Кива, — ответил лакей.

— Тебе не кажется, что мы слишком бросаемся в глаза? Такое впечатление, будто над нами ярко сияет табличка «выстрели в меня».

— Мэм, в данный момент обстрелу подвергается почти все, что движется. — Лакей открыл дверцу пассажирской кабины. — Собственно, как и все, что слишком долго остается неподвижным. — Он жестом пригласил ее внутрь. Кива поняла намек.

Пассажирский салон небольшого танка, по крайней мере, выглядел достаточно роскошно. Сев, Кива пристегнулась и кивнула двум представителям семьи на Крае. Одна из них протянула Лагос руку:

— Леди Кива, я Эйота Финн, вице-президент местного представительства семьи Лагос. — Кива ответила на ее рукопожатие, и женщина

показала другой рукой на третьего человека в салоне. — Это Джонан Рю, глава вашей местной юридической службы.

— Привет, — сказала Кива обоим.

— Вряд ли вы помните, но мы с вами уже встречались, — обратилась Финн к Киве. — До того как меня направили на Край, я работала у вашей матери на Икойи. Конечно, вы тогда были еще ребенком.

— Верно. Что ж, все это очень интересно, Финн, но сейчас, уж извините, мне совершенно наплевать, встречались ли вы со мной, когда мне было шесть лет. Мне нужно знать, что за хрень творится с этим запретом.

— Вы определенно пошли в мать, — улыбнулась Финн. — Она тоже с ходу брала быка за рога.

— Да уж, та еще семейка, — сказала Кива, и машина накренилась вперед. — А теперь объясняйте, что к чему.

Финн кивнула в сторону Рю:

— Прямо сейчас у нас две проблемы, леди Кива, причем взаимосвязанные. Первая — запрет на ввоз. Вторая — мятеж.

— Какое отношение к нам имеет мятеж? — нахмурилась Кива.

— Политически — никакого. Просто очередной

мятеж, не более того.

— «Просто очередной»? Сколько же мятежей случается на этой долбаной планете?

— Один или два в десятилетие, — ответила Финн. — Планету не просто так назвали Краем, леди Кива. Это самое дальнее человеческое поселение во Взаимозависимости, до которого труднее всего добраться, и единственное, жители которого не имеют гарантированного права на свободу передвижения. В течение столетий оно служило свалкой для всех мятежников и диссидентов империи. Попадая сюда, они отнюдь не становятся лучше.

Словно подчеркивая ее слова, со стороны боковой панели послышался глухой удар.

— Что это было? — спросила Кива у водителя.

— Проверочный выстрел, мэм. Ничего особенного.

— В нас стреляют — и ничего особенного?

— Будь у них серьезные намерения, они бы выпустили по нам ракету.

Кива снова посмотрела на Финн:

— И такое у вас творится раз в десять лет?

— Да, один или два раза в десятилетие.

— Неужели им больше нечем заняться? Спортом, настольными играми?

— Обычно мятежники сосредоточены во внешних провинциях, — сказал Рю. — Стоит им поднять голову, как правящий герцог посылает Национальную гвардию, и за пару месяцев все заканчивается. Но сейчас все иначе.

— Эти повстанцы хорошо организованы, — заметила Финн. — И неплохо вооружены.

— Угу, я и сама уже сообразила, — кивнула Кива. — Но пока что не узнала, какое это имеет отношение к нам.

— Как я уже сказал, с политической точки зрения — никакого, — продолжал Рю. — Но борьба именно с этим мятежом обходится дорого. Деловые связи нарушены, собираемость налогов падает. Нужно где-то брать деньги.

— У нас?

— У нас, — согласился Рю.

— Не только у нас, — поправила Финн. — Герцог выжимает все возможное из доходов гильдии. Для начала — путем повышения налогов и тарифов. Он поднял их до предела, разрешенного законом империи.

— Но этого оказалось недостаточно, — сказал Рю. — И герцог начал подходить к делу творчески.

— Когда сообщили о появлении вируса в грейп-

фрутах, герцог заморозил банковские счета дома Лагос, — продолжила Финн. — Теоретически деньги помещены на депозит, пока продолжается юридическое определение ущерба, нанесенного Краю распространением вируса на местные культуры.

— И какое мы имеем к этому отношение? — спросила Кива.

— Возможно, никакого, — ответил Рю. — Это будет решать суд. Но если герцог сумеет доказать, что вирус внесен в экосистему Края по нашему недосмотру, по законам империи он имеет право требовать компенсаций и штрафов.

— А тем временем наши средства лежат здесь на депозите, чтобы мы не могли вернуть их на Икойи, сделав недосягаемыми для герцога, — сказала Финн.

— Но ведь на самом деле они вовсе не на депозите? — Кива показала на улицу, видневшуюся за маленьким окном из толстого пуленепробиваемого стекла. — Герцог использует их для борьбы с мятежниками?

Рю улыбнулся, не разжимая губ, — похоже, так улыбались все на Крае.

— Собственно, когда герцог объявил чрезвычайное положение, он национализировал

банки. Официально — чтобы предотвратить финансовую панику и спекулятивные сделки. Но руководители банков гильдии говорят, что он грабит счета.

— Великолепно, что уж там, — фыркнула Кива.

— Не такой уж плохой план, по крайней мере в том, что касается семьи Лагос, — заметила Финн. — Если он победит мятежников, судебные тяжбы по возмещению украденных им средств могут тянуться годами.

— А если он проиграет, тоже будет все равно: вероятно, он не останется в живых, — сказал Рю.

Кива что-то мрачно проворчала себе под нос и взглянула в окно. Мимо проплывали унылые полуразвалившиеся улицы Инвернесса, столицы Края. Вдали поднималась к небу копоть от пожаров.

— Что, в самом деле?

— Что именно? — спросила Финн.

— В самом деле проиграет?

Финн и Рю переглянулись.

— Герцога Края свергают уже не в первый раз, — заметила Финн.

— Прекрасно, но как насчет этого раза? — спросила Кива. — Мы что, лишь впустую потеряем время на разговоры с этим недоумком?

— Да, для герцога дела складываются не лучшим образом, — помолчав, сказал Рю. — До нас доходили слухи о дезертирстве в провинциях и о переходе военных командиров на другую сторону, вместе с солдатами. Вероятно, все решится в течение следующей недели.

— А как насчет тех недоумков? — Кива ткнула пальцем вверх. — Имперцев? Герцог все-таки титулованная особа, мать его растак. Вряд ли им понравится, если его просто выволокут на улицу и пристрелят.

— Это Край, госпожа Кива, — сказал Рю. — Пока Взаимозависимость получает свой процент от торговли, все остальное — внутренние дела.

— В том числе смерть герцога?

— Герцога Края свергают уже не в первый раз, — повторила Финн.

— Подъезжаем к дворцу, — сообщил водитель. — Проезд через посты охраны займет несколько минут. Могу я попросить ваше приглашение во дворец, мэм?

Кива передала документ и снова переключила внимание на подчиненных:

— Значит, мне остается только идти туда и упрашивать этого засранца, чтобы он позволил мне продать мои чепушины? А если позволит —

ждать, что весь доход от продажи пойдет на так называемый депозит и я никогда его не увижу?

— По крайней мере, в ближайшие годы, — кивнула Финн. — В лучшем случае.

— Почему, мать вашу, вы этого не предвидели? — спросила Лагос у Финн, ткнув в сторону хорошо укрепленного дворца, видневшегося сквозь лобовое стекло. — Мы сидим тут и мнем сиськи, пока эта сволочь играет в «морской бой» с повстанцами на наши деньги.

— Вообще-то, я предвидела, — возразила Финн. — Именно поэтому на депоненте оказалось вдвое меньше денег, чем в тот момент, когда появились первые известия о вирусе.

— Где остальные деньги? Закопали их на заднем дворе?

— В каком-то смысле. Дом Лагос получил во владение немалую собственность — с участием многих посредников.

Кива обвела рукой вокруг:

— Надеюсь, не здесь? Этот долбаный город весь в огне.

— Нет. По большей части в провинциях Томнаурих и Клермонт. Особенно в Клермонте. Тамошнему графу не терпелось распродать свою собственность — срочно потребовались налич-

ные.

— Кто бы сомневался. Аристократы не особо популярны во время революции.

— Да, леди Кива.

Машина снова двинулась вперед.

— Перед встречей с герцогом вам следует знать еще две вещи, — сказал Рю Киве.

— Слушаю.

Рю протянул ей лист бумаги:

— Во-первых, мы выполнили вашу просьбу и проследили путь вируса. Ничто не подтверждает заражение тех черенков грейпфрута вирусной инфекцией до того, как они оказались в садах Края. Ничего не обнаружилось ни в складских запасах, ни в образцах, которые проверялись на «Нет, сэр» перед полетом.

Кива взглянула на листок:

— Вы считаете, что это саботаж?

— Почти наверняка. Другой вопрос — удовлетворится ли суд нашими доказательствами. И тут мы переходим ко второму. У герцога есть советник, член одного из домов гильдий. И вряд ли вам понравится, когда вы узнаете, какого именно.

Кива подняла взгляд:

— Говорите, мать вашу.

— Нохамапитан.

Замок герцога назывался Кинмайлиз. Чрезмерная роскошь свидетельствовала о том, что обитатели замка путают излишество с изяществом. Киве, происходившей из невероятно богатого рода, представителям которого было полностью наплевать, впечатляет кого-нибудь их богатство или нет, стало несколько не по себе, едва она оказалась в стенах замка. «Очищение огнем ему бы точно не помешало, мать его растак», — подумала она, пока ее вели по нескончаемой веренице коридоров к кабинету герцога Края.

— Еще одно, — сказала Финн Киве, когда к ним вышел паж, чтобы препроводить гостью к герцогу. — Герцог считает сквернословие признаком недостаточного ума. Постарайтесь по возможности не выражаться в его присутствии.

«Вот ведь засранец», — подумала она, входя в кабинет герцога, разукрашенный так же тошнотворно, как и весь остальной дворец. По семейной легенде, первыми словами, которые Кива произнесла во младенчестве, были «Твою мать!» — что вполне могло быть правдой, учитывая пристрастие к ругательствам графини Хьюмы Лагос, матери Кивы и главы дома Лагос. Честно говоря, скорее удивило бы обратное. Сколько Кива помнила себя, она всегда ругалась,

и, естественно, дочери графини Лагос, пусть даже шестому ребенку без шансов на титул, никто не мог этого запретить.

А теперь у какого-то придурка свербит из-за этого в заднице.

Вышеупомянутый придурок с неприятными ощущениями в заднем проходе стоял возле барной стойки у себя в кабинете, держа в руке бокал с янтарной жидкостью, и смеялся. Он был высокого роста, а в бороде его могли бы свить гнездо птицы. Рядом с ним, тоже с бокалом в руке и тоже смеясь, стоял, одетый в претенциозный фамильный костюм черного цвета, не кто иной, как Грени Нохамапитан.

Паж откашлялся, и герцог поднял взгляд.

— Леди Кива Лагос, — доложил паж и вышел.

— Дорогая моя леди Кива! — проговорил герцог Края, отходя от бара. — Добро пожаловать. Прошу.

— Здравствуйте, ваша светлость, — слегка кивнув, сказала Кива. Будучи дочерью главы семейства и верховным представителем дома на планете, Лагос могла обращаться к нему просто «герцог», но она пришла целовать ему задницу, и ничто не мешало заранее сложить губы бантиком.

— Позвольте представить вам моего советника лорда Грени из дома Нохамапитан.

— Мы знакомы, — сказал Грени герцогу.

— Что, правда?

— Вместе учились, — пояснил Грени.

— До чего тесен мир, — заметил герцог.

— Да уж, — ответила Кива.

— Что ж, садитесь, леди Кива. — Герцог показал на стоявшее слева от его стола кресло. Лагос опустилась на пухлое чудовищное сооружение и едва не провалилась в него, а Грени расположился в кресле справа от нее. Герцог уселся в свою охренительную пародию на кресло, за стол, из которого бедная семья могла бы соорудить себе жилище. — Сожалею, что мы встречаемся не при лучших обстоятельствах.

— Понимаю, сэр. Когда повстанцы почти стучатся в ваши двери, хорошего мало.

— Что? — переспросил герцог, и Кива заметила, как губы Грени дернулись в мимолетной улыбке. — Нет, я не об этом. Я о проблемах с вирусом, который притащил к нам ваш дом.

— Воистину, — кивнула Кива. — Вы уверены, что именно мы его занесли, сэр?

— В смысле?

— В том смысле, что наши исследователи не

обнаружили его ни в одном образце на наших складах или на «Нет, сэр». Он появился только в садах.

— Для нас это новость, — сказал Грени.

— В самом деле? — Кива пристально посмотрела на него. — Что ж, на этот случай мои представители составили отчет. — Она взглянула на герцога. — Документ зарегистрирован у вашего секретаря, вместе с уведомлением о нашей просьбе снять запрет на торговлю.

— Вряд ли разумно снимать запрет, — сказал Грени. — При всем уважении к твоим представителям и их исследователям, Кива, до тщательного изучения всех результатов, ради безопасности граждан Края, герцог вынужден исходить из предположения, что любой перевозимый вами продукт точно так же заражен.

— Боюсь, ваш друг прав, — обратился герцог к Киве. — Вы слышали о том, как вирус перебрался на наши поля бану, уничтожив урожай в целых регионах. Мы не можем больше рисковать. Одной из причин мятежа стал неурожай бану.

— Понимаю вашу озабоченность, сэр. Именно поэтому дом Лагос желает оказать вам помощь.

Герцог, прищурившись, посмотрел на Киву:

— Что вы имеете в виду?

— Насколько я понимаю, вы заморозили наши счета, ожидая решения суда по поводу вируса?

Кива заметила, как герцог бросил быстрый взгляд на Грени.

— Да, именно так. И считаю, что поступил весьма благоразумно.

— Позвольте мне официально предложить вам эти деньги в качестве ссуды от дома Лагос, выданной на подавление мятежа. Мы рады предоставить самые лучшие условия.

— Гм… весьма щедро с вашей стороны, — сказал герцог.

— Всего лишь бизнес, — ответила Кива. — Для дома Лагос не будет никакой пользы, если вас лишат власти, сэр. К тому же у вас появляется доступ к средствам, которого вы иначе не имели бы. Какой смысл этим деньгам лежать без дела? Найдите им применение.

— Боюсь, это не так просто, — заметил Грени.

— На самом деле все очень просто, — возразила Кива. — Мы можем поставить условием, что, если дом Лагос находят виновным, ссуда равна сумме возмещения ущерба, а остаток и проценты засчитываются как штрафы.

— Вопрос не в юридических тонкостях, вопрос в том, как это будет воспринято, — сказал Грени.

— Разве может быть плохо воспринят тот факт, что герцог, не жалея средств, защищает свой народ? Или лучше пусть герцога свергнут из-за того, что он чересчур озабочен тем, как воспримут его действия?

Грени повернулся к герцогу:

— Сэр, это похоже на взятку.

— Взятку? За что? — воскликнула Кива.

— В этом-то и вопрос, — заметил Грени.

— Леди Кива, чего вы ожидаете в обмен на подобную щедрость со стороны дома Лагос? — спросил герцог.

— Опять-таки, при всем к вам уважении, сэр, это вовсе не щедрость. Если суд закончится в нашу пользу, дом Лагос рассчитывает получить ссуду назад. Всего лишь бизнес.

— Но вам ведь нужно что-то еще? — спросил Грени.

— Конечно. Я хочу иметь возможность продавать сра… — Кива спохватилась в последний момент, — с радостью мои благословенные чепушины, сэр. И тогда деньги, которые мы заработаем на продаже и лицензиях, не улетят вместе с нами на «Да, сэр». Они останутся здесь, у вас, как часть ссуды.

— Вместе со всеми новыми вирусами, которые

могут оказаться в ваших плодах, — сказал Грени.

Кива посмотрела на герцога:

— Сэр, на Имперской станции есть инспекторы, которые выборочно проверяют наш груз. Я с радостью позволю им тщательно обследовать чепушины, чтобы гарантировать, что они чисты и ничем не угрожают биосфере Края.

Герцог Края изобразил задумчивость, но затем бросил пристальный взгляд на Грени, который покачал головой, продолжая бесстрастно сидеть в кресле.

— Леди Кива, благодарю за ваше предложение и вашу заботу. Но я сомневаюсь в необходимости подобных мер. Я считаю, что мятеж будет подавлен в ближайшее время, и поэтому ваше предложение просто без надобности. Что касается ваших чепушинов — пока мы не найдем время для тщательного изучения вашего отчета, я склоняюсь к тому, чтобы соблюдать осторожность. Боюсь, я не смогу снять запрет на вашу торговлю до завершения суда. Уверен, вы меня поймете.

— Хрена с два, — бросила Кива и встала.

— Прошу прощения? — переспросил герцог, поднимаясь с кресла. Грени тоже встал.

— Спасибо, что потратили на меня время, сэр. Не могли бы вы позвать пажа, чтобы он вывел

меня из этого долбаного лабиринта?

— Позвольте, я сам провожу леди Киву, сэр, — учтиво предложил Грени.

— Да, конечно. — Герцог кивнул обоим на прощание и снова направился к бару.

— Ну что, здорово, хрен моржовый, — сказала Кива Грени, едва они вышли из кабинета.

— И я тоже рад тебя видеть, — ответил Грени.

— Попомни мое слово: если выяснится, что за этим долбаным вирусом стоишь ты или дом Нохамапитан, я вернусь на Край специально, чтобы сожрать твое долбаное сердце.

— Само собой. Всегда жду тебя в гости.

— Так как — да или нет?

— Ты про то, имею ли я отношение к вирусу?

— Да.

— Нет, конечно же. Но даже если бы я был тут замешан, вряд ли я стал бы тебе об этом рассказывать. Надеюсь, тебе хватает ума это понять.

— Ты мог бы избавить меня от лишнего путешествия.

— Да и вообще, зачем мне это?

— Ты нисколько не изменился, Грени.

— Не стоит так уж плохо о нем думать. — Грени показал в сторону кабинета герцога. — Ты почти убедила его согласиться на твое предложение

о ссуде. Кстати, довольно умно: любая ссуда, которую глава дома гильдии предлагает титулованной особе для защиты имперской системы, находит поддержку со стороны самой империи. Отличный способ прикрыть задницу.

— Вот только ты все испортил.

— Я думал, ты успела к этому привыкнуть.

— Будто я не заметила, — фыркнула Кива. — «Мы вместе учились», блин.

— Куда вежливее, чем выразилась бы ты: «Я трахалась с ним до посинения каждый раз, когда он приходил к своей сестре в университетское общежитие».

— Ну, так говорить я бы не стала, — возразила Кива. — Мне запретили ругаться. Кстати, как твоя дуреха-сестренка?

— В тоске и печали. Собиралась стать кронпринцессой империи, но Реннеред Ву во время гонок остался без головы.

— Да уж, для нее это и впрямь трагедия.

— Вот и она так считает. Для Реннереда, конечно, тоже ничего хорошего. Как я понимаю, наследницей теперь стала внебрачная дочь императо. Полагаю, мой братец начнет подкатываться к ней.

— Незабываемая семья Нохамапитан. Сплош-

ная романтика.

— В свое время ты не жаловалась.

Кива остановилась и посмотрела на Грени:

— Когда-то я была долбаной идиоткой. Теперь — нет.

— Первый случай в семье Лагос, — заметил Грени.

— И как ты разводишь этого засранца-герцога?

— Во-первых, его зовут Ферд, а не «засранец». Во-вторых, ты меня обижаешь, считая, будто я его развожу.

— Ты убедил его отказаться от многомиллионной взятки.

— Вот видишь, я же говорил, что это взятка. Я был прав.

— Никто не откажется от такого, если только другой не предложит больше.

— Вряд ли я могу что-то сказать по этому поводу, Кива. Тебе уж точно.

— Да брось, Грени. Речь вовсе не о вирусе. И мы на долбаном Крае. Я буду девять месяцев добираться до Ядра и еще три — оттуда до Икойи. Что бы ты мне ни рассказал, к тому времени оно никому не будет интересно.

Оглядевшись вокруг, Грени зашагал дальше. Кива нагнала его:

— Расскажи. Расскажи, что вы приготовили для Края.

— Первая твоя ошибка, Кива, вот в чем: ты полагаешь, будто все, чем я тут занимаюсь, имеет отношение лишь к этой планете.

— Не поняла.

— Знаю. Я и не рассчитывал, что поймешь. — Грени снова остановился и показал вперед. — Иди по этому коридору, потом сверни во второй слева, а затем в первый справа. Окажешься в той же самой приемной, откуда пришла.

— Ты ведь из тех, кто никогда не доводил дело до конца, верно, Грени? — покачала головой Кива.

— Возможно, ты удивишься. — Наклонившись, он легко поцеловал Киву в щеку. — До свиданья, дорогая моя Кива. Знаешь, я даже не ожидал, что снова тебя увижу, — Край редко посещают важные персоны. И вряд ли мы увидимся еще раз. Но, несмотря ни на что, я питаю к тебе нежные чувства. Поэтому я рад, что у нас нашлось время для этого.

— Для чего?

— Скоро узнаешь, — улыбнулся он и зашагал прочь.

— Выкладывайте, — велела Кива капитану

Блиникке и Гажону Магнуту, вернувшись на «Да, сэр».

— Мы рассчитывали получить на Крае около шестидесяти миллионов марок в виде лицензионных выплат и роялти, — сказал Магнут. — Но нам предстоит улететь с пустыми руками: все деньги на депозите, вероятно, нам их не забрать. По нашим оценкам, мы могли бы выручить двадцать миллионов марок за привезенные чепушины и еще десять миллионов в виде первоначальных лицензионных платежей и средств от продажи акций. Но и тут мы ничего не получаем. Еще примерно десять миллионов марок стоят грузы, взятые во время других остановок, которые нам не разрешают выгрузить и продать: тут тоже полный ноль. Часть груза для Края, примерно на миллион марок, нам разрешили выгрузить, но его поместили на несколько недель в карантин, в хранилище, где гуляет космический вакуум. Когда его доставят заказчику, нас уже не будет здесь, и с оплатой придется подождать до прибытия следующего корабля семьи Лагос. Как я понимаю, это «Похоже, мы теперь одни», который появится через двадцать стандартных месяцев.

— Значит, мы потеряли сто миллионов марок, — подытожила Кива.

— Во время последних трех остановок мы получили сорок миллионов чистого дохода, так что потери составляют примерно шестьдесят миллионов. И эта остановка — последняя в нашем рейсе. Потом обратно на Ядро и перелет до Икойи.

Лагос кивнула. Поток позволял добраться до Края несколькими путями, но назад можно было вернуться лишь одним — по течению Потока, от Края до Ядра. Рано или поздно все течения сливались в Ядре. Но это означало, что других шансов возместить потери между Краем и Ядром не оставалось.

— Предлагайте идеи, — сказала Кива. — Томи?

— Весь смысл был в том, чтобы завезти чепушины на Край, — ответил капитан. — В других местах Взаимозависимости их уже полно. Мы можем собрать те плоды, что у нас есть, — собственно, так и придется сделать — и после вакуумного обезвоживания продать концентрат на Ядре. Но у вашей семьи там уже есть лицензиаты, и если мы будем продавать товар по сниженной цене, они могут пожаловаться в имперскую торговую комиссию.

— Капитан прав, — кивнул Магнут. — И даже если мы уравняем цены, возникнет избыток продукции. Мы заработаем в лучшем случае

несколько миллионов марок, а лицензиаты дома Лагос лишатся долгосрочных прибылей.

— Ты хочешь сказать, что мы в полной заднице?

— По сути, да, мэм.

Кива обхватила голову руками, задумавшись на несколько секунд, а затем посмотрела на Блиниккy:

— Когда мы улетаем с Края?

— Пока мы на Имперской станции, корабль проходит техническое обслуживание, а Гажон набирает дополнительную команду вместо тех, кого мы потеряли на Ланкаране. Мы пробудем здесь еще неделю.

— Можно ли задержаться?

— Вряд ли, — ответил Блиниккa. — Причал, у которого мы стоим, через девять дней будет занят. Имперской станции потребуются сутки на таможенную очистку груза и приведение причала в исходное состояние. У нас есть семь дней, а потом мы должны улетать.

— Значит, семь дней.

— Семь дней на что? — спросил Магнут.

— На то, чтобы случилось долбаное чудо, которое спасет наши задницы, — сказала Кива. — Не так уж много, я думаю.

Глава 3

Формально Кардения стала новой импера с момента смерти импера Аттавио Шестого. В реальности же все было намного сложнее.

— Тебе придется объявить официальный траур, — сказала Наффа Долг Кардении в кабинете, который внезапно и официально стал ее собственным. Прошло лишь несколько мгновений с тех пор, как умер ее отец; тело его сейчас забирали из спальни — отныне ее спальни — на носилках, где в свое время лежали тела почти всех импера, которым повезло умереть у себя дома. Кардения видела эти носилки, хранившиеся в другой комнате, и мрачно подумала, что однажды, скорее всего, на них вынесут и ее кости. У любой традиции есть оборотная сторона.

Мысль об этом вызвала у нее невольный смех.

— Кар? — спросила Наффа.

— Так, подумалось о мрачном, — ответила Кардения.

— Могу оставить тебя одну на пару минут.

— Но только на пару.

— Во время передачи власти у импера нет ни одной свободной минуты, — мягко проговорила

Наффа.

— Как долго длится официальный траур?

— По традиции — пять стандартных дней.

— Вся остальная Взаимозависимость получит пять свободных дней, — кивнула Кардения, — а я только пять минут.

— Я вернусь. — Наффа встала.

— Нет, — покачала головой Кардения. — Лучше займи меня делом, Наф.

И Наффа заняла ее делом.

Сперва — официальное объявление траура. Кардения направилась по коридору в кабинет Гелла Денга, личного секретаря ее отца (а теперь, если она не решит иначе, и ее собственного), который должен был передать распоряжение. Кардения беспокоилась, что ей придется диктовать некий официальный текст, но у Денга уже был готов документ, что нисколько ее не удивило. За время существования Взаимозависимости сменилось немало импер о.

Кардения прочитала документ, содержание которого было освящено временем и традицией. Язык казался окостеневшим и заплесневелым, но на то, чтобы внести исправления, ей не хватало душевных сил. Она лишь согласно кивнула и взяла перо, чтобы поставить подпись, но зако-

лебалась.

— Что такое, ваше величество? — спросил Денг, и Кардения невольно отметила про себя, что к ней впервые обратились настолько официально.

— Не знаю, как подписать, — ответила Кардения. — Я еще не выбрала себе официальное имя.

— Если хотите, можете пока просто скрепить имперской печатью.

— Да, спасибо.

Денг достал воск и печать, расплавил воск, а печать протянул Кардении. Та вдавила печать, и на зеленом воске появился герб семьи Ву с имперской короной над ним — ее короной.

Возвращая печать Денгу, Кардения вдруг заметила, что он плачет.

— Теперь все официально, — сказал он. — Вы теперь импера, ваше величество.

— Как долго вы служили моему отцу? — спросила Кардения.

— Тридцать девять лет, — ответил Денг, и ей показалось, будто он сейчас лишится чувств. Кардения машинально наклонилась и обняла его, но тут же отпустила.

— Простите, — пробормотала она. — Мне не следовало так поступать.

— Вы импера, мэм, — сказал Денг. — Вы можете

делать все, что пожелаете.

— Избавь меня от ненужной фамильярности, пожалуйста, — попросила Кардения Наффу, когда они вышли из кабинета секретаря.

— Мне показалось, было очень мило, — ответила Наффа. — Бедный старик. Тяжелый день для него.

— Умер его начальник.

— Да, но еще он считает, что потерял работу. Обычно к этому времени близкие друзья нового импер уже занимают высокие посты. Формально у него тоже высокий пост.

— У меня нет близких друзей, — возразила Кардения. — Я имею в виду, кроме тебя.

— Не беспокойся, желающие найдутся.

— Что мне делать дальше?

— Через полчаса у тебя встреча с исполнительным комитетом.

— Так быстро нам до Сианя не добраться, — нахмурилась Кардения. Исполнительный комитет, как и почти весь имперский государственный аппарат, работал на огромной космической станции над Ядром.

Наффа удивленно подняла брови.

— Тебе не придется никуда лететь, — сказала она. — Ты теперь импер. Они сами к тебе придут.

Несколько часов назад доктор Дринин сообщил им, что твой отец умирает, и комитет выразил сожаление, что не может быть рядом и утешить тебя. Кстати, это их слова.

Кардения представила девятерых членов исполнительного комитета, нависших над смертным одром ее отца, чтобы лишить их обоих последних мгновений наедине, и с трудом подавила дрожь.

— Надо не забыть их поблагодарить.

Наффа снова удивленно подняла брови, но комментировать не стала.

— Сейчас они в танцевальном зале, в другом конце здания.

— Спасибо.

— Не за что. Какие у тебя сейчас планы?

— Думаю, что я хочу отлить.

Кивнув, Наффа проводила Кардению в ее покои.

— Вернусь через пятнадцать минут, — сказала она.

— А ты чем займешься в свободное время?

— Тем же самым, только не в такой роскошной обстановке.

Кардения улыбнулась, и Наффа вышла.

Оказавшись в своих покоях, Кардения вдруг

поняла, что она все делает впервые. «Я впервые присутствую в этой комнате как импер, — подумала она. — Впервые беру в руки планшет как импер, впервые захожу в ванную как импер, впервые расстегиваю штаны как импер, впервые сажусь на унитаз как импер… а вот я впервые помочилась как импер».

Слишком многое делается впервые.

— Расскажи мне об империо Грейланд, — обратилась Кардения к планшету, сидя на унитазе.

— Империо Грейланд правила с двести двадцатого по двести двадцать третий год от основания империи, — приятным голосом произнес планшет, открывая поисковую страницу. Календарь Взаимозависимости начинался с основания империи пророчицей-империо Рахелой Первой, что выглядело довольно-таки заносчиво: в то время уже существовала неплохая календарная система, согласно которой Взаимозависимость была основана в конце двадцать шестого столетия. Но Кардения подозревала, что так поступила бы любая империя, будь у нее возможность. — Среди заметных событий ее правления — основание Лампхуна, исчезновение Даласислы и убийство империо Гуннаром Олафсеном в двести двадцать третьем году.

— Почему ее убили?

— На суде Гуннар Олафсен утверждал, что импero приложила недостаточно сил для спасения жителей Даласислы.

— Это правда?

— Я — поисковая машина. У меня нет своего мнения по политическим вопросам.

Кардения раздраженно закатила глаза.

«Что ж, прекрасно, тупой компьютер», — подумала она.

— Что случилось с Даласислой?

— В двести двадцать втором году исчезло течение, связывавшее ее с Потоком, — ответил планшет.

«Ну да, конечно», — подумала Кардения, вспоминая уроки по истории Взаимозависимости в начальной школе. Даласисла была одним из ранних поселений, которые плохо кончили еще до того, как импero Ву, а также религиозные и общественные догматы Взаимозависимости почти полностью расправились с оппозицией. Большинство поселений стали жертвой войны, голода или эпидемий. Даласисла погибла потому, что внезапно пропала возможность добраться до нее или выбраться с нее через Поток. Она просто… исчезла с карты, совсем исчезла.

Кардения вызвала статью из энциклопедии об убийстве импероо, вместе с фото Олафсена, корабельного инженера с Даласислы, который находился на «Тоуне Сандине», имперской «десятке». Он убил импероо Грейланд вместе с сотней человек из свиты, отсоединив от корабля кольцевой сегмент, где находились ее каюты. «Тоун Сандин» пребывал в Потоке, возвращаясь после государственного визита с Джендубы, и Олафсен выбросил сегмент из окружавшего корабль пространственно-временного пузыря в сам Поток, где тот быстро перестал существовать.

«Весело, ничего не скажешь», — подумала Кардения. Она не очень понимала, почему отец предложил ей выбрать имя Грейланд — разве что в уверенности, что ее убьет кто-нибудь из недовольных подданных. При мысли об этом ей стало слегка не по себе. Пробежав глазами остальную часть статьи, она отметила, что Грейланд, судя по всему, объявила эвакуацию Даласислы на основе данных, предоставленных учеными, но против эвакуации высказались в парламенте, в том числе представители самой Даласислы, а также в гильдиях, которые откладывали эвакуацию, пока не стало слишком поздно. Олафсен обвинял в задержке импероо, а винить следовало других.

«Но импero только одна, — подумала Кардения. — И она находилась на его корабле».

— Эй! — послышался из другой комнаты голос Наффы. — Ты закончила?

— Почти, — ответила Кардения. Завершив свои дела, она умылась и вышла из ванной. Наффа держала в руках Очень Серьезную Форменную Одежду, скроенную по мерке Кардении.

— Что это? — спросила Кардения.

— Тебе предстоит встреча с девятью самыми могущественными людьми во вселенной, не считая тебя самой, — сказала Наффа. — Не мешает приодеться.

Очень Серьезная Форменная Одежда доставляла немало неудобств, но все же меньше, чем общение с исполнительным комитетом. Когда Кардения вошла в пещерообразный танцевальный зал, девять членов комитета направились к ней, низко кланяясь.

— Ваше величество, — сказала, замерев в поклоне, Гунда Корбейн, архиепископ Сианя и формальная председательница комитета, — выражаем наши глубочайшие соболезнования и сочувствие в связи с сегодняшней кончиной импero, вашего отца. Несомненно, на том свете он займет место рядом с пророчицей.

Кардения, прекрасно знавшая, что ее отец не отличался религиозностью, хотя и официально возглавлял церковь Взаимозависимости, с трудом подавила кривую усмешку.

— Спасибо, ваше преосвященство.

— От имени всего совета выражаю нашу бескрайнюю преданность лично вам, имперскому дому Ву и Взаимозависимости.

— Мы благодарим вас.

Кардения впервые использовала имперское «мы» и чуть более формальный имперский стиль обращения, которому ее учили весь последний год. «Придется привыкать», — подумала она, бросив взгляд на невозмутимо стоявшую Нафу. Конечно же, потом та удивленно поднимет брови.

Все девятеро застыли в глубоком поклоне, что привело Кардению в некоторое замешательство, пока до нее не дошло: они ждут, когда им предложат выпрямиться.

— Прошу вас, — почти не растерявшись, сказала она и знаком предложила им подняться, а затем показала на стоявший в центре зала длинный стол: — Давайте сядем и займемся делом.

Комитет расположился за столом. Самые старшие члены сели ближе всего к импе-

восседавшей во главе стола, за исключением архиепископа Корбейн, которая выбрала место напротив Кардении. Кардения взглянула на их одежды — роскошные красные мантии с пурпурной подкладкой у епископов церкви, черные с золотом официальные одеяния представителей гильдий, мрачно-синие деловые костюмы парламентариев. Ее собственная Очень Серьезная Форменная Одежда была имперского темно-зеленого цвета, с изумрудным кантом.

«Мы похожи на коробку цветных карандашей», — подумала Кардения.

— Вы улыбаетесь, ваше величество, — заметила, садясь, архиепископ Корбейн.

— Мы вспоминаем нашего отца, который часто говорил о встрече с комитетом.

— Надеюсь, он хорошо о нас отзывался.

«Вообще-то, не совсем».

— Да, конечно.

— Ваше величество, следующие несколько дней станут решающими. Вы должны объявить траур…

— Мы уже сделали это, ваше преосвященство. Мы соблюдем традиционные пять дней.

— Прекрасно, — ответила Корбейн, нисколько не растерявшись от того, что ее прервали. — Увы,

в это время вы будете крайне заняты. — Она кивнула в сторону Вира, епископа Ядра, сидевшего справа от Кардении. Достав кожаную папку, тот извлек из нее толстую пачку бумаг и протянул их Кардении. — Чтобы помочь вам, мы составили для вас предполагаемый график. Он включает ряд совещаний, а также официальные и неофициальные встречи с представителями гильдий, парламента и церкви.

Кардения взяла бумаги и, даже не взглянув на них, передала пачку стоявшей позади ее кресла Наффе:

— Благодарим вас.

— Хотим вас заверить, что в течение переходного периода все вопросы будут решаться беспрепятственно, с должным вниманием и уважением. Мы понимаем, что вам сейчас нелегко, многое для вас внове. Нам хотелось бы помочь вам вжиться в новую роль, ваше величество.

«Помочь вжиться в новую роль или попросту управлять мною?»

— Еще раз благодарим вас, архиепископ. Мы тронуты вашей заботой и вниманием.

— Есть и другие проблемы, — сказал Ленн Эдмунк, один из представителей гильдий. Дом Эдмунк обладал торговой монополией на коров и

свиней, а также на всю производную продукцию, от молока до свиной кожи. — Ваш отец оставил нерешенными ряд вопросов, включая передачу монополий и допуск к торговым путям.

Кардения заметила, как поморщилась архиепископ Корбейн; Эдмунк явно высказался невпопад.

— Насколько мы понимаем, эти вопросы следует направить в парламент, и лишь затем мы дадим согласие или ответим отказом.

— Ваш отец заверил, что они будут рассмотрены, ваше величество.

— Путем обхода полномочий парламента, лорд Эдмунк?

— Конечно нет, мэм, — помолчав, ответил тот.

— Рады слышать. В данных обстоятельствах нам очень не хотелось создавать у членов парламента впечатление, будто они играют лишь роль советников, потакая любым капризам имперо. — Она повернулась к Упекше Ранатунге, высокопоставленному парламентарию из комитета; та благодарно кивнула. — Наш отец верил в баланс власти, позволявший преуспевать Взаимозависимости: парламент — для законов и справедливости, гильдии — для торговли и процветания, церковь — для духовности и общности.

Над ними стоит импero, Мать всего сущего, — для порядка.

— И все же, мэм…

— Не забывайте, что дом Ву имеет собственную гильдию, — прервала Кардения Эдмунка, явно пребывавшего в замешательстве. — Поэтому мы не намерены сбрасывать со счетов интересы гильдий. Мы также являемся матерью церкви и простым членом парламента. Наши интересы лежат во всех областях, и мы честны со всеми. Мы обратимся к проблемам гильдий в свое время, лорд Эдмунк. Но мы — не наш отец. Его заверения не останутся неуслышанными, но меня они ни к чему не обязывают. Теперь импero — я, а не мой отец.

«Вот так-то, — подумала Кардения, бесстрастно глядя на Эдмунка. — Получил? Теперь поразмысли на досуге».

— Мэм, — проговорил Эдмунк, низко склонив голову.

— Что касается парламента, мэм, есть еще один вопрос, куда серьезнее, — сказала Ранатунга. — До нас дошло известие, что мятеж на Крае перешел в новую, более опасную фазу. Герцог Края заверяет, что все под контролем, но тамошний командир частей Имперской морской пехоты оценивает

ситуацию не столь оптимистично. Он ожидает падения герцога в течение двух стандартных лет. Естественно, сообщение об этом было отправлено девять месяцев назад, и кто знает, что творится там сейчас?

— Наши морпехи вмешались?

— Ваш отец, как и несколько импero до него, считал, что Край должен справляться сам. Основная цель пребывания там морпехов — не позволять никому покинуть планету без разрешения. Командир сообщает, что единственная задача, поставленная перед ним импero — предыдущим импero, — заключалась в том, чтобы обеспечивать безопасность графа Клермонта.

— Кто это?

— Я его помню, мэм, — сказала Корбейн. — Мелкий аристократ с Софалы, которому пожаловал титул ваш отец. Друг вашего отца по университету. Физик, изучавший Поток.

— Почему наш отец отправил его в ссылку?

— Ваш отец наделил его титулом незадолго до своей женитьбы на леди Гленне.

«Не слишком тонкий намек», — подумала Кардения. Архиепископ почти открытым текстом утверждала, будто у Батрина был роман с этим графом до того, как он женился, вступив в типич-

ный династический брак: дом Косту возглавлял одну из самых могущественных гильдий.

Кардения слегка удивилась — насколько она знала отца, у того были только гетеросексуальные связи. Но время и место могли найтись для чего угодно, тем более если место это называлось «университет», и в любом случае граф, видимо, оказался не первым малоподходящим предметом любви, который импero убрал с глаз подальше, дав ему следующий титул. Этим также объяснялась поставленная перед морпехами задача.

— Пока что будем придерживаться позиции нашего отца, — понимающе кивнула Кардения, — но нам потребуется провести совещание на эту тему.

— Оно есть в предложенном вам графике, — сказала Корбейн. — И раз уж зашла речь о браке, пусть даже косвенно…

— Вы про Амита Нохамапитана? — уже не столь официальным тоном спросила Кардения.

— Нохамапитаны настаивают на своем, — чуть ли не извиняясь, ответила Корбейн.

— Мы — не наш брат. Мы никому не обещали выйти замуж за одного из Нохамапитанов.

— При всем к вам уважении, мэм, дом Нохамапитан считает, что договор заключен не между

вашим братом и леди Надаше, но между домом Ву и домом Нохамапитан. При этом имеется прецедент, подтверждающий справедливость их слов. В пятьсот двенадцатом году кронпринцесса Давина была помолвлена с членом дома Эдмунк, но умерла до свадьбы. Ее брат, впоследствии — Чонлинь Первый, женился на двоюродной сестре ее несостоявшегося жениха, поскольку договор уже вступил в силу.

Кардения перевела взгляд на Наффу:

— Отчего умерла кронпринцесса Давина?

— Самоубийство, ваше величество, — ответила Наффа. Кардения знала, что либо информация известна Наффе, либо та мгновенно ее найдет. — Вышла из шлюза на Сиане. Судя по предсмертной записке, она решила, что помолвка не отвечает ее насущным интересам.

Кардения повернулась к Ленну Эдмунку:

— Надеемся, вы не сочли, будто все вышесказанное выставляет вас в негативном свете, лорд Эдмунк.

— Спасибо, мэм.

— Мэм, могу я предложить вам хотя бы рассмотреть возможность помолвки с Амитом Нохамапитаном? — настаивала Корбейн. — Даже если не брать теоретически существующие согла-

шения между нашими домами, дом Нохамапитан обладает немалой властью среди гильдий. — Корбейн бросила взгляд на Эдмунка, который этого даже не заметил, поскольку смотрел на импе-ро. — Такой союз мог бы в короткий срок решить многие потенциальные проблемы и вопросы с гильдиями.

— И ни один дом не возражает против подобного бракосочетания? — мрачно улыбнулась Кардения.

— Нет, мэм, — ответил Эдмунк.

— Что ж, — восхищенно проговорила Кардения, — редкий случай единогласия среди гильдий. За последнюю тысячу лет такого почти не случалось.

— Полагаю, все согласны, что в интересах Взаимозависимости следует уладить все вопросы с престолонаследием, и лучше раньше, чем позже, — сказала Корбейн.

Кардения с трудом сдержала злость:

— Мы рады слышать, архиепископ, что комитет единогласно полагает нашу утробу самой важной нашей частью.

Корбейн хватило приличия покраснеть в ответ.

— Мои извинения, ваше величество. Ни о чем

подобном нет и речи. Но вы, как импер, наверняка должны понимать, что, если с вами что-то случится, внутри дома Ву немедленно начнется соперничество за трон между вашими многочисленными родственниками. Многие из них были не слишком довольны, когда вы — по полному праву — стали наследницей после вашего брата. Ясный порядок престолонаследия исключает любые вопросы.

— Исключает гражданскую войну, — сказала Ранатунга.

— Все согласны, что мы вряд ли умрем до коронации? — спросила Кардения у комитета.

— Звучит разумно, мэм, — улыбнулась Корбейн.

— В таком случае предлагаем отложить этот вопрос на потом. Если хотите, — Кардения кивнула в сторону Корбейн, — можете предоставить дому Нохамапитан лучшие места на коронации, а потом мы поговорим с Амитом Нохамапитаном.

— Да, мэм.

— Подчеркиваю: именно «поговорим». Надеемся, что нас правильно поняли, и мы не будем представлены лорду Нохамапитану иным образом.

— Да, мэм.

— Хорошо. Что-нибудь еще?

— Еще одна мелочь, — сказала Корбейн. Кардения молча ждала. — Нам нужно знать ваше имперское имя.

— Мы — Грейланд, — помедлив, ответила Кардения. — Грейланд Вторая.

— Терпеть не могу это имперское «мы», — призналась Кардения Наффе.

После встречи с исполнительным комитетом обе отправились на Сиань, сердце Взаимозависимости, чтобы Кардения, теперь — Грейланд Вторая, начала официально принимать власть от своего покойного отца. По прибытии Грейланд Вторую немедленно окружили советники, придворные, подхалимы и помощники, все со своими программами и планами. Кардению они успели утомить за первый же час — но отныне такой должна была стать вся ее жизнь.

— Что тебе в нем не нравится? — спросила Наффа.

— Слишком уж претенциозно.

— Ты же импero, — заметила Наффа. — В буквальном смысле единственный человек во вселенной, кто может пользоваться им без всякой претенциозности.

— Ты знаешь, о чем я.

— Да, знаю. Просто мне кажется, что ты ошибаешься.

— То есть ты считаешь, что мне следует пользоваться этим местоимением постоянно?

— Я этого не говорила, — возразила Наффа. — Но признайся, ты же получила фантастическую власть. «Что, у тебя есть мнение? Да и хрен с тобой — мой голос засчитывается за два».

Кардения лишь улыбнулась.

Обе наконец оказались наедине в огромных покоях имперского дворца на Сиане. Всех помощников, придворных и советников Наффа выставила за дверь. На сегодня у Кардении оставалось лишь одно дело — здесь, в ее покоях, за дверью, которую мог открыть только импero.

По крайней мере, так Кардения объяснила Наффе.

— Только импero? — нахмурилась та.

— Да.

— Что будет, если туда войдет кто-то другой? Там собаки? Или лазеры, которые испепелят тебя?

— Вряд ли.

— Туда могут входить твои слуги? Или техники? Или ты, импero, сама должна там прибираться? Там есть маленький пылесос? Разве твое дело —

убирать там пыль?

— Вряд ли ты всерьез к этому относишься, — заметила Кардения.

— Очень даже всерьез, — заверила ее Наффа. — Просто я скептически отношусь к тому, как все это изображают.

Обе посмотрели на дверь.

— Ну? — спросила Наффа. — Можешь покончить со своими делами.

— А ты?

— Если хочешь, могу остаться здесь и подождать, пока ты не закончишь.

— Я не знаю, сколько времени это займет, — покачала головой Кардения.

— Тогда я буду у себя, в другом конце дворца, куда меня сослал дворцовый мажордом.

— Мы изменим это.

— Нет, не надо, — возразила Наффа. — Тебе нужно иметь возможность побыть вдали от всех, в том числе от меня. — Она встала. — Все равно мы в одном здании, просто до меня шестнадцать флигелей, только и всего.

— Не думаю, что в этом дворце шестнадцать флигелей.

— В нем двадцать четыре главные секции.

— Что ж, тебе лучше знать.

— Да, — кивнула Наффа. — Скоро узнаешь сама. — Она отвесила поклон. — Спокойной ночи, ваше величество.

Она улыбнулась и вышла. Кардения посмотрела ей вслед, а затем переключила свое внимание на дверь.

Дверь была богато украшена, как и все во дворце, и Кардения поняла, что от этих изобразительных мотивов ей теперь, вероятно, никуда не деться. Она не могла просто сжечь все дотла и начать с чистых линий и пространств, сколь бы заманчивой ни казалась подобная мысль. Да, она была импера, но даже для них существовали определенные границы.

На двери не оказалось ни ручки, ни панели доступа — ничего, что намекало бы на возможность открыть ее. Кардения робко провела по ней рукой в поисках потайной кнопки.

Дверь ушла в сторону.

«Настроена на мои отпечатки пальцев?» — подумала Кардения и вошла. Дверь закрылась за ее спиной.

Помещение за дверью было большим, как спальня в имперских покоях, — обширнее даже тех апартаментов, в которых выросла Кардения. Какая-либо обстановка отсутствовала, на считая

единственной скамьи, выступавшей из стены слева. Кардения подошла и села.

— Я здесь, — сказала она, не обращаясь ни к кому конкретно.

Посреди комнаты появилась светящаяся фигура и направилась к ней. На самом деле это было лишь изображение, создаваемое микропроекторами в потолке. Кардения заинтересовалась физикой этого процесса, но лишь на секунду, поскольку изображение остановилось прямо перед ней.

— Приветствую, импero Грейланд Вторая, — произнесло оно с поклоном.

— Ты знаешь, кто я? — спросила Кардения, опустив имперское «мы».

— Да, — ответило изображение, не обладавшее какими-либо различимыми признаками пола или возраста. — Я Цзии[4]. Вы в Зале Памяти. Прошу сказать, чем я могу вам помочь.

Кардения знала, зачем она здесь, но поколебалась.

— Кто-нибудь входит сюда, кроме импero?

— Нет, — ответил Цзии.

— Что, если я кого-нибудь приглашу?

---

[4] Примечания: 4

Цзии — память *(кит.)*.

— Сфокусированный свет и звуковые волны сделают пребывание здесь невыносимым для любого, кроме правящего импера.

— Я могу это изменить?

— Нет.

— Я импера.

«И спорю с машиной», — подумала Кардения, но вслух говорить не стала.

— Запрет установлен пророчицей, — сказал Цзии, — чей приказ нерушим.

— Этот зал уже был при первой импера? — ошеломленно спросила Кардения.

— Да.

— Но Сианя тогда не существовало.

— После основания Сианя зал перенесли сюда из Ядропада, вместе с другими деталями дворца. Остальную часть дворца построили вокруг него.

Картина космической станции Сиань, строящейся вокруг имперского дворца, показалась Кардении такой абсурдной, что она едва не рассмеялась.

— Значит, тебе тысяча лет? — спросила она у Цзии.

— Я храню информацию начиная с основания Взаимозависимости, — ответил Цзии. — Аппаратура, где она хранится, регулярно обновляется,

как и функциональные элементы данной комнаты, а также изображение, которое вы видите.

— Мне казалось, ты говорил, что в эту комнату может войти только импер о.

— Обслуживанием занимаются автоматы, мэм, — сказал Цзии, и Кардении почудилось, будто она услышала в его голосе едва заметную насмешку. Сперва она почувствовала себя слегка глупо, но потом ей стало любопытно.

— Ты живой, Цзии? — спросила она.

— Нет, — ответил Цзии. — В этом зале нет ничего живого, кроме вас, мэм.

— Ну конечно, — кивнула Кардения, ощутив легкое разочарование.

— Полагаю, разговор можно считать законченным, — произнес Цзии. — Могу еще чем-нибудь помочь?

— Да, — сказала Кардения. — Я бы хотела поговорить с моим отцом.

Цзии кивнул и исчез. На его месте посреди комнаты возникла из ничего другая фигура — отец Кардении, Батрин, покойный импер о Аттавио Шестой. Взглянув на дочь, он улыбнулся и направился к ней.

Зал Памяти был учрежден пророчицей-импер о Рахелой Первой вскоре после основания

Взаимозависимости и ее воцарения как первой империо. Тело каждого империо пронизывала личная сеть датчиков, улавливавших не только все увиденное, услышанное или произнесенное им, но и остальные его ощущения, действия, эмоции, мысли и желания.

В Зале Памяти содержались мысли и воспоминания каждого империо Взаимозависимости, вплоть до самой пророчицы-империо Рахелы Первой. При желании Кардения могла бы задать любому из своих предшественников любой вопрос о них самих, их правлении, их временах. И они ответили бы ей на основе смоделированных компьютером воспоминаний и мыслей — накопленных за десятилетия фактов их личной жизни, записанных и хранившихся прямо в этом помещении.

Вся эта информация предназначалась лишь для одного места — Зала Памяти. И получить ее мог только один человек — правящий империо.

Кардения вновь невольно дотронулась до затылка со вживленным имплантом сети, который теперь разрастался внутри нее. «Однажды здесь окажется все, что я совершу как империо, — подумала она. — Чтобы это могли увидеть мои дети и их дети. Каждый империо будет знать, кем я была,

намного лучше, чем сама история».

Она взглянула на призрак отца, стоявший теперь прямо перед ней, и ее пробрала дрожь. Похоже, тот это заметил.

— Ты не рада меня видеть? — спросил он.

— Я видела тебя всего несколько часов назад, — ответила Кардения, поднявшись со скамьи и окидывая взглядом изображение отца. Оно выглядело идеальным, и, казалось, до него можно было дотронуться, чего Кардения делать не стала. — Тогда ты был мертв.

— Я и теперь мертв, — сказал Аттавио Шестой. — Моего сознания больше нет. Все остальное сохранено.

— Значит, ты сейчас без сознания?

— Да, но я могу общаться с тобой так, словно я в сознании. Можешь спрашивать о чем угодно — я отвечу.

— Что ты думаешь обо мне? — выпалила Кардения.

— Я всегда считал тебя приятной молодой леди, — сказал Аттавио Шестой. — Умной и заботливой. Вряд ли из тебя получится действительно хорошая импера.

— Почему?

— Сейчас Взаимозависимость не нуждается

в хорошем импер — как, собственно, и всегда. Правда, она относится к ним терпимо, если не происходит ничего существенного. Но сейчас не те времена.

— По-моему, я сегодня произвела не слишком хорошее впечатление на исполнительный комитет, — ответила Кардения, невольно попытавшись защититься.

— Не сомневаюсь, что после моей смерти, во время твоей первой встречи с ними, комитет изо всех сил старался демонстрировать сдержанность и почтение. Но они также пытались выяснить, какая длина поводка тебя больше всего устраивает, ибо намерены получить от тебя все, чего пожелают, и очень скоро дернут за этот самый поводок.

— Что-то мне не нравится твоя откровенность, — помедлив, проговорила Кардения.

— Если хочешь, можем подкорректировать мою модель общения, чтобы я стал больше похожим на того, кем был при жизни.

— Хочешь сказать, что при жизни ты мне лгал?

— Не больше, чем кому-нибудь другому.

— Утешил, нечего сказать.

— При жизни я был человеком со своим «я»,

как и любой другой. С собственными желаниями и намерениями. Здесь же я — не более чем набор воспоминаний, созданный, чтобы помочь тебе, нынешней импер о. У меня нет своего «я», которому можно было бы польстить, а твоему я стану льстить только по приказу. Хотя не советую — тогда от меня будет меньше пользы.

— Ты меня любил?

— Зависит от того, что понимать под любовью.

— Слишком уклончивый и эгоистичный ответ.

— Я питал к тебе нежные чувства, но ты мне мешала, пока не понадобилась в качестве наследницы. Когда ты стала кронпринцессой, я вздохнул с облегчением, узнав, что ты меня не возненавидела. И даже если бы возненавидела, моей вины в том нет.

— Умирая, ты сказал: жаль, что судьба не дала тебе шанса любить меня и дальше.

— Я вполне мог сказать это, — кивнул Аттавио Шестой. — И скорее всего, говорил всерьез.

— Ты не помнишь?

— Пока нет. Мои последние мгновения еще не загружены в память.

Кардения сменила тему:

— Я решила взять имперское имя Грейланд Вторая, как ты и предлагал.

— Да. По крайней мере, эта информация есть в нашей базе данных. Что ж, хорошо.

— Я почитала про нее.

— Да, я собирался тебя об этом попросить.

— И попросил, прежде чем умереть. Почему ты хотел, чтобы я назвалась ее именем?

— Я надеялся, что оно побудит тебя всерьез отнестись к грядущим событиям и к тому, что они от тебя потребуют, — сказал Аттавио Шестой. — Ты слышала о графе Клермонте с Края?

— Слышала, — ответила Кардения. — Твой давний любовник.

— Вовсе нет, — улыбнулся Аттавио Шестой. — Друг. Очень хороший друг и ученый. Именно он снабдил меня информацией, которой больше не было ни у кого и которую никто другой не пожелал бы иметь. Для работы и исследований ему требовалась полная изоляция от двора, правительства и даже научного сообщества Взаимозависимости. Он собирает данные уже тридцать с лишним лет и знает о предстоящих событиях больше всех. Ты должна быть готова к ним — сейчас ты совершенно не готова. И меня беспокоит, что тебе не хватит сил довести дело до конца.

Кардения уставилась на призрак Аттавио Ше-

стого, который стоял перед ней с едва заметной рассеянной улыбкой.

— Ну? — наконец спросила она. — О чем, собственно, речь?

Глава 4

— Кто знает, что такое Взаимозависимость? — спросил из глубины планетария Марс Клермонт.

С зрительских мест взлетели руки нескольких восьмилетних детей. Марс окинул их взглядом, высматривая того, кто настойчивее других стремился ответить на вопрос.

— Да? Отвечай. — Он выбрал мальчишку, сидевшего во втором ряду.

— Мне нужно в туалет, — сказал тот. Марс увидел, как наставница за спиной мальчика закатила глаза, встала, схватила его за руку и повела в сторону туалетов. Тогда Марс выбрал вместо него девочку.

— Это государство из звездных систем, где мы все живем, — ответила та.

— Верно. — Марс нажал кнопку на своем планшете, приглушая свет и начиная показ. — Это государство из звездных систем, где мы живем. Но что это означает на самом деле?

Прежде чем он успел ответить, планетарий слегка содрогнулся от рева двух перехватчиков, пронесшихся над университетским научным центром, частью которого являлся планета-

рий. Дети зашумели, и наставницы начали их успокаивать, говоря, что ничего страшного не случилось.

Насчет последнего Марс не был уверен.

Университет Ополе, где находился научный центр, располагался далеко от столицы и средоточия боев. Однако за последнюю неделю ситуация резко изменилась не в пользу герцога и верных ему войск: мятеж пускал ростки даже в дальних провинциях, а вместе с ним приходило насилие.

Марс несколько удивился, когда сегодня возле научного центра появился полный детей автобус — он полагал, что во всех школах, как и в университете, отменили занятия. Но потом он увидел лица сопровождавших детей взрослых: казалось, те преисполнились мрачной решимости вести обычные школьные занятия, пока есть возможность.

Марс — тем утром он был на работе единственным, не считая уборщиков, да и то пришел лишь в надежде собрать материалы, которых пока не было в сети, — не посмел разочаровать новоприбывших. Он повел их в планетарий и, покопавшись в памяти, вспомнил стандартный текст экскурсии о Взаимозависимости.

— Все в порядке, — сказал он, обращаясь к де-

тям. — Самолеты просто пролетели мимо. Мы лишь оказались на их пути, только и всего. Университету ничто не угрожает.

Пожалуй, и это было неправдой: в университете Ополе многие сочувствовали повстанцам, от обдолбанных студентов, искавших, к какому движению присоединиться, до бунтарски настроенных преподавателей, которым нравилось ругать герцога, не рискуя при этом должностью. Большинство из них, как студенты, так и преподаватели, вероятно, сейчас сидели в подвале. Марс, совершенно аполитичный, нисколько не винил их в этом.

Так или иначе, не стоило повергать восьмилетних малышей в панику, сообщая им, что университет могут захватить повстанцы или войска герцога. Задача Марса сейчас заключалась в том, чтобы отвлечь их. Возможно, это был последний относительно нормальный день на ближайшее время, и его следовало использовать по полной.

Марс снова коснулся планшета, и пустое пространство над колодцем планетария заполнили звезды в сопровождении успокаивающей звенящей музыки. Восьмилетки, еще пять секунд назад дрожавшие от страха, при виде этого зрелища

начали охать и ахать, как и взрослые.

— Сейчас вы видите все звезды, существующие в той области космоса, которую занимает Взаимозависимость, — пояснил Марс. — От Ядра до Края, все звезды, вокруг которых мы живем. Кто-нибудь скажет, у какой из них мы находимся?

Дети начали показывать пальцами на разные светящиеся точки. Марс коснулся одной из звезд у себя на планшете, и изображение начало приближаться к ней, а когда оно остановилось, появилась солнечная система из пяти планет — двух земного типа и трех газовых гигантов.

— Это мы, — сказал он. — Вторая планета от нашего солнца. Ее назвали Краем, потому что она самая дальняя во всей Взаимозависимости. — Марс вернул картину звездного неба. — Все эти звезды находятся в космосе, который Взаимозависимость считает своим, но не все обладают системами, пригодными для жизни людей.

Он ярче подсветил системы Взаимозависимости, чтобы дети смогли их увидеть. Как правило, те были разделены большими расстояниями и разбросаны случайным образом, словно алмазы среди песчинок.

— Почему они так далеко одна от другой? — спросил кто-то из детей, и очень вовремя: этому

была посвящена следующая часть стандартной экскурсии.

— Отличный вопрос! — одобрил Марс. — Может показаться, что все населенные людьми системы находятся близко друг от друга и между ними легко путешествовать, но все они связаны между собой не в космосе, а через Поток. — От населенных систем стало отходить множество линий, соединяя их между собой, что вновь вызвало у детей заинтересованный ропот. — Поток — нечто вроде сверхкороткого пути сквозь космос. Чтобы добраться от одной звездной системы до другой обычным образом, людям потребовались бы годы или даже столетия. Даже ближайшие системы разделены несколькими световыми годами, и это относительно небольшое расстояние корабли с обычными двигателями преодолевают за двадцать или тридцать лет. Самые совершенные наши корабли, «десятки», и те не могут совершить такой перелет. Ну а с помощью Потока путешествие от одной системы к другой занимает недели или самое большее месяцы. Но есть одна загвоздка: мы можем летать лишь в те системы, рядом с которыми проходит Поток. — Он увеличил изображение другой системы, на этот раз с десятью планетами, затем увеличил снова. —

Кто-нибудь знает, что это за планета? — Ответа не последовало. — Она называется Ядро, и там — столица Взаимозависимости. Кто-нибудь может объяснить почему?

— Потому что там живет импер?

— В общем, да, но импер живет там не без причины, а причина такова. — Марс коснулся планшета, и планету Ядро окружил водоворот из линий. — Ядро — единственное место во Взаимозависимости, где сходятся все течения Потока: единственное, куда можно напрямую попасть из любой системы Взаимозависимости и откуда можно попасть почти в любую другую. Получается, что это самая важная планета для торговли и путешествий. Если бы мы не могли летать через Ядро, между некоторыми системами Взаимозависимости оказалось бы несколько лет пути. Вот почему эту планету называют Ядром. Это, так сказать, центр нашей вселенной.

— А разве нельзя просто проложить путь в Потоке между планетами? — задал вопрос один из взрослых: увлеченный рассказом, он, вероятно, забыл о том, что время на вопросы отвели для детей.

— Мы были бы только рады, но не можем, — все же ответил Марс. — Мы не в состоянии управлять

Потоком и, если уж быть до конца честными, даже не полностью понимаем его суть. Это похоже на естественное свойство вселенной. Мы можем попасть в Поток, но ничего не можем с ним сделать, кроме как плыть по течению. Собственно, это одна из по-настоящему необычных черт Взаимозависимости. — Марс уменьшил изображение, убрал картину звездного неба и вывел таблицу сорока семи систем Взаимозависимости, с центральными звездами, от красных карликов до желтых солнц, вокруг которых вращались от одной до десятка крупных планет. Масштаб не был соблюден, и планеты порой мчались по орбитам так быстро, что возникал комический эффект. Кто-то из детей засмеялся. — Во всех системах живут люди, но планеты в большинстве из них не слишком пригодны для жизни. — Марс снова увеличил изображение Ядра. — К примеру, Ядро лишено атмосферы и обращено к солнцу всегда одной стороной, поэтому там очень жарко, а на другой стороне царит вечный холод. Чтобы выжить, людям на Ядре приходится обитать под землей. — Он выбрал другую систему. — А это система Мороба: одни газовые гиганты, на которых нет даже суши, куда можно сесть. Мы не смогли бы там жить. У этих планет есть спутники, но

большинство из них тоже не слишком пригодны для жизни людей. Нам приходится обитать в космических поселениях, расположенных в так называемых точках Лагранжа или других местах, где можно обеспечить их устойчивость на орбите. Именно так живет большинство людей в наше время — на каменистых планетах, под землей или в больших космических поселениях. Есть лишь одно место во Взаимозависимости, где люди живут на поверхности планеты. — Марс снова вернулся к Краю, который повис на экране: окутанный белой пеленой голубовато-зеленый шар. — Это мы. Это Край.

— А как же Земля? — спросил кто-то из детей.

— Хороший вопрос! — кивнул Марс. — Именно с Земли происходят люди, и, как и на Крае, по ее поверхности можно свободно разгуливать. Но Земля — не часть Взаимозависимости. Мы потеряли контакт с Землей свыше тысячи лет назад, когда исчезло единственное ведшее к ней течение Потока.

— Как это случилось? — поинтересовался все тот же взрослый, и остальные тут же зашикали на него. Марс улыбнулся.

— Сложно объяснить, — ответил он. — Не прибегая к научной терминологии, можно сказать

так: все во вселенной постоянно движется, в том числе звездные системы, и это движение иногда воздействует на Поток. По сути, сдвинулась Земля, сдвинулись мы, и течение Потока ушло.

— А такое не может повториться?

— Бинт! — упрекнул кто-то задавшего вопрос взрослого.

— Но мне же интересно, — возразил Бинт.

— Все в порядке. — Марс поднял руку. — Собственно, это и в самом деле повторилось семьсот с лишним лет назад, когда мы потеряли контакт с системой под названием Даласисла. Тогда местные течения Потока были обозначены на карте не так подробно, как сейчас. Судя по всему, течение, направленное в сторону Даласислы, уже ослабевало, когда ее колонизировали, и всего через пару сотен лет полностью закрылось. Остальные течения Потока во Взаимозависимости вполне надежны и мало изменились за последние несколько сотен лет.

Похоже, его слова удовлетворили Бинта, и тот, к радости Марса, не заметил, что вопрос его вообще-то остался без ответа.

Наступившую в планетарии тишину на мгновение нарушил глухой удар. Кто-то из взрослых судорожно вздохнул.

— Пожалуй, на сегодня все, — сказал Марс. — Спасибо за то, что пришли, и надеюсь встретиться с вами снова. Будем рады вас видеть.

«Когда в нескольких километрах отсюда не будет перестрелки», — подумал он. Включив свет, он помахал на прощание детям, которых выводили из зала взрослые. Один из взрослых обернулся и едва слышно прошептал «спасибо». Марс улыбнулся и снова помахал им.

— Все еще устраиваешь экскурсии посреди войны? — послышался голос в задней части планетария. — Весьма благородно с твоей стороны. Глупо, но благородно.

Подняв взгляд, Марс увидел вошедшего и улыбнулся:

— Ну, все-таки формально мы с тобой благородные особы, сестренка?

Вренна Клермонт, в полной форме коменданта, улыбнулась в ответ и направилась к брату.

— Быть аристократом на Крае — примерно то же самое, что быть самым богатым на свалке. Это мало что значит. Особенно теперь, когда герцог того и гляди окажется в полной заднице и повстанцы радостно кинутся грабить его собственность. Пожалуй, не будет преувеличением полагать, что имущество других аристократов

ждет та же участь.

— Мое имущество — стопка книг в общежитии для выпускников, — сказал Марс. — Думаю, грабителей ждет разочарование.

— Ты теперь преподаватель. Давно пора перебраться из общежития.

— Я живу тут по месту работы. Экономлю на квартплате.

— Сын графа беспокоится из-за квартплаты, — усмехнулась Вренна.

— Да уж, мы и впрямь не особо впечатляющие аристократы.

Где-то вдалеке снова раздался глухой удар — на этот раз ближе, чем в прошлый раз.

— Сейчас я изо всех сил пытаюсь не поддаться панике, — сказал Марс.

— Я заметила, — кивнула Вренна. — В смысле, я не собиралась об этом говорить, но заметила.

— Не может же у всех нас быть лед в жилах.

— У меня нет льда в жилах. Я просто знаю, как далеко гремят взрывы, и пока что они меня не слишком беспокоят.

— И насколько далеко?

— Километрах в пяти. В районе причалов, где войска герцога пытаются похоронить отряд мятежников под обломками грузовых контейнеров.

Вероятно, у них ничего не выйдет — большинство повстанцев давно ушли оттуда, чтобы захватить стратегические ресурсы. Но мы с тобой все равно пойдем в другую сторону.

— Мы?

— Да. Отец послал меня за тобой.

— Зачем?

— Во-первых, потому, что идет война и, хотя залпы вряд ли приблизятся, нет никакой гарантии, что университет, включая твое общежитие, к заходу солнца не будет охвачен пламенем.

— Плохо, — вздохнул Марс.

— Угу, — кивнула Вренна. — Возможно, ты не помнишь, но наш дом взят под охрану имперской морской пехотой. Если кто-то из повстанцев приблизится к нему хотя бы на километр, его, скорее всего, превратят в пар прямо из космоса. А значит, сейчас это самое безопасное место на планете.

— Отец говорил об этом герцогу?

— Знаешь, мне кажется, он предпочел об этом не упоминать. — Марс снова улыбнулся. — Во-вторых, отец хочет кое-что тебе показать.

— Что именно?

— Некие данные.

— Было бы здорово, Врен, если бы ты выражалась точнее.

— Он сказал, что ты поймешь и что об этом не стоит говорить на публике.

— Гм… — пробормотал Марс.

— Угу.

Снова раздался удар.

— Похоже, на этот раз ближе, — заметил Марс.

— Нет. Но все равно нужно уходить. Больше ждать нельзя — вдруг кому-нибудь придет в голову обстрелять скиммер.

За время полета по скиммеру действительно несколько раз стреляли.

— Давай быстрее, — поторопил сестру Марс.

— Если хочешь сам лететь на скиммере над самыми крышами, да так, чтобы не врезаться в трубу, — только скажи, — ответила она.

Решив больше не беспокоить сестру, Марс взглянул из кабины скиммера на улицы Ополе. Большинство жилых кварталов остались нетронутыми, и он заметил лишь несколько человек, которые тащили вещи к машинам, словно пакуясь для переезда. Главные улицы, однако, были забиты автомобилями, а некоторые застыли в пробках.

Для этого, видимо, пришлось основательно постараться; Марс подозревал, что кое-кто из водителей отключил автоматику, управляя

машинами напрямую, — то ли в панике, то ли подозревая, что правительство захочет воспрепятствовать их выезду из города. Но в итоге машины с ручным управлением лишь мешали всем остальным.

Марс то и дело замечал колонны солдат и бронемашин, двигавшиеся по улицам, чтобы обеспечить безопасность какого-нибудь стратегического объекта или освободить его от повстанцев.

— Все это плохо закончится, — сказал сестре Марс.

— А что, оно когда-нибудь заканчивалось хорошо? — ответила та, сворачивая в сторону Варты, широкой реки, пересекавшей Ополе, и повела скиммер над ее серединой, в достаточном отдалении от берегов, чтобы отбить охоту обстреливать его и дальше. Марс подозревал, что формально у сестры нет права управлять скиммером, — скиммеры предназначались для полетов в автоматическом режиме, по выделенным трассам внутри города, чтобы избежать проблем с прочим воздушным движением, а середина фарватера Варты к таким трассам явно не относилась. Но он также подозревал, что у сил охраны правопорядка сейчас хватает других

поводов для беспокойства.

Наконец скиммер оставил Ополе позади и полетел над сменившими равнину пологими холмами, между которыми плавно извивалась Варта, над пригородами и, наконец, над селениями, примостившимися на склонах холмов. Небольшой приток Варты уходил в сторону еще одного ряда холмов; Вренна направила скиммер вдоль него, и несколько минут спустя они оказались возле дома.

Дом официально назывался «дворцом Клермонт», по имени провинциального округа, графом которого сделали их отца почти сорок стандартных лет назад, — это название стало фамилией семьи. До этого тут жил предыдущий граф, с которым Марс не был знаком, поскольку еще не родился; его убедили отказаться от титула, приняв должность при имперском дворе. Судя по тому, что рассказывали Марсу, убеждать бывшего графа особо не пришлось — лучше уж быть чиновником при дворе, чем аристократом на планете ссыльных. Предыдущий граф отбыл в такой спешке, что оставил большую часть обстановки и по крайней мере пару кошек; как говорил отец, их вполне устраивали новые хозяева, пока еда поступала исправно.

— Идем, — сказала Вренна, когда они вышли из скиммера на посадочную площадку возле гаража. — Не стоит заставлять отца ждать.

Их отец, Джеймис, граф Клермонт, пребывал у себя в кабинете, наблюдая на экране монитора за разворачивающейся революцией. Увидев вошедших, он показал на монитор.

— Только взгляните на эту чушь, — сказал он.

— Добро пожаловать в революцию, — ответила Врен.

— Никакая это не революция, — фыркнул Джеймис. — Повстанцев, вероятно, финансируют торговые гильдии, которые хотят льгот по налогам на импорт или еще чего-нибудь. Герцог, само собой, против, и «повстанцы» теперь его свергнут, поставив вместо него какого-нибудь тщеславного аристократа, который понизит пошлины. Имперо проштампует это решение, поскольку никого не волнует, что происходит на Крае, и поскольку они считают, что лет через двадцать все повторится снова.

— А что, не повторится?

— На этот раз — нет. — Джеймис подошел к столу, достал планшет и протянул его Марсу. — Наконец-то оно у нас в руках — неопровержимое доказательство. И последний фрагмент данных,

которого мне не хватало, чтобы построить модель прогнозирования.

Взяв планшет, Марс начал просматривать то, что было в нем.

— Когда это случилось?

— Шесть недель назад. Корабль под названием «Ври больше» попал в аномалию Потока, а затем зафиксировал наличие в нем нестационарной отмели, что соответствует моей модели. Данные записаны, проверены и отслежены. Все сходится. Все в точности так, как мы и предполагали. Все, что мы подозревали насчет Потока, подтвердилось.

Марс оставил попытки пробежать взглядом работу, на изучение которой потребовались бы многие часы, и посмотрел на отца:

— Ты точно уверен?

— Думаешь, я стал бы тебе говорить, не будь это так? — усмехнулся Джеймис. — Разве я не относился к своей гипотезе со всей возможной осторожностью? Думаешь, я не бросал все свои силы на то, чтобы ее опровергнуть? Думаешь, мне хочется, чтобы она оказалась верной?

— Нет, папа, — покачал головой Марс.

— Не пойми меня превратно, Марс. Мне нужно, чтобы ты все прочитал и сказал мне, не упустил

ли я чего-нибудь. Ибо как ученого меня приводит в трепет одна мысль о том, что я совершил такой скачок в постижении физики Потока, но…

— …Как человеку тебе хотелось бы ошибиться, — закончил Марс.

— Да, — кивнул Джеймис. — Да, очень хотелось бы.

Сколько Марс помнил себя, отец всегда называл семейной тайной свою работу по изучению навигационных данных с каждого корабля, прибывавшего на Край в последние четыре десятилетия. Официально граф Клермонт исполнял на Крае роль главного имперского аудитора, изучая данные с кораблей и проверяя, не отклоняются ли они от одобренных империей торговых путей — чтобы не платить торговых пошлин и прочих налогов, — которые часто прокладывались заблаговременно, за годы и даже десятилетия. Граф являлся одним из нескольких десятков главных имперских аудиторов, по одному на систему, наблюдавших за тем, чтобы деньги оставались там, где им надлежало оставаться, прежде всего у империо, а потом уже у гильдий и всех остальных, в порядке очереди.

На самом же деле Джеймису, графу Клермонту, было наплевать на всю эту чушь. Он вполне

справлялся со своей ролью главного имперского аудитора, в основном перекладывая ее на плечи подчиненных и предупреждая, что любая попытка слишком откровенного подкупа повлечет за собой наказание. Но на Край он прибыл вовсе не за этим, и вовсе не потому Джеймиса отправил сюда его друг, имперо Аттавио Шестой. Его задача заключалась в том, чтобы изучить навигационные данные кораблей на предмет любых расхождений, не связанных с торговлей. Он искал данные в подтверждение своей гипотезы, которую впервые сформулировал, будучи студентом университета Ядропада: течения Потока, определявшие существование Взаимозависимости, не подчиняются принципу «устойчивости вследствие резонанса» — теории, согласно которой необычная плотность и взаимодействие течений Потока внутри Взаимозависимости способствуют созданию устойчивой формы волны внутри Потока и течения остаются открытыми и неизменными в течение тысячелетий.

После ознакомления с подкреплявшими ее математическими расчетами у Джеймиса возникли подозрения, не возникшие у других, хотя, может, они предпочли им не поверить: что «устойчивость вследствие резонанса» — всего лишь вздор,

основанный на сфабрикованных данных, и что распад течений Потока, направленных к Земле и Даласисле, предвещал новые распады и не был исключением, как гласила теория Потока того времени. Он рассказал об этом своему другу Батрину, только что коронованному импере Аттавио Шестому, показал ему данные и предупредил, что течения могут исчезнуть в ближайшие сто лет.

Батрину данные показались правдоподобными. Импере также решил, что они представляют угрозу для торговли и стабильности Взаимозависимости, а церковь, вероятно, сочтет их богохульством. И он сделал для своего друга Джеймиса две вещи: во-первых, купил его молчание с помощью графского титула, а во-вторых, отправил его на Край, самую дальнюю планету Взаимозависимости, дал ему работу, позволявшую получать данные для подтверждения или опровержения его гипотезы, и велел никому не рассказывать о результатах, кроме него самого.

Джеймис его послушался, хотя и не совсем. Сперва он рассказал обо всем своей жене Гюйс, а когда подросли их дети-близнецы Марс и Вренна, и им тоже, решив, что импере вряд ли стал бы возражать. Гюйс унесла тайну в могилу, скончавшись трагически рано. Вренна хранила секрет,

поскольку хорошо умела это делать. Марс хранил его, потому что с тех пор, как он начал проявлять интерес и способности к изучению физики Потока, Джеймс стал привлекать его к проверке своих результатов.

И теперь многолетний труд по тайному, методичному сбору данных и их интерпретации окупился с лихвой. Джеймс, граф Клермонт, подтвердил важнейшее открытие человечества со времен обнаружения самого Потока. Если бы оно стало известно другим ученым, он мог бы грести награды лопатой.

Конечно, если бы при этом продолжила существовать Взаимозависимость.

— Значит, это правда, — проговорила Вренна. — Поток разрушается.

— Поток — это Поток, — ответил Джеймис. — С ним ничего не происходит. Речь о том, что мы лишаемся доступа к нему. Необычная стабильность течений Потока, позволявшая Взаимозависимости развиваться, подходит к концу. Течения будут пересыхать одно за другим, и системы Взаимозависимости будут оторваны друг от друга — надолго, а возможно, и навсегда.

— Сколько у нас времени? — спросила Вренна.

— Десять лет, — ответил Марс. — Самое боль-

шее. — Он посмотрел на отца. — А если модель отца идеально точна, даже меньше. Вероятно, лет через семь или восемь все местные течения Потока исчезнут, но с большинством это случится раньше.

Джеймис повернулся к сыну:

— Именно поэтому ты и должен лететь.

— Погоди… что? — переспросил Марс.

— Ты должен лететь, — повторил Джеймис.

— Куда?

— На Ядро, естественно. Ты должен передать эти данные импero.

— Я думал, ты посылаешь империо регулярные отчеты, — удивилась Вренна.

— Само собой. Данные шифруются и отправляются ежемесячно с вылетающими кораблями.

— Отправь их таким же способом и сейчас, — предложил Марс.

— Ты не понимаешь, — покачал головой Джеймис. — Одно дело — держать империо в курсе, пока я обрабатываю данные и уточняю модель, и совсем другое — когда модель окончательно подтверждена и реальная угроза для Взаимозависимости стала очевидной. Кто-то должен подробно рассказать обо всем ему, а затем и остальным. А потом обсудить это со всеми, от ученых до по-

литиков, которые наверняка попытаются найти в моей теории изъяны, руководствуясь своими целями. Кто-то должен лететь.

— Согласен, — кивнул Марс. — И это должен быть ты.

Джеймис открыл было рот, но тут в комнату заглянул Донг Ксавос, секретарь графа:

— Милорд, к вам лорд Грени Нохамапитан. Он утверждает, что прибыл по требованию герцога.

— Впусти его, — сказал Джеймис и посмотрел на детей.

— Нам уйти? — спросила Вренна.

— На вашем месте я бы остался. — Джеймис махнул в сторону монитора, показывавшего новости о перевороте, и тот выключился сам. Сев за стол, Джеймис предложил детям сделать то же самое.

Марс смотрел, как вошедший лорд Грени Нохамапитан, одетый в черное, направляется к его отцу, протягивая руку для приветствия. Грени и близнецы Клермонт были примерно одного возраста, но последние мало общались с наследником семьи Нохамапитан — тот прибыл на Край всего несколько лет назад, чтобы заняться делами своего дома. Они пару раз видели его во дворце герцога и были официально представле-

ны ему. Марс вспомнил, как Грени быстро окинул их взглядом, решая, принесет ли ему знакомство с ними политическую выгоду, понял, что, скорее всего, нет, и с тех пор вежливо их игнорировал. Даже теперь это вызывало у Марса легкую досаду, а Вренну лишь забавляло, ибо иначе и быть не могло.

— Здравствуйте, граф Клермонт, — поклонился Грени Нохамапитан.

— Здравствуйте, лорд Грени, — ответил Джеймис. — Рад вас видеть. — Он показал на Марса и Вренну. Те встали. — Наверняка вы помните моих детей.

— Конечно. Приветствую вас, лорд Марс, леди Вренна, — поклонился им Грени, и оба ответили ему тем же, прежде чем снова сесть. Покончив с формальностями, он вновь обратился к отцу: — Милорд, мой герцог прислал меня с деликатной миссией, и мне кажется, что нам лучше было бы поговорить наедине.

— Дети — главные мои советники, у меня нет от них секретов. Будьте уверены, в их присутствии наша беседа останется такой же конфиденциальной, как если бы мы были одни.

Грени помедлил. У Марса не осталось сомнений, что тот намерен настаивать на приватном

разговоре с отцом. Нохамапитан бросил взгляд на криво улыбающуюся Вренну и кивнул:

— Что ж, ладно.

— Какое у вас ко мне дело, лорд Грени?

— Как вам наверняка известно, повстанцы бросили серьезный вызов герцогу.

— Хотите сказать, что еще немного — и он лишится своего герцогства, милорд? — усмехнулась Вренна.

— Пожалуй, у герцога больше оптимизма, чем у вашей дочери, — сказал Грени Джеймису. — Тем не менее вызов вполне реален, и герцог ищет способы увеличить свое тактическое преимущество.

— Например?

— Оружие, милорд.

— У меня есть древний излучатель, оставшийся от предыдущего графа, — сообщил Джеймис. — Полагаю, Вренна постоянно ходит с пистолетом. Вряд ли у нас найдется другое оружие.

— Герцогу известно, что у вас нет оружия, милорд. Но у вас есть деньги.

— Вообще-то, нет. К титулу «граф Клермонт» прилагается очень мало земли, которую можно сдать в аренду, и никаких местных или более крупных монополий. В основном это почетный

титул. Я получаю жалованье главного аудитора и средства на содержание дворца. Недавно я продал кое-что из имущества, но все равно выручил немного.

— Речь не о ваших деньгах, милорд, — рассмеялся Грени. — Речь о деньгах импero. Мы хотим воспользоваться ими, чтобы купить оружие, в котором нуждается герцог.

— Поясните, что вы имеете в виду, сэр, — мрачно проговорил Джеймис.

— Герцогу известно, что через вас, главного аудитора, проходят все имперские налоги и пошлины, прежде чем оказаться в казначействе на Сиане.

— Мы никуда их не пересылаем. Этим занимается глава имперского банка на Крае.

— Естественно. Мы уже говорили с госпожой Хан, и она готова оказать герцогу посильную помощь. Кроме того, госпожа Хан сообщила нам, что любой перевод имперских налогов или пошлин куда-либо, помимо Сианя, также требует вашего одобрения.

— Верно, но на самом деле все сложнее. Я могу одобрить прямое расходование налогов и пошлин на санкционированные империей проекты, например связанные со строительством или ин-

фраструктурой, — все равно налоги идут на эти цели. Это экономит время: не нужно отправлять отсюда деньги и пересылать их обратно.

— Да. И если вы сверитесь со своими записями, то увидите, что два года назад, когда началось нынешнее восстание, герцог запросил, а имперский парламент одобрил выделение средств на закупку оружия для подавления мятежа.

— Мне незачем сверяться со своими записями, лорд Грени. Я и так знаю, что эти средства уже выделены, а оружие куплено и отправлено по назначению.

— Тогда вы наверняка знаете еще одно: корабль, доставлявший это оружие, «Ври больше», подвергся нападению пиратов и был взят на абордаж при выходе из Потока. Капитан и команда отважно бились, отражая нападение, но в итоге многие погибли, включая старшего помощника, начальника охраны и представителя судовладельца, а груз был захвачен. «Ври больше» едва сумел добраться до порта.

— Я знаю про «Ври больше», — кивнул Джеймис.

— Суть в том, что оружие теперь в руках пиратов, которые намерены продать его повстанцам. Но их можно убедить продать его герцогу.

— Для этого у герцога есть своя казна, — заметил Марс.

— Увы, лорд Марс, два года войны истощили казну герцога, к тому же стало намного сложнее собирать налоги и прочие доходы. Ему нужна помощь.

— Помощь он получил, — заметила Врenна. — Парламент одобрил выделение средств на оружие. Но в задачи герцога входит и патрулирование космоса между отмелью Потока и планетой. Если там орудуют пираты, то лишь потому, что герцог с этим не справляется.

Грени снова посмотрел на графа:

— Герцогу известно, что просьба его довольно необычна. Его довод — и, думаю, сильный — состоит в том, что парламент предназначал оружие для герцога. Соответственно, выделяя дополнительные средства для повторной закупки оружия, вы следуете замыслу парламента.

— Вряд ли довод настолько хорош, как считает герцог, — возразил Джеймис. — И мне известно, что местному имперскому гарнизону приказано не вмешиваться.

— Герцог прекрасно знает, что единственный аристократ, находящийся сейчас под защитой имперских войск, — вы, граф Клермонт, — кивнул

Грени. — Ему это кажется весьма интересным.

— Ничего интересного, лорд Грени. Как вы верно заметили, деньги Взаимозависимости проходят через мою контору. Империо ценит свои деньги, и ему, полагаю, не очень понравится, если их поток внезапно отклонится от курса. И наверное, он не похвалит меня за это.

— Герцог готов к такому развитию событий.

— Приятно слышать, — усмехнулся Джеймис. — Особенно если учесть, что в тюрьму отправят вовсе не его.

— Да бросьте, граф Клермонт. Поверьте, герцог не настолько глуп. Не забывайте, что до Ядра и Сианя девять месяцев пути. За эти девять месяцев герцог может подавить мятеж и вернуть с процентами любые одолженные средства. Он подкрепит ваш авторитет своим в надежде убедить империо, что вы и госпожа Хан действуете в наилучших интересах Взаимозависимости. А пока что герцог обещает, что ваша преданность будет вознаграждена.

— Какая ирония, лорд Грени, — рассмеялся Джеймис. — Пытаться подкупить того, от кого хочешь получить деньги?

— Герцог считает, что деньги — не единственная плата за преданность.

— И госпожу Хан убедили его аргументы?

— Да, милорд.

— Итак, подытожим, — сказал Джеймис. — Вы хотите, чтобы я незаконно перевел имперские средства герцогу для покупки оружия, которое он уже приобрел и утратил по собственной халатности, поскольку та, кого вы подкупили, не в состоянии сделать это сама. И чтобы расплатиться со мной за совершение нескольких преступлений против империи, вы предлагаете непонятную награду — не деньги. Так?

— Я бы выразился иначе, — ответил Грени. — Как и герцог.

— Конечно, вы бы выразились иначе. Но вы просите именно об этом.

— Надо понимать, что вы не желаете помочь герцогу? — спросил Нохамапитан.

— Я этого не говорил, — возразил Джеймис, к удивлению Марса. Бросив взгляд на сестру, Марс так и не сумел понять выражения ее лица. — Я могу помочь герцогу. Но я не хочу, чтобы вы, я или герцог притворялись, будто мы делаем что-то еще.

Джеймис встал, давая понять, что разговор окончен. Марс и Вренна тоже встали. Нохамапитан понял намек и поклонился.

— Что передать герцогу? — спросил он.

— Можете передать ему, что ответ последует через неделю, — сказал Джеймис.

— При всем к вам уважении, милорд, в нынешних обстоятельствах неделя — весьма долгий срок.

— Лорд Грени, это меньше пятидесяти лет, которые я проведу в тюрьме, если что-то пойдет не так, — возразил Джеймис. — И это если импер не решит попросту меня казнить.

— Могу ли я смиренно попросить разрешения сказать герцогу, что он получит ответ через пять дней? Уверен, для него это будет вполне приемлемо.

Джеймис изобразил задумчивость:

— Хорошо, лорд Грени. Пять дней.

— Благодарю, милорд. — Он поклонился. — Если герцог пожелает встретиться с вами лично, где вы будете в ближайшие пять дней?

— Здесь, — ответил Джеймис. — Как всегда — и теперь, и раньше.

Снова поклонившись, Грени вышел. Марс подождал, пока Вренна не закроет за посетителем дверь.

— Ты что, всерьез решил так поступить? — спросил он отца.

— Почему бы и нет? — сказал Джеймис.

Марс ошеломленно уставился на него.

— Тянешь время? — поинтересовалась подошедшая Вренна.

— Да, — кивнул Джеймис.

— И чего ты ждешь?

— Того момента, когда все это уже не будет иметь значения. — Джеймс показал на планшет, который Марс по-прежнему держал в руках. — Я смоделировал гибель течений Потока, мой сын. Пройдут годы, прежде чем все они исчезнут. Но некоторые разрушаются уже сейчас. — Он коснулся экрана планшета. — Одним из первых станет течение отсюда до Ядра. Модель показывает, что оно уже ослабевает.

— И как скоро оно исчезнет? — спросила Вренна.

— Примерно через год. Но оно разрушается, начиная с входной отмели. При лучшем сценарии та закроется через месяц. При худшем — где-то через неделю. После этого течение станет полностью недоступно. Любой корабль, находящийся на Крае, здесь и останется. Навсегда. — Джеймис повернулся к сыну. — Это еще одна причина, по которой ты должен лететь прямо сейчас. Больше такой возможности у тебя не будет.

— Лететь должен ты, — повторил Марс.

— Еще немного, и герцога свергнут, — покачал головой Джеймис. — За всеми местными аристократами следят: не попытаются ли они покинуть планету до его падения? А теперь мне еще предстоит дать Грени Нохамапитану ответ насчет денег. Стоит мне ступить за порог этого дома, как все решат, что я пытаюсь сбежать. За мной следят. Но за тобой — нет.

— Разумно, Марс, — кивнула Вренна. — Ты единственный, кто может объяснить происходящее не хуже отца. И на тебя никто не обратит внимания.

— Особенно после того, как я сделал Вренну моей наследницей, — сказал Джеймис.

— Что? — переспросил Марс.

— Угу… что? — переспросила Вренна.

— Узнав о коллапсе Потока, я тут же сделал Вренну своей официальной наследницей, — объяснил Джеймис сыну. — И теперь для твоего отлета с Края есть все основания, поскольку ты наследником не являешься. Даже сейчас никто не станет возражать.

— Не хочу быть графиней, — запротестовала Вренна. — И уж точно не хочу быть имперским аудитором.

— Расслабься, — сказал Джеймис. — Для аудитора скоро не останется работы.

— Звучит… не слишком ободряюще.

Улыбнувшись дочери, Джеймис снова посмотрел на сына:

— Я недавно продал кое-что из наших владений. Должно хватить на твой перелет и обустройство на Ядре.

— Сколько? — спросил Марс.

— Около восьмидесяти миллионов марок.

— Ничего себе!

— Да, — кивнул Джеймис. — Возможно, я солгал этому Грени Нохамапитану о размерах своего капитала. Суть в том, Марс, что у тебя теперь есть средства, мотив и возможность покинуть Край. Улетай, и немедленно. Расскажи импero о том, что нам известно. Если повезет, у него останется время на подготовку.

— Подготовку к чему?

— К крушению империи, — ответил Джеймис. — И к тьме, которая за ним последует.

Глава 5

Кива Лагос не дождалась чуда, зато получила на ближайшую неделю приятный довесок в лице Сивурена Донхера.

— Это наш торговый посредник, — сказал Гажон Магнут, имея в виду напыщенного типа, болтавшегося без дела по трюму Имперской станции, который был отведен кораблю «Да, сэр». Посредник стоял возле штабеля ящиков с чепушинами. Плоды почти созрели. Воздух в трюме был насыщен густым цветочным ароматом, который в ближайшие несколько дней мог смениться запахом гнили. Сидя в кабинете, предоставленном арендаторам трюма, Магнут и Лагос смотрели сверху на несчастного дурака.

— Ладно, — кивнула Кива. — И что, мать его растак?

— Он хочет заплатить за перелет для себя и своей семьи. На «Да, сэр».

— С Края? Куда?

— Сказал, что решит позже.

— Можно подумать, где-то во Взаимозависимости еще нет перенаселения, — фыркнула Кива. — Уже много лет никто не строил новых по-

селений и не рыл котлованы под новые города.

— Я ему объяснил. Он ответил, что это его проблема.

Кива снова посмотрела на посредника:

— У нас не пассажирский рейс, Гажон.

— Да, мэм, — согласился Магнут. — Но, если позволите, особого вреда для нас тоже не будет. Команда укомплектована не полностью, и здесь, на Крае, нам не нанять столько людей, сколько мне бы хотелось. В крайнем случае можем взять его вместе с семьей под опеку и потребовать с них плату за такую честь.

— Почему у тебя проблемы с наймом?

— Идет война, — пожал плечами Гажон.

— Но вот он, к примеру, хочет отсюда улететь, — заметила Кива.

— Это не то же самое, мэм. Он хочет улететь насовсем и забрать с собой семью. Но каждый, у кого здесь семья, хочет быть вместе с ней. Множество жителей планеты покидают зоны боевых действий, из-за беженцев начался настоящий кризис. Честно говоря, даже если бы нам не запретили продавать чепушины, мы вряд ли сумели бы много продать. Рынок почти перестал существовать.

— Но мы могли бы получить наши лицензи-

онные выплаты и прибыль, — сказала Кива и снова посмотрела на человека в трюме. — Как, говоришь, его зовут? — спросила она Гажона.

— Сивурен Донхер.

— И как, хороший посредник?

— Один из самых успешных. Собственно, поэтому он к нам и обратился — видимо, полагает, что мы перед ним в долгу.

— Вот как? — проговорила Кива. — Давай-ка его сюда.

Кивнув, Гажон отправился за потенциальным пассажиром.

Вблизи Сивурен Донхер оказался чуть полноватым человечком средних лет, на чьем лице высокомерие и тревога так быстро сменяли друг друга, что Киве показалось, будто это происходит помимо его воли. У него был вид человека, еще несколько дней назад уверенного, что он сумеет пережить мятеж со всей его бессмыслицей, а потом внезапно осознавшего, что ему это не удастся.

— Здравствуйте, леди Кива, — поклонился Донхер, глядя на стул, который недавно освободил Гажон Магнут. Он явно ожидал предложения сесть и общения на равных.

— Хочешь убраться с Края? — спросила Кива, не

предложив ему сесть. При виде подобной нелюбезности стоявший в углу Магнут едва заметно поднял брови.

— Да, мэм.

Кива кивнула в сторону Магнута:

— Гажон говорит, что ты — один из самых успешных наших посредников.

— Я хорошо послужил вашей семье, леди Кива, — улыбнувшись, кивнул Донхер.

— Уточни, что значит «хорошо».

— За текущий платежный период дом Лагос получил от моих компаний четыре миллиона марок. Гм… вернее, получит, как только ваши неприятности с герцогом Края будут улажены.

— Четыре миллиона марок, — повторила Кива. — Неплохо. Совсем неплохо.

— Спасибо, мэм.

— Так почему, мать твою растак, я должна этому мешать?

— Мэм? — непонимающе моргнул Донхер.

— Ты приносишь мне кучу денег. Если ты улетишь с Края, этих денег не станет. По логике, я должна приказать тебе вернуться к своим садам и фабрикам и оставаться там.

— Мэм… идет война.

— И? Как мне тут говорят, у вас, идиотов, такое

происходит регулярно. Через несколько месяцев жизнь придет в норму.

— Не в этот раз, мэм. Сейчас все по-другому. Герцога того и гляди скинут, а тех, кто считался его фаворитом, выслеживают и убивают. Вместе с семьями.

— Как я понимаю, вы с герцогом — лучшие друзья?

— Я часто бываю при дворе, мэм. Как и моя жена, которая особенно близка с герцогиней. Иногда оба гостили у нас.

— Но ты ведь сам не аристократ, — прищурилась Кива.

— Нет, мэм. — Донхер пожал плечами. — Говорили, что меня в этом году посвятят в рыцари. Мы с женой немало пожертвовали на благотворительные больницы герцога. Но теперь все это повисло в воздухе.

— Гм… — Окинув взглядом перепуганного мелкого карьериста, Кива решила, что с ним действительно все ясно. — Четыре миллиона.

— Прошу прощения, мэм?

— Ты не просто просишь взять тебя на корабль, Донхер. Ты также просишь разрешения расторгнуть посреднический договор с домом Лагос, лишив нас дохода на этой планете. Прекрасно.

Это обойдется тебе в четыре миллиона марок.

— Я договорился с вице-президентом моей компании о продолжении работы… — заикаясь, пробормотал Донхер.

— У нас договор лично с тобой, Донхер, — прервала его Кива.

— С моей компанией, мэм…

— Это больше не твоя компания, — снова оборвала его Кива. — Ты решил рвать когти, и мы не договаривались ни с какими долбаными вице-президентами. Мы не знаем, способны ли они вообще найти собственную задницу с фонарем и картой. Нам, дому Лагос, придется заново проверять твою компанию, и только мы можем оценить, стоит ли этот вице-президент того, чтобы иметь с ним дело. Если нет, нам придется разрывать посреднический договор, что означает кучу юридических идиотизмов, этот придурок подаст на нас в суд, и в итоге мы потеряем деньги.

— Леди Кива, я гарантирую…

— Ты не можешь давать никаких чертовых гарантий, Донхер. Тебя уже смахнули с доски, и мне от тебя нет никакой долбаной пользы. Единственная гарантия — деньги. Много денег. В данном случае — четыре миллиона марок. Наличными и, как говорится, на бочку. Только так.

Весьма интересно было наблюдать, как от лица собеседника отливает краска. Кива читала про это в книгах, но пока еще ни разу не видела в реальности. Румяная физиономия Донхера побледнела, покрывшись липким потом.

— Вряд ли у меня найдется столько, мэм, — сказал он.

— Уверена, что найдется, — ответила Кива. — Ты собирался покинуть планету и никогда больше не возвращаться. Тебе придется начинать на новом месте, где у тебя нет никакой уверенности в успехе. И единственное, что поможет тебе выжить вместе с семьей, пока не появятся какие-то перспективы, — большая куча наличных. — Она помедлила, задумчиво разглядывая Донхера. — Могу предположить, что у тебя на личной флешке, вероятно, лежит десять или пятнадцать миллионов марок. — Она ткнула пальцем в карман его жилета. — Может, даже прямо тут. Или я ошибаюсь?

Донхер промолчал.

— Тогда вернемся к делу, — кивнула Кива. — Четыре миллиона за то, чтобы освободить тебя от обязательств по договору.

— Да, леди Кива. — Донхер поклонился, давая понять, что, по его мнению, сделка закрыта.

— Мы еще не закончили, — заметила Кива. — Скольких людей ты берешь с собой?

— Я, моя жена и наши дети. Еще мать жены и двое слуг.

— Сколько детей?

— Трое. Две девочки и мальчик.

— До чего же приятное семейство. Полмиллиона марок за каждого.

Кива увидела, как бледное лицо Донхера вновь становится багровым.

— Это грабеж! — наконец выговорил он.

— Возможно, — кивнула Кива. — Но мне плевать. Твоя маленькая семейная ячейка проведет с нами девять месяцев, пока мы летим до Ядра. Им потребуются еда, кислород, место на корабле, в конце концов.

— Но это же еще четыре миллиона марок!

— Твои математические способности впечатляют, Донхер.

— Я не могу позволить себе этого.

— Ну да, как же.

— Наверняка мы могли бы как-нибудь договориться, миледи.

— Извини, — рассмеялась Кива. — Ты что, думал, у нас переговоры? Вовсе нет. Ты хочешь улететь с планеты, и я называю свои расценки.

Не нравится — можешь поискать в другом месте. Как я понимаю, «Ври больше» скоро стартует?

— Собственно говоря, его задержали, — сказал Магнут. — Герцог приказал арестовать капитана. Похоже, считает, будто она позволила пиратам проникнуть на корабль и захватить груз оружия.

— Вот как?

— Вероятно, была договоренность со старшим помощником, и тот попытался устроить мятеж, но неудачно. Капитан, однако, решила выполнить уговор с пиратами. Это выгоднее. Судя по всему.

— Гм. — Кива снова повернулась к Донхеру. — В таком случае одним вариантом меньше для тебя.

— Леди Кива, могу предложить вам за перелет три миллиона марок. Вместе с четырьмя миллионами, которые вы уже потребовали, это больше половины того, что у меня есть.

— Раз так, можешь оставить на планете своих слуг, — сказала Кива. — Если, конечно, ты не планировал взять одного и оставить вместо него тещу.

Краска вновь начала отливать от лица Донхера.

— Ага! — злорадно усмехнулась Кива. — Так ты собирался избавиться от тещи? Ну и сволочь!

— Неправда, — слабо возразил Донхер.

— Мой тебе совет, Донхер: с такой рожей не играй в карты ни с кем на корабле — сразу залезешь в долги. Итак — семь миллионов марок. Ты хочешь что-то взять с собой? Какой-то груз?

— Если позволите, мэм.

— Конечно позволю. Тысяча марок за килограмм, и полмиллиона вперед, чтобы выделить место в грузовом отсеке. Если груз окажется меньше по весу, вернем деньги.

К этому моменту Донхер уже понял, что лучше не спорить:

— Да, мэм.

Кива показала на Магнута:

— Гажон возьмет у тебя деньги и распорядится обо всем, что нужно. Мы отправляемся через пять дней — Гажон назовет тебе точное время. Если тебя с семьей не окажется на корабле за двенадцать часов до этого, вы все останетесь здесь, а деньги останутся у нас. Понятно?

— Да, мэм.

— Тогда все. Возвращайся в трюм и жди Гажона.

Донхер поклонился и вышел. Магнут закрыл за ним дверь.

— Впечатляюще, мэм, — сказал он Киве.

Кива вновь усмехнулась, а затем спросила:

— Что мы сегодня выяснили, Гажон?

— Что Сивурен Донхер хочет бежать с планеты?

— Мы выяснили, что он настолько сильно хочет бежать с планеты, что готов выложить за это семь с половиной миллионов марок, — сказала Кива. — А значит, есть и другие вроде него, готовые заплатить столько же, если не больше.

— Вы собираетесь взять на борт еще беженцев, мэм?

— Беженцев — нет. Переселенцев — да.

— Есть разница?

— Примерно полмиллиона марок за каждого, Гажон.

— Гм… у нас в самом деле пассажирский рейс?

Ухмыльнувшись, Кива показала на Донхера: тот снова стоял с несчастным видом возле штабеля ящиков с чепушинами.

— Мы только что получили от этого тупого болвана семь с половиной миллионов марок, — сказала она. — Двенадцать с половиной процентов наших финансовых потерь от долбаного рейса. Еще несколько таких, как он, и мы сведем баланс. Ради этого стоит несколько месяцев потерпеть их титулованные задницы.

Магнут кивнул в сторону Донхера:

— У него есть проездные документы для семьи и слуг. Но не каждый, кто хочет полететь с нами и может себе это позволить, обзаведется ими. Даже если ему разрешат покинуть планету, большинство правительственных учреждений закрыто, так что документов он не получит.

— Это наша проблема?

— Когда мы прибудем на Ядро и выгрузим этих… переселенцев, нас могут оштрафовать за незаконную перевозку людей, если у них не окажется проездных документов. Как видите, это может оказаться и нашей проблемой.

— Нас могут оштрафовать, только если докажут, что мы знали об отсутствии у них бумаг.

— Вроде того, — кивнул Магнут. — На самом деле все сложнее.

— Но по сути, — продолжала Кива, — если у них будут документы, эти документы случайно окажутся фальшивыми и выяснится, что мы этого не знали, дом, скорее всего, отвертится от штрафа.

— Да, мэм.

Кива подняла брови, давая понять Магнуту — без единого слова, которое могли бы вменить ей в вину, — что ему следует найти того, кто срочно соорудит поддельные проездные документы

сносного качества за огромную для отъезжающих сумму, с которой дом Лагос получит скидку в виде комиссионных. Если поддельные документы будут обнаружены, вину, разумеется, возьмет на себя Магнут, а Кива и, соответственно, дом Лагос будут ни при чем.

Судя по тяжелому вздоху и короткому кивку Магнута, он прекрасно все понял.

— А дальше объяви, что мы принимаем переселенцев. Если они хотят попасть на корабль, пусть поторопятся. И лучше пусть несут наличные.

На корабль хотелось попасть многим переселенцам. И они с радостью несли деньги.

Естественно, далеко не все из них обладали состоянием Сивурена Донхера, и не каждый собирался брать с собой пятерых родственников, не считая прочих душ. Но всего набралось немало — одиноких, пар, а иногда и семей из трех или четырех человек, по полмиллиона марок за каждого, плюс плата за груз, плюс документы, плюс дополнительные поборы, если беженцы оказывались торговыми посредниками или деловыми партнерами дома Лагос. А таких хватало — Кива велела Магнуту выявлять их и брать в первую очередь.

Через два дня до сведения баланса оставалось

меньше пяти миллионов марок.

— Я долбаный финансовый гений, — сказала Кива капитану Блиникке, вернувшись на «Да, сэр».

— Или вы просто наживаетесь на войне, — заметил Блиникка.

— Я ничего не продаю воюющим сторонам, — возмутилась Кива, но тут же с легкой усмешкой пожала плечами. — Я предлагаю услуги тем, кто желает покинуть театр военных действий. По сути, оказываю гуманитарную помощь. Спасаю людей.

— За полмиллиона марок с каждого?

— Я не говорила, будто у меня из-за них сердце кровью обливается.

— Как скажете.

— Мы можем завершить рейс с прибылью, — заметила Кива. — Вряд ли ты станешь возражать.

— Не стану, — согласился Блиникка. — Учитывая обстятельства, даже небольшой минус обернется для нас плюсом. Я не лишусь своего поста, а вы не потеряете лицо перед своей матерью и домом Лагос. С финансовой точки зрения вы поступаете разумно.

— Но…

— Никаких «но». Вы правы. Это всего лишь на-

поминание о том, что война покровительствует богатым. Те, кто может улететь, улетают. Те, кто не может, страдают.

— Мать твою растак, — помолчав, проговорила Кива. — У тебя вообще есть совесть, Томи?

— Нет, мэм.

Звякнул планшет Кивы — это оказался Гажон Магнут.

— К вам посетитель, — сказал он, когда Кива включила связь.

— Кто?

— Лорд Грени Нохамапитан. Говорит, вы с ним знакомы.

— Мать твою, — проворчала Кива. — Чего хочет этот мерзкий кусок дерьма?

— Думаю, это как-то связано с вашим планом насчет переселенцев. Во всяком случае, он задавал вопросы на эту тему.

— И что ты ему ответил?

— Я ответил, что их нужно решать с вами. Он разозлился и попытался поставить меня на место, но я начал цитировать торговые правила Взаимозависимости, и он оставил меня в покое. Он велел своей прислужнице найти челнок, чтобы тот доставил его на «Да, сэр», и скоро будет у вас.

— Поняла, — сказала Кива и, отключив связь,

повернулась к капитану. — Готов заняться космической адвокатской практикой?

— Конечно, — улыбнулся Блиникка.

— Вот и хорошо. Пошли.

— Здравствуйте, леди Кива, — сказал Грени Нохамапитан, когда причальный отсек для челноков вновь заполнился воздухом. — Рад снова видеть вас.

— В самом деле? — спросила Кива.

— Полагаю, да. — Грени кивнул капитану. — А вы, как я понимаю, капитан Блиникка?

— Да, милорд, — поклонился Блиникка.

Быстро поклонившись в ответ, Грени обратился к Киве.

— Нам нужно поговорить наедине, — сказал он.

— О чем?

— О том, как вы наживаетесь на беженцах.

— Тут не о чем говорить.

— Герцог возражает.

— Капитан? — повернулась Кива к Блиникке.

— Милорд, законы Взаимозависимости достаточно ясно говорят о правах беженцев в военное время и о праве попутных кораблей и их команд оказывать им помощь. И вообще, это одно из основных прав Взаимозависимости, провозгла-

шенное самой пророчицей.

Грени лишь мрачно усмехнулся в ответ:

— Весьма сентиментально, капитан, учитывая, что вы берете с каждого по полмиллиона марок.

— Собственно, мы с капитаном только что говорили о положении менее обеспеченных, — сказала Кива.

— Вы? — недоверчиво переспросил Грени.

— Во-первых, пошел на хрен, во-вторых, да. — Кива посмотрела на Блиникку. — Я права?

— Да, мы кое-что обсуждали.

— Полагаю, вы собираетесь сказать, будто берете по полмиллиона с человека, чтобы оплатить провоз бедных, которых тоже берете на борт, проявляя внимание к их отчаянному положению?

— Возможно. Полагаю, тебе трудно в это поверить, Грени, но ты всегда был мелким дерьмецом.

— В свое время вы считали это подкупающей чертой моего характера, леди Кива. — Грени повернулся к капитану. — Несмотря на все законы о беженцах, вы прекрасно знаете, что Край имеет особый статус внутри Взаимозависимости. Многие не могут просто так покинуть его, поскольку оказались на Крае не без причины.

— Нашему главному казначею хорошо из-

вестны особенности Края и некоторых его обитателей, — сказал Блиникка. — Мы не берем с планеты тех, кому запрещено ее покидать.

— Вы не станете возражать, если мы тщательно проверим это? — спросил Грени.

— Нет, конечно, — ответил Блиникка. — Не сомневаюсь, что имперское таможенное управление Края предоставит вам всю необходимую информацию.

— Герцог предпочел бы напрямую ознакомиться со списком ваших пассажиров.

— Прошу извинить, милорд, — покачал головой Блиникка, — но по законам Взаимозависимости такие сведения можно запросить лишь у таможенного управления, но не у команды корабля.

— Полагаю, вы могли бы оказать любезность герцогу.

— Ты просишь моего капитана нарушить законы Взаимозависимости? — сказала Кива.

— Интересы герцога и законы Взаимозависимости во многом совпадают.

— О чем я прекрасно знаю, мать твою, благодаря эмбарго, которое герцог наложил на мой груз. Но в данном случае это не так. Верно, капитан?

— Не так, миледи, — подтвердил Блиникка.

— Ну так что? — Кива пристально посмотрела

на Грени.

— Раз уж я здесь, я бы хотел осмотреть корабль, — помолчав, сказал тот.

— Тебе что, мать твою, экскурсию устроить? — спросила Кива.

— Если не возражаете.

— Нам больше заняться нечем, кроме как за три дня до отправления потакать твоим капризам?

— Вообще-то, нечем.

— Это тонкий намек на то, что ты хочешь потолковать со мной наедине?

Грени развел руками, словно говоря: «Твоя взяла».

Кивнув, Кива обратилась к Блиникке:

— Отведу его на производственный уровень. Если ты снова потребуешься мне, чтобы ткнуть ему в лицо имперское законодательство, я позвоню.

Блиникка кивнул и вышел.

— Идем, пора с этим кончать, — сказала Кива, знаком велев Грени следовать за ней.

Причальный отсек находился в кормовой части «Да, сэр» — длинной суставчатой иглы, от которой отходили два отдельных кольца, вмещавшие, кроме прочего, гидропонные и производственные модули. Каждое из них вращалось, обеспечивая базовую силу тяжести, равную

половине стандартной, а пресс-поля доводили фактическую гравитацию до одного «же». В зависимости от модуля сила тяжести могла меняться для производственных и иных целей.

— Чувствую себя легким, — заметил Грени, когда они вошли в сельскохозяйственный модуль.

— Чепушины лучше всего растут при одной восьмой «же», — кивнула Кива. — И в этих модулях поддерживается именно такая сила тяжести.

— На Крае сила тяжести чуть больше одного «же». Ты собиралась сказать об этом покупателям твоих лицензий?

— Это не значит, что при такой гравитации они не вырастут, — возразила Кива. — Прекрасно вырастут. К тому же они созревали бы на настоящих кустах чепушина, а не на гидропонных установках, как здесь. — Она показала на решетки, плотно утыканные светильниками и плодами, поднимавшимися из питательной среды. — Чего точно хватает на Крае, так это земли. Только теперь это не имеет значения — спасибо долбаному герцогу.

— Если уж быть честным, дом Лагос выпустил на свободу вирус, уничтоживший урожай основных культур.

— Если уж быть честным, можешь катиться в

долбаную задницу: мы тут совершенно ни при чем, и ты это прекрасно знаешь.

— Мне тебя недоставало, Кива. Тебя и твоих любимых словечек.

— Сомневаюсь. Но все равно спасибо.

Грени показал на чепушины:

— И что вы будете со всем этим делать?

— Идем в следующий модуль, и ты увидишь.

Следующим был производственный модуль, где для большей эффективности поддерживалась сила тяжести в один и одну десятую «же».

— Вы что, делаете из них сок? — спросил Грени.

— Сок, концентрат, фруктовый джем из остатков и прочее дерьмо, — кивнула Кива. — Девать товар, в общем, некуда — нет смысла конкурировать с нашими посредниками. Мы думали о том, куда пристроить его, но решили не обижать их. На Ядре попробуем продать все это имперскому правительству как излишки. Оно распределит их среди бедных семей в качестве продовольственной помощи, например, а дом Лагос получит налоговый вычет.

— Хочешь сказать, что ваш рейс завершится вполне удачно?

— Возможно. Если имперское правительство

не включит это дерьмо в программу продовольственной помощи, нам придется за все отвечать.

— Уверен, бухгалтеры дома Лагос вывернутся и найдут способ списать потери. А если прибавить деньги, которые вы вымогаете у пытающихся бежать с Края, дом может даже оказаться в плюсе.

— Ты говоришь так, будто это плохо.

— Вовсе нет. Чем еще заниматься домам гильдий, как не делать деньги? В этом суть их деятельности. Твоей и моей.

— Собственно, к сути ты пока не перешел, — заметила Кива.

— Суть вот в чем, Кива: герцога беспокоит кое-кто из тех, кого вы, возможно, собираетесь вывезти с планеты.

— Ладно. И что?

— Некоторые из них представляют интерес для герцога — по разным причинам.

— Опять-таки и что?

— Если кое-кто попытается заплатить тебе за перелет, герцог желает об этом знать.

— Мать твою, Грени, — рассмеялась Кива, — ты, наверное, шутишь. Если бы не герцог, думаешь, мне пришлось бы делать из плодов джем и перевозить богатых придурков?

— Герцог просит оказать ему услугу, как ари-

стократ аристократа.

— Герцог может оттрахать сам себя заряженным дробовиком.

— Я так и думал, что ты это скажешь, — снова кивнул Грени. — Поэтому меня уполномочили предложить тебе взятку.

— За что?

— За то, чтобы ты сообщила нам, если определенные люди попытаются заплатить за перелет на твоем корабле. И за информацию о том, где их найти.

— Я прошу за перелет кучу денег, — сказала Кива.

— Герцог готов заплатить столько же в качестве награды.

— Столько же, мать его? Если он хочет моего содействия — сумма начинается с двух миллионов за человека.

— Тебе не кажется, что ты просишь слишком много?

— Герцог нагрел меня как минимум на шестьдесят миллионов марок, так что не кажется.

— Один миллион марок за человека.

— Посмотри на себя, Грени. Ты вправду решил, будто мне от тебя что-то нужно?

— Герцог может принять меры, чтобы ослож-

нить ваш отлет.

— Что, арестует моего капитана, как и капитана «Ври больше»?

— Ты об этом слышала?

— Космос тесен. Мы уже получили все разрешения, Грени. Наш отлет одобрен. И герцог сейчас больше всего озабочен тем, как не оказаться свергнутым и, вероятно, убитым.

— Полтора миллиона марок за человека.

— Два с половиной миллиона, и при любой попытке торговаться цена будет повышена.

— Герцог не делает деньги сам.

— Почему бы этому сукину сыну не позаимствовать часть моих денег, которые он присвоил?

— Не такая уж плохая мысль.

— Хрен с тобой. Три миллиона. Просто за то, что ты меня вконец достал.

Грени умиротворяюще поднял руки:

— Кива, хватит. Договорились.

— Три миллиона за каждого?

— Да.

— Прямо сейчас положишь десять миллионов на депозит. Мне надо точно знать, что ты меня не обдуришь.

— Как только вернусь на Имперскую станцию.

— Кого ты ищешь?

— Графа Клермонта и любого из его детей.

— Детей?

— Ну, они уже взрослые. Им около тридцати стандартных лет. Близнецы. Парень и девушка.

— Зачем они тебе?

— Расскажу за три миллиона марок.

— Сволочь ты этакая.

— Это не так уж важно. Важно, чтобы мы узнали, если кто-то из них пытается покинуть планету.

— А если они попытаются связаться с нами?

— Тогда свяжись со мной, и мы заберем их прямо с Имперской станции перед тем, как они поднимутся на борт «Да, сэр».

— То есть ты обо всем позаботишься?

— Да.

— А потом вышвырнешь их в космос или что-нибудь в этом духе?

— Вряд ли это должно тебя волновать.

— Может, я и сволочь, Грени, но быть активной соучастницей убийства не желаю.

— Мы не собираемся никого убивать. Мы просто не хотим, чтобы они улетели.

— Кто-нибудь еще? Если, конечно, ты предлагаешь по три миллиона за голову?

— Нет. Но меня восхищает твоя моральная

гибкость.

— Ты сам сказал: кем бы мы были, если бы не делали деньги?

Когда Грени покинул «Да, сэр», Кива вызвала по связи Гажона Магнута:

— Мне от тебя кое-что надо.

— Сейчас и без того немало дел, мэм.

Кива поняла, что для Магнута это не более чем вежливый вариант ответа «Отвали, я занят».

— Да, знаю, но мое дело не терпит отлагательства.

— Что именно?

— Мне нужно, чтобы ты аккуратно — и чем аккуратнее, тем лучше, черт побери, — выяснил, кто такой граф Клермонт и с чего герцог решил до него докопаться. И про детей графа тоже.

— Да, мэм. Насколько срочно?

— Было бы неплохо закончить час назад.

— Понял.

— Заодно выясни, что, мать его, делает на этой планете Грени Нохамапитан и какие у него отношения с герцогом.

— Мы уже знаем, что он — советник герцога.

— Верно, и за последние три дня мы с этим засранцем дважды пересекались, причем по вопросам, связанным с герцогом. Возможно,

все это дерьмо кажется тебе случайностью, но мне — нет.

— Срочность та же, мэм?

— Да.

— Потребуются деньги.

— Потрать.

— Сколько?

— Сколько понадобится. Добавь к цене перелета для очередного желающего.

— Да, мэм.

Закончив разговор, Кива подсоединилась с планшета к одной из внешних камер «Да, сэр», сразу за причальным отсеком. Челнок Грени Нохамапитана исчезал вдали, направляясь к Имперской станции.

— Что ты задумал, засранец? — вслух проговорила Кива. — И что затевает твоя семейка?

Что бы ни замышлял Грени, это наверняка являлось частью более крупного плана семейства Нохамапитан. И что бы ни замышляли эти сволочи, хорошего не стоило ждать никому, в том числе дому Лагос — собственно, как и имперскому дому Ву. А если подумать, то и всей Взаимозависимости.

Кива смотрела вслед превратившемуся в крошечное пятнышко челноку, думая, не стоит ли

просто приказать оборонительной системе «Да, сэр» запустить в него ракету. Да, пришлось бы объясняться. Да, формально это считалось бы убийством. Да, вероятно, началась бы война между домом Лагос и домом Нохамапитан, которую дом Лагос, несмотря на все свое могущество, в конечном счете проиграл бы.

С другой стороны, прямо сейчас это доставило бы Киве немалое удовольствие.

Неохотно отложив планшет, Кива решила заняться чем-нибудь другим — о чем, по ее собственному мнению, ей впоследствии предстояло пожалеть.

Глава 6

Одеяние для коронации давило на плечи, елей вонял так, словно протух сто лет назад, корона врезалась в лоб и давила. Кардения обливалась потом — коронационная литургия затянулась почти на час, к тому же прошлой ночью у нее начались месячные, и теперь утробу будто сжимала чья-то рука в железной перчатке.

Да уж, день коронации прошел для импероГрейланд Второй просто здорово, ничего не скажешь.

Собор в Сиане — фактически ее собор, поскольку, став имперо, она стала и главой Взаимозависимой церкви, кардиналом Сианя и Ядра и ей полагался собственный собор, — представлял собой просторное сооружение из камня и стекла в стиле ранней Взаимозависимости. Кардении показалось неуместным массивное каменное здание внутри космической станции, но еще более неуместным выглядел сам Сиань с его холмами, реками и лесами, административными зданиями, жилыми коридорами и искусно спрятанной подальше, чтобы не создавать впечатления хаоса, торговлей, так что Кардения не удержалась от

безумного смеха.

На скамьях собора Сианя могли поместиться тысячи людей, и сегодня скамьи были заполнены до отказа. Представители всех взаимозависимых государств, главы семей гильдий, знаменитости и принцы Взаимозависимой церкви с видимым благоговением слушали литургию, которую заунывно читала архиепископ Гунда Корбейн. Через какое-то время Кардения заметила в левом ухе Корбейн наушник: как видно, даже архиепископ не могла полагаться на свое знание всей церемонии. Отчего-то это слегка успокоило Кардению, и все происходящее приобрело более человеческий вид.

У самой Кардении наушника в ухе не было, но ее роль ограничивалась простейшими действиями — ходить и сидеть. Прошествовав по нефу собора Сианя в относительно простом имперском зеленом костюме, она остановилась у трансепта, ожидая, когда Корбейн начнет проповедь и пригласит Кардению — вернее, Грейланд Вторую — занять место рядом с ней в алтаре. В центре его, на мозаичном изображении имперской печати, стояла скамья для коленопреклонения. Кардения опустилась на колени, склонив голову, и стала ждать, когда Корбейн с помощниками

совершат над ней священнодействие.

Сперва Кардению помазали вышеупомянутым елеем, и ее чуть не стошнило от вони. Затем на нее надели церемониальную пурпурную мантию и золотой шнурок с медальоном: шнурок символизировал Взаимозависимую церковь, а медальон нес изображение феникса, личного символа пророчицы. После этого Кардению объявили кардиналом Сианя и Ядра и, таким образом, главой Взаимозависимой церкви.

Далее последовал ключ на золотой цепочке поменьше, символизировавший доступ в залы парламента, находившиеся в противоположном от имперского дворца конце Сианя — что, в свою очередь, символизировало (в теории, но не всегда на практике) независимость парламента от импero. Независимость эту отчасти подрывал тот факт, что импero всегда являлся членом парламента от Сианя: пост, обычно считавшийся почетным и церемониальным, но при этом дававший то же право голоса, что и у остальных. По традиции импero воздерживались от голосования по любым законам, включая те, которые они одобряли (на те, которые им не нравились, они просто накладывали вето). Но случалось, что импero высказывал свою позицию, к возмущению

рядовых парламентариев.

За ключом последовал перстень с печаткой — по размеру близкий к небольшому булыжнику, он символизировал переход роли главы дома Ву к Кардении. Роль эта официально была отделена от ее роли как импero; хотя дом Ву являлся имперской династией, он был также и семейной гильдией, имевшей монополию на строительство космических кораблей, а также вооружение и обслуживание армии. Можно было с уверенностью утверждать, что дом Ву стал имперской династией именно благодаря этой монополии. Как импero, Кардении не пришлось бы участвовать в повседневном управлении монополиями дома — этим занимался совет из числа ее родственников, и те не потерпели бы вмешательства с ее стороны. Но именно она владела перстнем дома Ву, который носили на левой руке, чтобы надевать на правую имперский перстень.

Последний оказался еще больше, чем перстень дома Ву. К нему прилагались церемониальный скипетр, увенчанный алмазом величиной с кулак, и корона с рубинами, алмазами и изумрудами, символизировавшими церковь, парламент и имперский дом. Корона оказалась чертовски тяжелой и почти сразу же стала давить на голову.

Скипетр, корона и перстень также являлись атрибутами менее важного титула — королевы Ядра и Ассоциированных наций. Еще Кардения получила герцогства, графства и несколько баронств в различных взаимозависимых государствах, с которыми ей почти не предстояло иметь дела напрямую.

На каждом этапе Корбейн произносила церемониальные слова, потом еще что-нибудь, возлагая на Кардению очередной предмет; за этим следовала небольшая молитва, проповедь или то и другое. В какой-то момент Кардения, обливаясь потом и страдая от спазмов, начала жалеть, что ей не разрешают просто заполнить бланк.

Повернувшись, Корбейн посмотрела на Кардению в упор, и от той наконец потребовалось нечто иное, кроме как просто стоять на коленях.

— Встань, Грейланд Вторая, импероСвященной империи Взаимозависимых государств и Торговых гильдий, королева Ядра и Ассоциированных наций, глава Взаимозависимой церкви, наследница Земли и Мать всего сущего, восемьдесят восьмая импероиз дома Ву, и провозгласи свое царствование, — сказала Корбейн и отошла в сторону.

Набрав в грудь воздуха, Кардения встала, на

мгновение опершись на скипетр — в первый и, вероятно, последний раз от него была хоть какая-то польза. По завершении церемонии с нее (к счастью) должны были снять все атрибуты коронации и отправить их назад в сокровищницу — дожидаться коронации следующего импер, кем бы тот ни был. Но пока что они лежали на ней тяжким грузом.

«Никакие они не символические», — подумала Кардения.

Она повернулась к собравшимся аристократам, знаменитостям и представителям. В первом ряду расположился исполнительный комитет, не считая Корбейн. За ними — представители дома Ву, среди которых, что показалось Кардении совершенно неуместным, был ее дядя Брендан Патрик со своими детьми Мойрой и Джастином: эти трое представляли ее мать. Ханне Патрик предстояло услышать о восхождении дочери на престол лишь спустя несколько недель, одновременно с известием о том, что сама она стала обладательницей почетного титула баронессы Такуарембо, по названию одного из владений импер. Кардения подумала, что мать вряд ли сильно обрадуется, но ей наверняка будет приятно.

Несколькими рядами дальше сидела Наффа Долг со своими родителями-республиканцами. Кардению тронуло, что, несмотря на их неприятие имперского правления как такового, они все же пришли поддержать ее и свою дочь. Между рядом Наффы и ближними рядами с представителями дома Ву разместились главы разнообразных семейных гильдий — сплошь аристократы.

А из третьего ряда неотрывно смотрели на Кардению Амит и Надаше Нохамапитан — с таким видом, будто она была для них всего лишь неким долгосрочным проектом или куском мяса.

«Или и тем и другим», — подумала Кардения.

За ее спиной негромко кашлянула архиепископ Корбейн, словно говоря: «Ну, давай же».

— Я, Кардения Ву-Патрик, приняв по праву данные символы церкви и государства, становлюсь отныне Грейланд Второй, имперо, королевой, главой церкви, наследницей Земли и Матерью всего сущего. Да принесут догматы Взаимозависимости, провозглашенные пророчицей, вечный мир и процветание для всех.

— Да здравствует имперо! — прокатилось по залу от первого до последнего ряда, а затем последовала овация, которой Кардения все же сумела насладиться, несмотря на пот и спазмы.

Послышалась музыка — «Марш пророчицы» Хигельяка, написанный в третьем веке эры Взаимозависимости, в исполнении камерного оркестра, хитроумно спрятанного внутри одной из ниш трансепта, чтобы в соборе поместилось больше скамей. Громкоговорители разнесли по залу результат усилий сидевших взаперти музыкантов, и публика встала, продолжая аплодировать, пока Грейланд Вторая делала первые свои шаги — с алтаря, вдоль нефа, а потом в боковой коридор. Там уже ждали помощницы, которые препроводили Кардению в небольшую комнатку и избавили ее от короны, скипетра и прочей чуши. У дверей встали имперские телохранители.

— Полагаю, все прошло хорошо, ваше величество? — обратилась к ней Наффа.

Кардения в замешательстве подняла взгляд, чувствуя, как ее продолжают раздевать.

— Я только что видела тебя среди публики.

— А я и была среди публики.

— Как ты оказалась здесь так быстро?

— Это моя работа. — В руках Наффы волшебным образом возникла папка с бумагами. — Как ты?

— Надеюсь, больше мне этого повторять не придется.

— У импero крайне редко бывают две коронации, так что да, вряд ли.

— Надеюсь, теперь я могу вернуться домой?

— Поскольку импero владеет самим Сианем, формально ты дома.

— Кошмарная мысль.

— А вот проза жизни: вернуться домой ты, увы, пока не можешь. В ближайшие десять минут ты должна переодеться в официальную форму, которую тебе показывает Доше. — Наффа кивнула в сторону помощницы, действительно державшей в руках костюм чрезвычайно официального вида. — Затем ты должна выйти на балкон для торжественных церемоний и помахать десяткам тысяч людей, которые сейчас вытаптывают лужайку перед собором в надежде увидеть тебя. Ты пробудешь там пять минут, и мы вернемся во дворец. Тебе придется целый час давать пятиминутные аудиенции с минутным перерывом, а затем еще час — десятиминутные аудиенции с двухминутным перерывом. Затем ты должна прибыть на празднество по случаю твоей коронации и выступить с коротким обращением…

Кардения застонала.

— …Которое я уже подготовила — его все равно никто не будет слушать из-за маловажности, а

потом ты проведешь три часа, пожимая всем по очереди руки и снимаясь с каждым на фото и видео, что, думаю, покажется тебе истинным адом. И только после всего этого появится возможность отдохнуть и поесть. Пока Доше помогает тебе облачиться в новую форму, советую съесть питательные батончики, которые она тебе принесла. И может быть, попить воды.

— А в уборную можно?

— Здесь есть туалет. Дверь налево. Прежде чем спросишь — там есть все, что может тебе понадобиться.

— Спасибо. Я рада. Хоть кто-то помнит, что я все еще человек.

— Конечно. Учти, у тебя не больше минуты.

Снова застонав, Кардения направилась в туалет.

Семь минут спустя коронационную одежду и атрибутику уже упаковали. Новая одежда оказалась удивительно удобной, и Кардения в окружении отряда телохранителей направилась к лифту, в котором поднялась на верхний этаж собора с балконом для торжественных церемоний. Оглядевшись вокруг, Кардения поняла, что вряд ли еще хоть раз окажется одна в кабине лифта, за пределами дворца.

Двери лифта открылись, и Кардения снова увидела Наффу, стоявшую перед нишей. Эта ниша и была балконом для торжественных церемоний.

— Может, хватит? — спросила Кардения. — Ты меня пугаешь.

— Расслабься. Я поднялась на лифте с другой стороны. Там свои телохранители.

— Добро пожаловать в мой мир.

— Я уже в нем. Надеюсь, ты заметила.

Рассмеявшись, Кардения шагнула из лифта, и в следующее мгновение ее швырнуло обратно — балкон взорвался. Она лишилась чувств еще до того, как ударилась о заднюю стену кабины.

— Совсем не исключено, что течения Потока, связывающие Взаимозависимость, разрушатся еще во время твоего правления, — сказал Кардении ее отец Аттавио Шестой, или, вернее, его компьютерная проекция.

Кардения сознавала, что спит и что все это ей снится, и точно так же сознавала, что ее сновидение, по крайней мере пока, воспроизводит ее первую беседу в Зале Памяти. Она не знала, как и когда заснула, и некая часть ее сознания словно намекала, что много думать об этом не стоит. «Продолжай разговор. Это безопасно», — казалось, говорила эта часть разума, и Кардения

послушно произносила ответные реплики, словно читая сценарий.

— Как это произойдет? — спросила Кардения.

— Я не ученый, — ответил Аттавио Шестой. — В отличие от графа Клермонта. Он собирает данные уже тридцать лет и время от времени посылает мне отчеты. Судя по этим данным, стабильность Потока — лишь иллюзия: за достаточно долгое время все меняется и перемещается, и именно сейчас начинается период таких сдвигов. По его словам, сейчас это уже происходит, но медленно, а скоро начнет происходить очень быстро. Такое уже случалось раньше.

— С Даласислой? Когда импero была первая Грейланд?

— Да, — кивнул Аттавио Шестой. — Она получила информацию, как и я — ту информацию, к которой у тебя теперь есть доступ.

— Если у нее имелась информация, почему она ничего не предприняла? Если она знала, что течение к Даласисле скоро исчезнет, почему ничего не стала делать?

— Я мог бы тебе ответить, но ты можешь спросить у нее самой.

— Она здесь? — удивленно моргнула Кардения.

— Конечно.

— Но она же затерялась в Потоке. Я думала, ее больше не существует.

— Она обновилась перед своим роковым путешествием. Здесь все, кроме нескольких последних дней ее жизни.

Кардения ошеломленно уставилась на призрак отца. С одной стороны, это выглядело разумно. С другой — мысль о том, что личность может быть… неполной, выглядела странно.

— Цзии, покажи мне импero Грейланд Первую.

Воздух замерцал, и к Кардении шагнула высокая широкоплечая женщина.

— Вы импero Грейланд Первая? — спросила Кардения.

— Да, — ответила женщина.

— Вы… знаете, что с вами случилось? Как вы умерли?

— Да, у меня есть эта информация.

— И какие чувства вы испытываете? — Вопрос не имел отношения к делу, но Кардении хотелось знать.

— Никаких. Я — компьютерная имитация личности. А исходя из того, что мне известно, думаю, настоящая импero Грейланд Первая вряд ли отнеслась бы к этому серьезно.

Кардения невольно улыбнулась, но тут же пе-

решла к сути:

— Вы знали, что течение Потока к Даласисле ослабевает?

— Да, мне сообщали о созданных учеными моделях, из которых следовало, что течению грозит опасность. На основе полученных данных я пришла к выводу, что это возможно и даже вполне вероятно.

— Но вы не эвакуировали систему Даласислы?

— Нет.

— Почему?

— Политика, — ответила Грейланд. — Чтобы эвакуировать двадцать миллионов населения системы Даласислы, со стороны Взаимозависимости потребовались бы огромные затраты. И никто не проявил политической воли.

— Парламент не захотел спасти жизни двадцати миллионов человек?

— Для них вопрос стоял не о спасении жизней. На их взгляд, импero, которую они считали слабой, пыталась искусственно создать кризис, чтобы изменить баланс власти не в пользу парламента. Кроме того, они восприняли это как угрозу торговле и экономике: эвакуация требует множества кораблей, а значит, громадных расходов.

— Но как же данные, подтверждающие возмож-

ность коллапса?

— Они собрали комиссию и включили в нее других специалистов по физике Потока. Те опровергли сделанные выводы и высказали столько сомнений, что у политиков не осталось желания что-либо делать. Даже представители Даласислы проголосовали против моей рекомендации начать эвакуацию. Было решено продолжить изучение вопроса. Но денег из имперского бюджета не выделили, и все закончилось ничем.

— Значит… — «Значит, вы ничего не сделали», — хотела сказать Кардения, но помедлила: это выглядело бы грубо и, возможно, даже оскорбительно для Грейланд. Однако она тут же вспомнила, что разговаривает с компьютером, у которого нет никаких чувств. — Значит, вы ничего не сделали.

— Я послала предупреждение об опасности местной герцогине, а также велела военным и местным имперским бюрократам оказать срочную помощь всем жителям Даласислы, которые хотели бы ее покинуть.

— И как, кто-нибудь успел?

— Мы не знаем. Течение Потока иссякло почти сразу же после моего предупреждения.

— То есть двадцать миллионов человек погиб-

ли из-за политики и бюрократии?

— Да. Естественно, не сразу. Но природа Взаимозависимости такова, что каждая система в главных вопросах зависит от других. Если исключить одну систему вместе с ее правящим домом и монополией, с десятками других ничего не случится — в отличие от нее самой. Со временем она начнет приходить в упадок. Космические поселения и базы на непригодных для жизни планетах и спутниках станут разрушаться, ремонтировать их будет все сложнее. Сельское хозяйство и производство продовольствия также придут в упадок. Социальные связи предсказуемо будут распадаться по мере отказа материальной части и постепенного осознания того, что жителей отрезанной от мира системы ничто не спасет. В условиях физического и общественного упадка, который последует за исчезновением течения Потока, гибель всей системы окажется неизбежной.

— Как долго это длилось?

— Когда случился коллапс, я приказала обсерваториям в системе Кайпары навести радиотелескопы на Даласислу. Кайпара была ближе всех по физическому расстоянию — в семнадцати световых годах. Меня не стало прежде, чем они

что-то узнали.

— Но они что-то узнали?

— Немногое. Большая часть внутрисистемной связи в мою эпоху обеспечивалась посредством сфокусированных потоков данных, так что вести случайное наблюдение было сложно. Отдавая приказ, я надеялась, что кому-нибудь на Даласисле хватит ума нацелить на Кайпару работающий широковолновой передатчик. Насколько я понимаю, кто-то это сделал через два года после коллапса, и передатчик работал около месяца.

— И что за сведения они передавали?

— В основном про гражданскую войну, убийства, насилие, саботаж систем жизнеобеспечения и производства еды, возникновение культа личности. Мой сын и наследник, Бруно Третий, подготовил секретный доклад об этом.

— Секретный? — Кардения повернулась к Аттавио Шестому. — До сих пор секретный?

— Да, я его не рассекречивал, — ответил Аттавио.

— Почему? Тем более ты ведь считаешь, что Потоку грозит коллапс?

— Потому что проблемы, существовавшие при Грейланд, существуют и в наше, или, лучше сказать, в мое, время. Парламент все так же вос-

принял бы любые проявления беспокойства по этому поводу как политический ход, отодвигающий его на обочину. Никто не желает повредить торговле или привилегиям домов-гильдий. И в данном случае речь пойдет уже не об одной системе вроде Даласислы, но обо всех. Бежать будет некуда. То, что случилось с Даласислой, случится повсюду. Не будь я абсолютно уверен, я бы не стал открывать этот ящик Пандоры.

Именно тогда Кардения в своем сне отклонилась от сценария.

— Все это глупости, — сказала она Аттавио Шестому и Грейланд Первой. — Мы обречены только в том случае, если продолжим делать вид, будто ничего не происходит. Зная о надвигающемся коллапсе, мы обязаны реформировать Взаимозависимость. Покончить с монополиями домов. Помочь каждой системе подготовиться к катастрофе.

— Ничего не выйдет, — ответил Аттавио Шестой.

— Ты этого не знаешь.

— Знаю, конечно же. Я импер. Или был им.

Кардения повернулась к Грейланд Первой:

— Вы видели, как случился коллапс. В ваше время на это должны были как-то реагировать.

— Меня убили, — ответила Грейланд Первая. — И когда прошла недолгая мода на развлекательные зрелища о потерянной системе Даласисла, все решили просто забыть об этом. Другие течения Потока выглядели стабильными, и никому не хотелось думать о Даласисле.

— Никто не хочет конца Взаимозависимости, включая дом Ву, — сказал Аттавио Шестой. — На кону чересчур большие деньги и власть.

— И никого не волнует выживание человечества? — недоверчиво спросила Кардения.

— Если это означает конец Взаимозависимости — нет.

— Но ведь суть Взаимозависимости и состояла в выживании человечества! — закричала Кардения на компьютерную имитацию отца.

И в этот момент в ее сне Аттавио Шестой и Грейланд Первая рассмеялись ей в лицо.

— Дитя мое, суть Взаимозависимости никогда не состояла в этом, — сказал Аттавио Шестой.

— Это всего лишь предлог, под которым мы ее создали, — кивнула Грейланд Первая.

— Тогда в чем ее суть? — крикнула Кардения. — Что такое Взаимозависимость?

Воздух снова замерцал, и к Кардении шагнула еще одна фигура. Кардения тут же поняла, что

это должна быть Рахела Первая, легендарная основательница Взаимозависимости. Но вместо Рахелы Первой у нее оказалась внешность Наффы, ставшей жертвой взрыва на балконе для торжественных церемоний, Наффы, которую Кардения в последний раз видела разорванной в кровавые клочья. Теперь она стояла перед Карденией в роли Рахелы Первой, чтобы поведать ей, чем была и чем является Взаимозависимость.

— Это все обман, — сказала она.

А потом Кардения, которая даже во сне не могла больше притворяться, будто не понимает, что происходит, усилием воли заставила себя проснуться в постели, в своей очень маленькой и очень тщательно охраняемой больничной палате, среди врачей во главе с Кви Дринином и небольшого отряда имперских гвардейцев, один из которых рассказал ей о том, что она уже и так знала, — что ее подруги Наффы Долг нет в живых.

Часть вторая

Глава 7

Бои возле университета Ополе успели утихнуть, и Марс Клермонт сумел вернуться в свою комнату в общежитии для выпускников, чтобы собраться в путешествие и, скорее всего, никогда не вернуться.

Возник вопрос: если улетаешь навсегда, что брать с собой?

Ряд обстоятельств упрощал задачу. Одежду Марс уже упаковал — дома в Клермонте ее хватало, и брать из Ополе было особо нечего, разве что несколько футболок с умными комментариями из области астрофизики, но Марс решил, что вполне обойдется без них. Одежда, которую он взял с собой, была нейтрального цвета и фасона — как заметил его отец, мода на Ядре отличалась от местной так радикально, что ему все равно пришлось бы покупать новую.

Музыка, книги, фотографии, развлекательные программы и большая часть личной переписки хранились на флешке размером с большой палец, вместе с примерно ста тысячами марок на расходы, которые теоретически были доступны лишь после введения биометрических данных Марса.

В любом случае это не занимало много места.

Оставались лишь вещи, имевшие сентиментальную ценность. Большинство их также пребывало во дворце Клермонт — именно там Марс провел большую часть своей жизни; кроме того, его комната в общежитии была до смешного тесной. Из тех вещей, что находились в комнате, Марс выбрал четыре. Две из них были книгами, которые подарил отец: одну — на день рождения, когда сыну исполнилось тринадцать, а другую — когда тот защитил докторскую.

Третьим был старый музыкальный плеер, подарок Вренны: сестра взяла плеер с собой на концерт «Зеленых богов», и на нем расписались трое из четырех участников группы. Плеер больше не работал, а «Зеленые боги» распались много лет назад — кого-то успели забыть, кто-то опрометчиво продолжил карьеру, но уже сольную. Марс, однако, хранил плеер как напоминание о тех временах и о том, что Вренна, хоть и бывала частенько шилом в заднице, порой могла проявлять доброту и заботу.

Последней вещью стал потрепанный плюшевый поросенок по имени Гигги, которого мать купила Марсу на его первый день рождения, одновременно подарив Вренне плюшевого мед-

вежонка по имени Хоуи. Хоуи пропал много лет назад — были основания подозревать, что Вренна запустила его в небо на самодельной ракете, — но Гигги уцелел и сопровождал Марса при каждом переезде. По законам жанра Гигги должен был остаться единственным подарком покойной матери, но на самом деле у Марса сохранилось немало подарков и вещей, полученных от матери либо напоминавших о ней. Гигги же попросту был его талисманом на счастье.

Запихав все четыре вещи в небольшой рюкзак, Марс окинул его взглядом. «Не так уж много багажа, чтобы покинуть планету», — подумал он, изо всех сил стараясь не думать, что отправляется туда, где он никого не знает и где, скорее всего, ему предстоит провести всю оставшуюся жизнь. Течение Потока в сторону Края могло протянуть дольше, чем обратное, и оставаться открытым еще многие годы. Теоретически Марс мог вернуться, хотя это казалось ему крайне маловероятным. Пытаясь заглушить мысли о том, что он никогда больше не увидит отца, сестру и всех, кого знал, он начал размышлять о практических сторонах отлета с планеты.

Что уже сделано: накануне он встретился с Гажоном Магнутом, главным казначеем кораб-

ля под названием «Да, сэр, это моя малютка», и договорился об оплате за перелет. Вышло недешево — дороже чуть ли не любой покупки за всю его жизнь, — и к тому же Магнут попытался всучить в нагрузку комплект фальшивых проездных документов. Марс заметил, что Магнут испытал легкое недовольство, узнав, что с проездными документами у пассажира все в порядке. Оставалось решить вопрос с увольнением и написать прощальные письма, которые будут отправлены уже после того, как «Да, сэр» окажется в Потоке.

И собрать все необходимое. Остальное прислуга Клермонта могла забрать из комнаты позже.

Закинув рюкзак на плечо, Марс в последний раз взглянул на комнату, решив, что особенно скучать по ней не будет: она была совершенно незапоминающейся во всех отношениях, как едва ли не любая комната в общежитии. Спустившись по лестнице, он вышел на улицу — почти пустую, не считая нескольких человек далеко впереди и фургона, который подъехал к Марсу. Из машины вышли двое рослых мужчин.

Фургон снова тронулся с места, уже вместе с Марсом: мужчины тут же затащили его внутрь, прежде чем он успел что-то сообразить. Рюкзак с сентиментальными ценностями остался на

тротуаре — такое случается при внезапном похищении.

Грени Нохамапитан улыбнулся Марсу, сидевшему напротив него за небольшим столом.

— Счастлив снова вас видеть, лорд Марс. Рад, что мы смогли встретиться так скоро.

— Здравствуйте, лорд Грени, — кивнул Марс. — Поскольку вы меня похитили, вряд ли я мог отказаться.

Оба сидели в комнате без окон, напоминавшей переоборудованный грузовой контейнер. Марс понятия не имел, где он находится. Его привели сюда те самые громилы из фургона, и он провел здесь минут десять, прежде чем появился Грени.

— Мне не нравится слово «похитили», — заметил Грени.

— При всем уважении к вам, лорд Грени, сейчас мне абсолютно наплевать, что вам нравится, а что нет.

— Что ж, вполне честно. — Грени откинулся на спинку стула, задумчиво разглядывая Марса. — Ходят слухи, будто вы намереваетесь покинуть Край.

— Даже если так, какое вам дело?

— Это мы еще посмотрим. Идет война, и герцог заметил, что некоторые его аристократы — или

их дети, взрослые и не очень, — внезапно пытаются купить себе перелет с планеты.

— Во время войны такое бывает.

— Пожалуй, — согласился Грени. — Герцог, однако, считает это проявлением недоверия к его руководящим способностям и поэтому предлагает желающим улететь остаться.

— Вряд ли вы похитили меня, чтобы сделать такое предложение, лорд Грени, — сказал Марс.

— Нет, полагаю, это был бы обходной и очень долгий путь. Вы правы — я пригласил вас сюда совершенно по иным причинам. Помните тот день, когда я просил вашего отца помочь герцогу воспользоваться имперскими средствами?

— Насколько я помню, он ответил «может быть».

— Да, и я воспринял это как вежливое «нет». Для ясности: если ответ действительно был таким, у него имелись для этого серьезные причины, как этического, так и юридического свойства. Он сделал удачный выбор.

— Я передам ему ваши слова.

— Не сомневаюсь, — ответил Грени. — Но не сейчас. Проблема с ответом вашего отца, пусть даже достойным восхищения в этическом и юридическом смысле, состоит в том, что герцогу

действительно нужны деньги, поскольку ему действительно нужно оружие. У нас мало времени, и даже ответ «может быть» нас не устраивает. Соответственно, если не действуют уговоры, приходится прибегать к принуждению.

— Вы требуете за меня выкуп?

— Да. И приношу свои извинения. Ваш отец невосприимчив к другим… методам убеждения, которые могли бы применить я или герцог. Похоже, его не интересуют деньги, власть или что-либо столь же осязаемое. И он не испытывает ни патриотических чувств к Краю, ни преданности герцогу. Но можно не сомневаться, что он любит вас и ваш сестру. А значит, оставалось лишь решить, кого из двоих выбрать. Мы подумывали насчет вашей сестры, — Марс лишь рассмеялся в ответ, и Грени со всем изяществом, на какое только был способен, принял его смех как должное, — но с ней возникли проблемы.

— Хотите сказать, она выпустила бы кишки посланным за ней громилам, а когда они выдали бы вас, начала бы охоту за вами?

— Именно это я и хочу сказать. Нисколько не желаю вас принизить, но вы оказались намного более простой целью.

Марс кивнул. И в самом деле, он был ученым,

а Вренна — солдатом, по крайней мере до того, как стала комендантом дворца Клермонт. Из них двоих его куда легче было застичь врасплох, и вряд ли он свернул бы кому-нибудь шею.

— И еще один вопрос, — продолжил Грени. — Покинуть планету собираетесь почему-то именно вы, а не она.

— И что?

— Вы никогда не бывали за пределами Края, даже на Имперской станции, хотя ваша сестра служила там в морской пехоте. Поэтому ваш отлет представляет интерес.

— Вы сами говорили: идет война.

— Да, но не думаю, что причина в этом. Если бы вы хотели улететь из-за войны, то не сделали бы этого в одиночку. С вами улетели бы сестра и отец — по крайней мере, попытались бы. Но вы один. — Грени достал из кармана флешку и положил на стол. — Во всяком случае, вы не пробуете улететь, прихватив с собой все семейное состояние.

Марс уставился на флешку. Ее забрали во время похищения вместе с другими личными вещами, которые были при нем, а не в пропавшем рюкзаке.

— Возьмите. — Грени подтолкнул к нему флеш-

ку.

Марс взял ее и положил в карман.

— Там пусто?

— Нет. Мне ни к чему ваши фото и музыка, и, боюсь, герцогу требуется от вашей семьи не сто тысяч марок, а больше. Пока — и если — ваш отец нам не поможет, вы никуда не улетите. Как мне кажется, он хочет, чтобы вы улетели немедленно, и я думаю, мы получим от него то, что нам нужно.

— А если нет?

— Для начала вы не сможете покинуть планету, — пожал плечами Грени.

— Для начала?

— Герцогу крайне необходим доступ к тем деньгам.

— Настолько, что он готов меня убить?

— Сам он не стал бы убивать вас. Но раз уж вы об этом упомянули, сотни, а может, и тысячи людей ежедневно умирают из-за этого дурацкого мятежа. Если одна жизнь — ваша — означает возможность выжить для многих тысяч, не стоит ли рискнуть?

— По сути, вы только что попытались морально оправдать мое похищение.

Грени снова пожал плечами:

— Во всяком случае, такое соображение могло бы облегчить совесть герцога. Думаю, его мало волнует, насколько этот довод выдерживает критику. Герцог — разносторонняя личность, но отнюдь не великий мыслитель.

— У вас ничего не выйдет.

— Посмотрим. В любом случае война прощает многие ошибки, особенно если герцог получит свое оружие и подавит мятеж. А пока что, лорд Марс, вам предстоит выяснить, насколько вы ценны для своего отца. Ведь не просто так он решил отправить вас с планеты. Но вы же все равно мне не расскажете?

— Это не ваше дело.

— Я знаю, что вы так считаете. Но, возможно, вас удивит, насколько широко простираются мои деловые интересы.

— Поскольку ваши деловые интересы явно включают в себя похищения, вряд ли меня что-нибудь всерьез удивит.

— Опять-таки вполне честно. Хочу узнать, зачем вы на самом деле намереваетесь покинуть Край.

Марс молчал, не сводя взгляда с Грени.

— Прекрасно, — минуту спустя проговорил тот. — Если ваш отец в ближайшее время ничего

не предпримет, мы начнем слегка пытать вас, чтобы подтолкнуть его к верному решению. Видео и все такое прочее. А пока мы будем этим заниматься, я попрошу снова задать вам тот же вопрос.

— Пытками вы ничего не добьетесь.

— Все так говорят. Опять-таки посмотрим. — Встав, Грени ткнул пальцем в дальний конец контейнера. — Там есть туалет, а здесь — кулер с водой и кое-какие закуски. — Он показал на ближнюю стену. — Это дверь. Если приблизитесь к ней меньше чем на пять футов, через нее пойдет электрический ток. Если дотронетесь до нее, скорее всего, не умрете, но пожалеете, что не умерли. Если все же сумеете ее открыть, мои люди за дверью постараются, чтобы вы пожалели и об этом. Все понятно?

Марс кивнул.

— Хорошо. — Грени окинул Марса взглядом. — Приношу свои извинения. Мне нисколько этого не хотелось. И, как я понимаю, с этого момента наши отношения основательно испорчены.

— Для начала, — передразнил его Марс.

Грени улыбнулся и вышел.

Подойдя к кулеру, Марс взял бутылку воды, отхлебнул из нее и вновь оглядел помещение.

Настольная лампа, стулья, туалет, кулер. Койки нет. Холодный металлический пол и такие же холодные стены. Остановившись в некотором отдалении от широких дверей, он услышал по другую сторону низкие мужские голоса, но не смог разобрать слов.

«Великолепно», — подумал он. Единственной хорошей новостью стало то, что Грени вернул ему флешку, не зная, насколько она ценна. В остальном все выглядело паршиво. Грени Нохамапитан наверняка уже связался с его отцом, и Марс не знал, как тот поведет себя. С одной стороны, отец вряд ли пойдет на сделку со своей совестью. С другой — Грени был прав: больше всего в жизни отца заботило благополучие его детей.

К тому же где-то через неделю, а может, через месяц марки Взаимозависимости утратят всякую ценность. И отец вполне мог отдать деньги просто потому, что в конечном счете — или даже совсем скоро — это перестало бы иметь значение.

Но в то же время сейчас, когда начинало казаться, что исход мятежа может решиться сам собой, и не в пользу герцога, новое оружие могло подлить масла в огонь. Новые смерти, новые разрушения, новые лишившиеся крова несчастные — и все это в тот момент, когда вся жизнь Края грозила

перевернуться с ног на голову, если закроется ведущее с планеты течение Потока.

Марс отхлебнул еще воды. Он всерьез опасался за собственное благополучие — Грени Нохамапитан вел себя как самодовольный психопат, к тому же готовый пытать его ради забавы, — но при этом ощущал некую непонятную отстраненность. Он не знал, что было тому причиной — то ли пережитое потрясение, то ли осознание близкого конца человеческой цивилизации. Помимо страха, на него навалилась еще и усталость, но с ней хотя бы можно было справиться.

Вернувшись к стулу, Марс Клермонт сел, положил ноги на стол, скрестил на груди руки, закрыл глаза и попытался вздремнуть.

Он не знал, сколько прошло времени, когда его потрясли за плечо.

— Смотри-ка, кто пришел, — послышался знакомый голос.

Марс заморгал, пытаясь сфокусировать взгляд на некоем предмете прямо перед ним. Это оказался Гигги, его плюшевый поросенок. А позади, покачивая игрушкой перед лицом Марса, стояла его сестра Вренна.

— Ты меня нашла, — слабо пробормотал Марс.

— Это моя работа, — ответила Вренна, протяги-

вая Гигги брату.

— Почему тебя не убило током?

— Что? — озадаченно переспросила Вренна.

— Неважно. Как ты меня разыскала?

— Мне помогли. Потом объясню. Идти можешь?

— Конечно.

— Тогда пошли, пока не очнулись те два болвана, которых я оглушила.

Вренна вывела Марса из его тюрьмы: как он и подозревал, это оказался переоборудованный контейнер внутри полуразрушенного склада. Контейнер Марса был не единственным — рядом стояли еще два, вероятно пустые. От одного тянулся длинный кровавый след, будто здесь волочили тело. Рядом с контейнером Марса, на полу склада, лежали два похитителя, затащившие его в фургон. Оба дышали, что показалось Марсу лишним.

— Что это за место?

— Похоже на дополнительный центр содержания под стражей, — ответила Вренна.

— Чей? Герцогский?

— Возможно. — Выведя брата со склада, Вренна толкнула его в сторону ничем не примечательного автомобиля. Марс сел и пристегнулся, пока

Вренна переключала машину на ручное управление.

— Где остальные? — Марс огляделся вокруг.

— Какие остальные?

— Ты что, явилась за мной одна?

— У меня не было времени собирать команду.

Вренна посмотрела по сторонам и тронулась с места.

— А если бы меня ранили? Если бы я не мог идти? Если бы их было не двое, а больше?

— Что-нибудь придумала бы.

— Да уж… та еще спасительница, нечего сказать.

— Если хочешь, могу вернуть тебя обратно.

Марс рассмеялся, крепче стиснув плюшевого поросенка:

— Не обращай внимания, сестренка. Просто никак не могу очухаться после похищения.

— Знаю. — Вренна взяла брата за руку. — Давай очухивайся. Не возражаю.

Прошла пара минут, прежде чем Марс немного успокоился. Он посмотрел на Гигги:

— Ты принесла Гигги с собой?

— Ну да. Подумала, вдруг он отвлечет тебя от лишних мыслей, пока я буду тебя вытаскивать.

— Что ж, и впрямь помогло. Но мне интересно,

как он у тебя оказался?

— Вместе со всем остальным, что лежало в твоем рюкзаке, когда тебя похитили.

— Ладно, а как оно к тебе попало?

— Мне отдали его те, кто следил за тобой.

— За мной следили?

— Да.

— Кто?

Глава 8

Пожалуй, Кива в жизни не получала такого удовольствия, как после звонка Грени Нохамапитана, потерявшего Марса Клермонта.

— Марс Клермонт сбежал, — сказал он.

— Кто? — переспросила Кива.

— Не долби мне мозги, Кива. Мне нужно знать, где он.

— Этого я тебе сказать не могу. Слежка за ним — не моя задача. Насколько я поняла, моя задача — сообщить тебе, если он попытается оплатить перелет на моем корабле. Именно это он и сделал, о чем я тебе сообщила. Если я правильно помню, ты должен был дождаться, когда он соберется подняться на борт, и лишь тогда его схватить. Но ты решил не ждать. Теперь, похоже, это твоя, и только твоя, проблема.

— Мои люди, которые были с Клермонтом, утверждают, что на них напала женщина.

— Это была не я.

— Это была Вренна Клермонт.

— Ты про его сестру, которая много лет училась убивать людей для государства, а потом стала полицейской? Да, я бы предположила то же самое,

вполне логично.

— Мне нужно знать, как она выяснила, что мы охотимся за ее братцем.

— Так спроси ее.

— Кива…

— Я ей ничего не говорила, если ты об этом. Да и зачем? Три миллиона для меня не лишние.

— Значит, рассказал кто-то из твоей команды.

— Или — это всего лишь теория — когда ты пытался вымогать деньги у графа Клермонта в присутствии его взрослых детей и не получил сразу того, что хотел, они могли решить, что такой негодяй, как ты, Грени, попробует на него повлиять, устроив что-нибудь вроде похищения. И подготовились заранее, особенно эта бывшая долбаная солдатка, а теперь чертова легавая.

На другом конце линии на мгновение наступила тишина.

— Интересно, откуда ты об этом услышала? — наконец спросил Грени.

— Этот долбаный Марс Клермонт сам рассказал, — ответила Кива. — Когда договаривался о перелете. А мой казначей рассказал мне, поскольку обязан докладывать обо всем, что может повлиять на прибыльность рейсов. Ты что, и в самом деле настолько самодовольный болван?

Решил, будто детишки Клермонта станут молчать? Если бы не эта долбаная война и если бы герцог не бился в предсмертных судорогах, из-за чего, по сути, перестали действовать законы, твоя задница уже сидела бы в тюрьме за вымогательство — герцог сделал бы тебя козлом отпущения. Тысяча чертей, Грени, ты пытался вымогать деньги у официального лица империи в присутствии долбаного копа. Только полный тупица способен на такое.

Снова наступила тишина. Кива с наслаждением отсчитывала секунды, прежде чем Грени заговорил снова, и успела досчитать до шести.

— У тебя есть известия от Марса или Вренны Клермонт?

— Какие, мать твою, у меня могут быть от них известия? — фыркнула Кива. — Я не единственная, с кем они имеют дело. Сомневаюсь, что им вообще известно, кто я такая. Если они и намерены с кем-то связаться, так это с моим главным казначеем. И прежде чем ты спросишь: с тех пор как ты отколол свой идиотский номер, они с ним не связывались. Ну а я предположу, что они пытаются заплатить за перелет на другом корабле, покидающем Край.

— Какие из них отправляются примерно в то

же время, что и твой?

— Я что, мать твою, похожа на диспетчера, Грени? Понятия не имею, да мне и плевать.

— Мне бы хотелось, чтобы ты отложила старт.

— Зачем? Даже если бы мне тоже хотелось, наше место на Имперской станции уже предназначено для другого корабля. Нам негде было бы остаться.

— Твой корабль мог бы остаться в системе.

— Или мы можем стартовать по плану, потому что у нас долбаный график, а ты в него не вписываешься.

— Я был бы весьма тебе обязан, — сказал Грени.

— Что-что? — расхохоталась Кива. — Ну-ка повтори. Интересно, будет ли мне так же смешно во второй раз?

— Когда-то мы были друзьями.

— Когда-то мы трахались друг с другом. Это не одно и то же. Кому знать, как не тебе.

Снова последовала пауза.

— Я бы хотел поговорить о тех трех миллионах марок.

— Не сомневаюсь.

— Клермонта у меня нет. И я не уверен, что должен отдать их тебе.

— Должен, ведь мы договорились: я сообщу тебе, если он заплатит за перелет. Он заплатил. Остальное — твое дело. Не моя вина, что ты нанимаешь неспособных людей.

— Кива, если я выясню, что за его бегством стояла ты, тебе это не понравится.

— Что ж, у меня есть два ответа. Первый: пошел на хрен, дерьмовый человечишка. Второй: даже если бы за этим стояла я, что бы ты мне сделал, тысяча чертей? Я улетаю с Края, засранец ты этакий. Меньше чем через год я буду дома и займу должность в корпорации. Свое время на корабле я отработала. А ты все так же будешь торчать здесь, словно прыщ на космической заднице. Так что грози сколько хочешь, аморальный ублюдок. Это ничего не значит.

— Кива, — вздохнул Грени, — несмотря ни на что, ты мне нравишься.

— Я тронута, Грени. В самом деле.

— Вот поэтому я хочу тебе сказать: ты понятия не имеешь, о чем речь, и было бы неплохо, если бы мы в конце концов оказались на одной стороне.

— С радостью, Грени. Вот только меня совсем не радует мысль, что я должна вернуть тебе три долбаных миллиона марок лишь потому, что

ты не продумал условия договора. И я вовсе не собираюсь притворяться испуганной твоими гневными заявлениями о том, будто я еще пожалею, что обманула тебя. Мать твою, да повзрослей же ты, наконец, Грени.

— Мне бы хотелось, чтобы ты сообщила, если Клермонты свяжутся с тобой или с кем-то из членов твоей команды.

— С удовольствием — еще за полмиллиона марок.

— Кива…

— Что «Кива», Грени? Мы говорим о деле. Тебе нужна информация. Раньше ты был готов за нее платить. Я даю тебе возможность получить новую информацию, причем с существенной скидкой.

— Тебе известно, что на Имперской станции остались мои люди, которые следят, не поднимется ли он на борт твоего корабля?

— Конечно. На твоем месте я поступила бы так же. Но вряд ли ты сумеешь его найти. Если у него хватает мозгов, он найдет другого, кто заберет его с этой долбаной глыбы. Что, кстати, вполне меня устраивает. Я уже получила с него за перелет полмиллиона, не подлежащие возврату. Замечу, что именно эта сумма наконец вывела весь этот

дерьмовый рейс в плюс. Вернее, с учетом твоих трех миллионов.

— Поздравляю.

— Спасибо.

— Где ты сейчас? На станции или на планете?

— На планете. Встречаюсь с нашими людьми перед отлетом. Скажи своему долбаному герцогу, что мы рассчитываем получить назад наши деньги вместе с процентами. Если, конечно, он сумеет сохранить голову на плечах в течение ближайшей недели, в чем я официально сомневаюсь, притом что это нисколько меня не волнует.

— Ты не против поужинать вместе?

— Что? — переспросила Кива.

— Ты не против поужинать со мной, прежде чем улетишь?

— Ты знаешь ресторан, открытый во время гражданской войны?

— Мы могли бы поужинать у меня.

— Ты что, в буквальном смысле пытаешься меня трахнуть? — рассмеялась Кива.

— Не стану лгать — был бы не против. В свое время у нас это неплохо получалось.

— Да, — согласилась Кива. — В буквальном смысле неплохо. Но вот того, что ты трахал мне мозги, я простить тебе не могу. Ни за что и ни-

когда.

— Что ж, вполне честно. Дай знать, если Клермонты с тобой свяжутся.

— Цену ты знаешь.

— Прекрасно.

— С тобой хорошо вести дела, Грени.

Грени лишь фыркнул в ответ и отключился.

— Знаете, а ведь он мог бы попытаться вас убить, если бы вы пошли к нему на ужин, — заметила Вренна Клермонт. Она и Марс сидели вместе с Кивой в зале для совещаний местной конторы дома Лагос.

— Я бы сломала его долбаный хребет, — ответила Кива, и Вренна улыбнулась.

— Хочу вернуться к вашим словам: вы сообщили Грени Нохамапитану, что я оплатил вам перелет, — сказал Марс.

— В смысле?

— Вы ведь ему сообщили?

— Сам знаешь, что да.

— Почему?

— Потому что мне были нужны три миллиона марок, которые он предложил за информацию.

— Угу, но потом он схватил меня, взял в заложники, а потом собирался пытать или даже убить.

Кива пожала плечами:

— Как только тебя схватили, мы немедленно сообщили твоей сестре: за тобой наблюдали мои люди. Затем мы снабдили ее всей необходимой информацией, чтобы найти тебя и вытащить оттуда. Черт побери, мы даже отдали ей твой рюкзак с симпатичным плюшевым поросенком внутри — в доказательство того, что мы не валяем дурака.

— Я все равно мог пострадать. Или погибнуть.

— Но ведь ни того ни другого не случилось?

— И все же…

Кива подняла руку:

— Может, закроем эту тему? Мне и вправду наплевать на твои душевные муки. Если бы ты действительно пострадал или погиб, я бы выразила сожаление. Но ты цел и невредим, так что заткнись. Насколько я понимаю, ты настолько был нужен Грени, что он готов был заплатить мне за тебя три миллиона долбаных марок. И рано или поздно все равно попытался бы тебя схватить, даже если бы я ничего не сказала. Так что я решила: пусть платит. Наш рейс был в минусе, а теперь — нет. И мы дали твоей сестре всю информацию, чтобы спасти твою задницу. Хватит скулить, тысяча чертей.

— Я… я даже не знаю, что сказать, — пробор-

мотал Марс.

— Мог бы сказать «спасибо», — ответила Кива, заметив, как улыбнулась Вренна.

— Ну уж нет, — буркнул Марс.

— Ладно. Но хватит об этом. Поехали дальше.

Марс замолчал, сидя рядом с продолжавшей улыбаться сестрой, и Кива отметила про себя, что оба вызывают у нее симпатию — в Марсе чувствовалась мягкая и деликатная натура зануды-ученого, а вид Вренны говорил о том, что с вероятностью пятьдесят на пятьдесят она превратила бы любовное ложе к концу страстного свидания в груду щепок. Хоть Киве и не хотелось в этом признаваться, совершенно неискренняя попытка Грени пригласить ее на ужин напомнила ей, что она в последний раз испытывала оргазм неделю назад — с тем самым помощником казначея. После этого она была либо слишком занята, либо чересчур разозлена, даже для самоудовлетворения.

Настоящая трагедия — надо было что-то делать. Кива лениво подумала, не поможет ли ей один из близнецов Клермонт, и решила, что Марс не годится, по крайней мере сейчас: похоже, он все еще не смирился с мыслью, что Кива преспокойно позволила его похитить за три миллиона

марок, а так оно, в общем-то, и было, — но Вренна, возможно, справилась бы. Кива пожалела, что в силу времени и обстоятельств это останется лишь фантазией.

— Леди Кива? — спросила Вренна.

— Прошу прощения, — ответила Кива. — Отвлеклась на мысли о сексе.

— Мы все еще не решили проблему: как протащить Марса на ваш корабль, — улыбнувшись, сказала Вренна. — Грени Нохамапитан намерен поставить на Имперской станции своих людей, чтобы схватить его.

— Грени ломится в парадную дверь, — проговорила Кива. — И даже не заглядывает в заднюю.

— В смысле? — спросил Марс.

— В том смысле, что ты поднимешься на борт «Да, сэр» не как Марс Клермонт, а как Христиан Янсен, член команды.

— И как я это сделаю?

— Насколько я понимаю, когда ты платил за перелет, Гажон Магнут пытался продать тебе поддельные проездные документы?

— Предлагал. Но мне они не требовались.

— Что ж, теперь потребуются. Вернее, их для тебя уже изготовили.

— И вы наверняка возьмете с меня плату, —

сказал Марс.

— Возьму по себестоимости, а не с охрененной наценкой, как со всех остальных.

— Одних проездных документов мало, — заметила Вренна. — Члены команд торговых кораблей должны также сдать биометрию. При всем уважении к вам, если Нохамапитан готов заплатить за голову Марса три миллиона, он наверняка заглянет и в заднюю дверь, а значит, зайдет в базу биометрических данных Имперской станции.

— Можно подумать, мы в первый раз протаскиваем кого-то на борт под видом члена команды, — сказала Кива, снова поворачиваясь к Марсу. — Побрей голову — тебе дадут кожный парик с отращенными волосами, для скальпа и бороды. Если кто-то вырвет волосок с твоей головы, данные ДНК совпадут с данными Христиана, а не с твоими. Ты получишь контактные линзы с имитацией радужки и узора сетчатки, а также накладку на большой палец с нужным отпечатком и ДНК. Мы дадим тебе ботинки на толстой подошве. Ты станешь не похож на себя. Все будет в порядке, если только у тебя не возьмут анализ крови.

— А если возьмут? — спросил Марс.

— Что ж, боюсь, тогда тебе песец. Но вряд ли

это случится.

— И никто не заметит, что вы создали человека из ничего? — поинтересовалась Вренна.

— «Христиан» уже работал у нас раньше, — ответила Кива. — У нас есть один-два таких человека в каждой системе, где мы ведем дела. Как и у всех остальных домов.

— Зачем? — спросил Марс.

— Затем, что иногда важная персона натворит кучу долбаных дел и в спешке бежит, прежде чем кто-нибудь вроде нее, — Кива ткнула пальцем в сторону Вренны, — догонит ее и посадит за решетку. Судя по тому, как ведет себя Грени, возможно, скоро ему тоже придется прибегнуть к этому методу.

— Значит, я буду «Христианом» во время всего полета?

— Да, именно так тебя будут звать. Как только мы окажемся в Потоке, можешь избавиться от поддельных частей тела. А уже в системе мы сообщим тебе, что делать дальше. Есть лишь одна загвоздка — в течение всего рейса тебе придется быть настоящим членом команды.

— Почему? — спросила Вренна.

— Потому что «Христиан» занимает место, отведенное члену команды. Вместе с местом ты

получаешь соответствующие обязанности. Таков договор.

— Но мне ведь не станут платить?

— Обязательно станут. По стандартной ставке. Только тратить эти деньги все равно будет негде — у нас прямой прыжок до Ядра.

— А как насчет возврата платы за перелет?

— Не придуривайся.

— Просто проверяю, — улыбнулся Марс.

— Кстати, за новую личность я тоже возьму плату. Также по себестоимости. Недешево.

— Как нам теперь отсюда выбраться? — спросила Вренна. — Наверняка Нохамапитан поставит людей, чтобы следить за этим зданием. Или уже поставил.

— Никто из вас никуда не уходит. — Кива показала на Марса. — Он остается здесь, и наши люди как следует поработают над ним. Затем он сможет выйти отсюда уже как Христиан. — Она повернулась к Вренне. — Тебе придется подождать, пока мы не уйдем. Извини.

— Не самое худшее место, где мне приходилось скрываться, — пожала плечами Вренна.

Кива встала.

— Я возвращаюсь на корабль, — сказала она, кивнув на прощание Вренне. — С тобой мы

больше не увидимся, что я воспринимаю как трагедию. — Вренна улыбнулась, и Кива обратилась к Марсу: — А с тобой увидимся на корабле, но вряд ли будем много общаться. Так что приятно было познакомиться, добро пожаловать на «Да, сэр», и спасибо, что дал мне возможность еще раз оттрахать мозги Грени Нохамапитану, прежде чем мы расстанемся с ним навсегда.

Улыбнувшись, Марс кивнул, и Кива вышла. Местный персонал был уже проинструктирован насчет того, что делать с братом и сестрой Клермонт, и предупрежден, что, если их личность или местонахождение станут известны кому бы то ни было, дом Лагос приложит все усилия, чтобы испортить жизнь всей родне этого человека как минимум в шести поколениях. Кива не сомневалась, что никто не проболтается.

Пока она сидела в бронированной машине, которая везла ее обратно в порт кружным путем, избегая районов, где все еще шли бои или превратившихся в развалины, мысли ее текли в двух направлениях. Во-первых, она думала о том, что гражданская война на Крае оказалась палкой о двух концах: с одной стороны, дом Лагос потерял все, что мог заработать на чепушинах и своих монополиях, но, с другой стороны, она сумела

заработать на стремившихся бежать с планеты богачах и даже остаться с прибылью. Если прибавить к этой прибыли лицензионные и прочие выплаты, которые рано или поздно возместит Край, дом Лагос оказывался в выигрышном положении по сравнению с другими домами и мог влиять на них благодаря своему могуществу. А уж как распорядиться заработанным, Кива нашла бы в любом случае.

Во-вторых, она думала о том, что, хотя она и позволила близнецам Клермонт присутствовать при ее разговоре с Грени Нохамапитаном, те, в отличие от Кивы, не имели важной информации, за которую Магнут заплатил ее сыщикам приличную сумму: герцог Края вовсе не требовал от Грени Нохамапитана обращаться к графу Клермонту с просьбой о выделении имперских средств. И уж точно не поручал Грени похитить одного из детей графа и удерживать его ради выкупа. И то и другое Грени проделал по собственной инициативе.

«Что ты замышляешь, Грени, мать твою? — подумала Кива, пока ее машина тяжело катилась в сторону порта. — Каковы твои планы? И если уж на то пошло, что замышляет твоя долбаная семейка?»

Глава 9

— Сведения с места происшествия достаточно противоречивы, ваше величество, — сказал глава Имперской гвардии сэр Хайберт Лимбар. Гвардия отвечала за безопасность импero, и сэр Хайберт не сомневался, что вскоре лишится своего поста. — Некоторые свидетели, по их словам, видели, как что-то вылетело из толпы, собравшейся у собора, и ударилось о балкон, но убедительных видеозаписей нет. Даже если из толпы действительно что-то запустили, балкон по своей конструкции может выдержать что угодно, кроме разве что артиллерийского обстрела. Мы полагаем, что взорвавшийся предмет поместили туда заранее, но точно не знаем. Для окончательного выяснения потребуется время.

Кардения кивнула. Она находилась в своих личных дворцовых покоях; в ушах все еще звенело, и за ней наблюдали врачи, но сама она не пострадала, по крайней мере физически. Но на месте ее сердца теперь зияла дыра с очертаниями Наффы. Кроме нее, в комнате были Лимбар, архиепископ Корбейн и Гелл Денг, исполнявший, по крайней мере временно, обязанности Наффы,

а также Амит Нохамапитан — Кардения пока не вполне понимала, что он тут делает, но предполагала, что вскоре узнает.

— Ситуацию осложнили бомбы, взорвавшиеся в толпе почти одновременно с взрывом на балконе и усилившие всеобщий хаос, — заключил Лимбар.

— Сколько людей погибло в толпе? — спросила Кардения.

— Вам не стоит сейчас беспокоиться по этому поводу, мэм…

— Почему бы и нет? — Кардения переключилась в имперский режим, заняв определенную дистанцию по отношению к окружающим, которые говорили ей об ужасных вещах. — Разве мы не импero? Разве они не наши сограждане? Сколько?

— Не меньше восьмидесяти, мэм. Еще около ста ранены, многие — серьезно.

— А в соборе? Сколько погибло?

— Двое, мэм. Наффа Долг и один из гвардейцев. Еще один гвардеец тяжело ранен.

— Кто взял на себя ответственность?

— Мы не знаем. Никто пока об этом не заявлял. — Лимбар кивнул в сторону Амита Нохамапитана. — Однако у лорда Нохамапитана есть

информация, которую вы можете счесть важной.

Кардения устало посмотрела на Амита:

— Слушаю вас, лорд Нохамапитан.

— Ваше величество, как вам, возможно, известно, мой младший брат Грени отправился на Край — представлять там наши интересы. За это время он стал доверенным лицом и советником герцога Края, который сражается с хорошо организованным и получающим финансовую поддержку мятежом. Ваш отец и парламент дали поручение продолжить финансирование и снабжение герцога и его войск, вплоть до использования морской пехоты с Имперской станции Края. Мой брат писал в своих конфиденциальных докладах, что, когда известие об этом голосовании достигло Края, тамошние повстанцы поклялись отомстить.

— Вы хотите сказать, что это дело рук повстанцев с Края? — спросила Кардения.

— Доклады моего брата, разумеется, сильно запаздывают, мэм, — сказал Амит. — Это одна из проблем обширной империи. Новости доходят медленно, если вообще доходят. Но мой брат действительно подчеркивал, что они что-то замышляют.

— Когда поступил этот доклад от вашего бра-

та?

— Мы получили его около трех стандартных месяцев назад, мэм. Соответственно, доклад был составлен девятью месяцами раньше.

— И вы не сочли нужным поставить в известность нашего отца?

— Дом Нохамапитан не желал беспокоить вашего отца до выяснения дальнейших обстоятельств, тем более во время его болезни. Мы получаем от всех наших представителей в системах конфиденциальные доклады о местных беспорядках там, куда простирается сфера наших интересов. И этот доклад не настолько примечателен сам по себе. К тому же наши аналитики предположили, что любая попытка отомстить коснется имперских интересов на Крае, а не самого импео. Можете не сомневаться: мой брат Грени проинформировал местные имперские власти, чтобы те предприняли соответствующие меры. Теперь мы, естественно, понимаем, что следовало передать информацию дальше. Приношу свои извинения, мэм.

— Никто не думал, что у них такие длинные руки, — сказала архиепископ Корбейн.

— Вы представляете исполнительный комитет, — повернулась к ней Кардения. — Расскажи-

те, что они думают о случившемся?

— Они вне себя от ярости, — ответила Корбейн. — Вас пытались убить в день вашей коронации. Причинен ущерб одному из священнейших сооружений церкви. Десятки погибших вследствие трусливой атаки на невинных. Комитет готов поддержать любое ваше решение, мэм. Так же как гильдии, парламент и, искренне заверяю вас, церковь.

— Мы все готовы, — сказал Амит.

— Благодарим вас, — кивнула Кардения, поворачиваясь к Лимбару. — Ваши мысли насчет причастности Края?

— Требуется расследование, но информация, которой поделился с нами лорд Нохамапитан, достаточно убедительна. Мы разыскиваем на Сиане и Ядре всех граждан Края и изучаем их биографии. Если связь есть, мы ее обязательно найдем.

— Найдите, и побыстрее, — сказала Кардения.

— Да, мэм.

— Каковы ваши дальнейшие планы, мэм? — спросила Корбейн. — Не слишком деликатный вопрос, но многие тысячи людей все еще ждут, что вы скажете о своих действиях после коронации. Об этом не терпится узнать и всей системе

Ядра. Прошел уже целый день.

— Сколько должны продлиться празднества в честь коронации?

— Пять дней, мэм, — ответил Гелл Денг.

— В таком случае мы объявляем пятидневный траур, — сказала Кардения. — С момента коронации. Проследите, чтобы жертв похоронили со всеми почестями. — Она повернулась к Корбейн. — Отслужите по ним службу сегодня вечером в соборе. — Корбейн кивнула. — В конце этого срока мы обратимся ко всей системе и Взаимозависимости.

— Вряд ли парламент захочет откладывать свое обращение, — заметила Корбейн.

— Мы не предлагали приостановить расследование на время траура.

— Да, мэм.

— А пока что мы уединимся, во всяком случае для публики. — Она кивнула Денгу. — В ближайшие несколько дней держите связь через Гелла. — Она снова взглянула на Корбейн. — Полагаем, исполнительный комитет не станет возражать, если ему придется заниматься административными вопросами чуть дольше положенного?

— Нет, конечно.

— Я пришлю дополненные отчеты, когда они появятся. Если будут вопросы, обращайтесь, — сказал Лимбар.

— Благодарим вас. — Кардения встала. Все встали вместе с ней, поняв, что аудиенция окончена. Остался сидеть лишь Денг, знавший, что он все еще нужен импero.

— Ваше величество, можно вас на пару слов? — спросил Амит Нохамапитан, когда остальные вышли.

— Да, лорд Нохамапитан? — Кардения продолжала стоять, не предлагая ему сесть. Ей хотелось надеяться, что он поймет намек и разговор будет коротким.

Амит понял. Взглянув на продолжавшего сидеть Денга, он понял также, что наедине ему поговорить с Кардением не удастся. Подойдя к ней, он остановился на почтительном отдалении и негромко начал:

— Хотел бы лично выразить соболезнования по поводу невосполнимой потери. Знаю, вы с Наффой Долг были близки. Тяжело терять тех, кого любишь, как поняла моя сестра после гибели вашего брата.

«Великолепно», — подумала Кардения. Даже пытаясь высказать соболезнование, Амит Нохa-

мапитан не мог удержаться от напоминания о том, что его семья все еще считает должность супруга импер своей собственностью. Взглянув на него, она увидела непримечательное лицо и непримечательную фигуру, а за ними — столь же непримечательный разум, довольствовавшийся самыми непримечательными желаниями. Похоже, мозгами предприятия Нохамапитанов являлись сестра и младший брат Амита, а сам он был обычным тупым балбесом. На этой встрече он появился с явным намерением втереться в доверие к Кардении, предложив ей полезную информацию и проявив затем подобие человеческих чувств, что и происходило прямо сейчас. Все шло по специально составленному для нее сценарию.

Кардения представила себя женой и матерью детей этого балбеса — и с трудом подавила дрожь.

— Благодарим вас, лорд Нохамапитан. Спасибо за вашу заботу.

Даже если Амит и понял, что Кардения все еще обращается к нему как импер, это ему нисколько не помешало.

— Надеюсь, какое-то время спустя мы сможем встретиться в более приятной и дружеской об-

становке?

— Надежда есть всегда, — ответила Кардения. «Только если нас будет разделять не меньше тридцати метров», — подумала она.

Амит, однако, не умел читать мысли и истолковал двусмысленный ответ в свою пользу — на что и рассчитывала Кардения, как бы это ни было ей отвратительно. Улыбнувшись, он поклонился и вышел. Дождавшись, когда Амит окажется за дверью, она тяжело вздохнула, и плечи ее обвисли.

— Вы хорошо себя чувствуете, мэм? — спросил Денг.

— Нет, — ответила Кардения. — Погибла моя подруга, а этот урод все еще пытается ко мне свататься. — Внезапно она замолчала. — Прости, Гелл, — сказала она. — Я вовсе не хотела. Просто… я привыкла, что рядом со мной Наффа. И наедине мы с ней разговаривали совершенно свободно.

Старый секретарь улыбнулся своей импере:

— Ваше величество, я был предан вашему отцу почти сорок лет и всегда держал язык за зубами. Такова суть моей должности. Я не в силах заменить вашу дорогую подругу, но обещаю, что в моем присутствии вы, если пожелаете, всегда можете говорить свободно. Теперь я полностью предан вам.

— Ты меня даже не знаешь, — сказала Кардения.

— При всем к вам уважении, мэм, не соглашусь. Я знал вас много лет. Сперва — благодаря вашему отцу и его своеобразным, но полным любви отношениям с вами. А в последний год я видел вас достаточно, чтобы составить о вас представление. По крайней мере, мэм, я знаю одно: вы стоите моей преданности.

Глаза Кардении внезапно наполнились слезами.

— Если бы ты знал, как меня тронули твои слова…

— Чем я могу вам помочь, мэм? — спросил Денг.

— Ты можешь вернуть Наффу?

— Нет, мэм.

Кардения ткнула пальцем в ту сторону, куда ушел Нохамапитан:

— Можешь сказать этому уроду, чтобы он проваливал?

— Если хотите, мэм.

— Но не советуешь?

— Вряд ли с моей стороны уместно давать советы импето, мэм.

— Мне нужен тот, кто мог бы дать совет. Больше

у меня никого нет.

— Не буду советовать сам, лучше скажу, что думал о Нохамапитанах ваш отец, а вы уж решайте сами, — предложил Денг. — Наверняка он не стал бы возражать.

— Слушаю.

— Он полагал, что их тщеславие достойно восхищения, но считал их не слишком умными. Думал, что, если за ними не присматривать, ему, имперо, пришлось бы, как он сам говорил, «устроить заварушку для того, чтобы снова их обуздать». Именно поэтому, умело манипулируя Нохамапитанами, он склонил их к тому, чтобы выдать Надаше Нохамапитан за вашего брата. Как он считал, будучи парой, оба удовлетворят свое тщеславие и у Нохамапитанов появится повод совершать меньше глупостей. Это его слова, не мои.

— Думаешь, отец хотел выдать меня за Амита Нохамапитана? Чтобы держать их в узде?

Денг с болью посмотрел на нее.

— Что? — спросила Кардения.

— Вряд ли вам будет приятно это услышать, — сказал Денг.

— Все равно говори.

— Ваш отец полагал, что брак вашего брата

с Надаше окажется полезным, поскольку они дополняли бы друг друга. Но о вас с Амитом он думал иначе. Он считал вас чересчур послушной, а Амита — не слишком умным. И затем, после вашего брака Надаше, которая властвует в своем поколении Нохамапитанов, не смогла бы удовлетворить своих амбиций, что неминуемо предвещало неприятности как для вас, так и для трона.

— Может, он предпочитал, чтобы я вышла замуж за Надаше? — спросила Кардения.

— Ну уж нет, — ответил Денг. — Она сразу же оказалась бы сверху. Гм… или так считал ваш отец, — поспешно добавил он.

— Мой отец, похоже, думал обо мне не лучшим образом.

— Напротив, он был о вас очень хорошего мнения, мэм. Он просто жалел, что импero не стал ваш брат.

— Что ж, Гелл, я тоже об этом жалею. Но так уж вышло. Ничего не поделаешь.

— Да, мэм. Каковы желания импero?

— Когда похороны Наффы?

— Через два дня.

— Я приду. — Денг снова с болью взглянул на нее. — Что такое?

— Я получил письмо от представителя семьи Долг, мэм. Оно пришло раньше, и я ждал возможности поговорить об этом. Семья пишет, что ваше присутствие на похоронах станет помехой, поскольку оно потребует многочисленных мер безопасности, особенно теперь. К тому же родители Наффы — республиканцы, как и многие из тех, кто будет на похоронах, и ваше присутствие может спровоцировать некоторых друзей семьи на ненадлежащие поступки или слова.

— Они не хотят, чтобы из-за меня начались беспорядки?

— Боюсь, суть именно в этом.

— В таком случае мне хотелось бы поговорить с ее родителями.

— В письме также есть намек на то, что и с этим стоит подождать. Насколько я понимаю, ее родители говорят, что не винят вас. Но есть разница между тем, что вас не обвиняют в смерти их дочери, и напоминанием, что она погибла, поскольку работала на вас. Для них это сейчас будет… сложно.

Кардения несколько мгновений сидела молча, почти не дыша.

— Простите, мэм, — наконец сказал Денг.

— Неважно, — махнула рукой Кардения. — По

крайней мере, я не хочу, чтобы им пришлось за что-либо платить.

— Ее родителям? — переспросил Денг. Кардения кивнула. — Вы имеете в виду расходы на похороны?

— Я имею в виду — за что угодно, отныне и вовеки. Погибла их дочь и моя подруга. Если я ничем больше не могу им помочь, то помогу хотя бы этим. Да?

— Вы импер о, — сказал Денг. — И вы это можете.

— Тогда, пожалуйста, так и сделай.

— Да, мэм. — Денг встал. — Что-нибудь еще?

Кардения покачала головой. Денг поклонился, собрал свои принадлежности и направился к двери.

— Где ты будешь? — спросила Кардения. — Если вдруг понадобишься мне?

Денг с улыбкой обернулся:

— Я всегда неподалеку, мэм. Стоит только позвонить.

— Спасибо, Гелл.

— Не за что, мэм. — Он вышел.

Дождавшись, когда он отойдет достаточно далеко, Кардения горько разрыдалась — возможно, в седьмой или восьмой раз после смерти Наффы.

Потом она вспомнила, где видела Наффу в последний раз и что та ей говорила. Не в реальной жизни — во сне.

Кардения взглянула на дверь в Зал Памяти, а затем, после минутного раздумья, встала и вошла внутрь. В то же мгновение появился Цзии:

— Приветствую вас, импero Грейланд Вторая. Как ваши дела?

— Мне одиноко, — ответила Кардения и тут же возненавидела себя за подростковый драматизм собственных слов, но это была правда.

— В Зале Памяти вы всегда одиноки, — сказал Цзии. — Но в каком-то смысле вы не одиноки в нем никогда.

— Ты сам это придумал?

— Я не думаю, — ответил Цзии. — Так меня запрограммировали много лет назад.

— Почему?

— Потому что рано или поздно каждый импero говорит мне, что ему одиноко.

— Каждый импero?

— Да.

— Странно… но почему-то мне от этого легче.

— Это частая реакция.

— Пророчица ведь здесь? Рахела Первая?

— Да.

— Я хотела бы с ней поговорить.

Цзии кивнул, и на его месте появилась женщина — невысокого роста, средних лет. Обычно пророчицу изображали иначе — молодой, с ниспадающими волосами и выступающими скулами. Этот же образ был совершенно другим.

Наффу она тоже ничем не напоминала. Кардения на миг ощутила разочарование, но тут же обругала себя: с чего ожидать, что пророчица за пределами ее сна окажется Наффой?

— Вы Рахела Первая? — спросила Кардения у изображения.

— Да.

— Основательница Взаимозависимости и Взаимозависимой церкви?

— По сути — да.

— По сути?

— На самом деле все несколько сложнее. В обоих случаях. Но мы решили, что, если я буду считаться основательницей и того и другого, это поспособствует созданию мифа, и поэтому мы сказали именно так.

— Вы действительно были пророчицей?

— Да.

— Значит, вы знали, что ваши слова о Взаимозависимости и ее принципах сбудутся?

— Нет, конечно.

— Но вы же сейчас сказали, что были пророчицей?

— Любой может быть пророком. Достаточно лишь сказать, что ваши слова — глас Бога. Или богов. Или некоего божественного духа. Как пожелаете. А сбудутся ли они — совсем другой вопрос.

— Но ведь ваши слова сбылись. Вы проповедовали взаимозависимость всего сущего, и так оно и случилось.

— Да, мне повезло, что все обернулось именно так.

— Значит, вы об этом знали?

— Я ведь уже сказала: нет. Но мы немало потрудились, чтобы воплотить мои принципы в жизнь и представить события как неизбежные. И конечно же, мистический аспект тоже помог.

Кардения нахмурилась:

— Вы — основательница церкви?

— Да.

— Но, слушая вас, можно подумать, что вы не особо религиозны.

— В общем, нет.

— Или не верите в Бога. Или в богов.

— Да, не верю. И, создавая церковь, мы намеренно придали как можно больше неоднозначности

ее божественному аспекту. Для народа не так уж важна мистическая составляющая, если правила церкви четки и ясны. Мы взяли за образец конфуцианство, которое, строго говоря, религией не является, и добавили ряд элементов других религий — те, которые сочли полезными.

— То есть вы не верите в собственную церковь?!

— Верю, конечно, — ответила Рахела. — Мы создали набор моральных принципов, связывающих воедино различные человеческие системы, поскольку считали это желательным и до определенной степени необходимым. Веря в эти принципы, я верю и в миссию церкви — по крайней мере, в ту миссию, которая была при основании. Созданные людьми организации со временем отклоняются от изначальных намерений их творцов. Еще одна причина, по которой необходимы четкие правила.

— Но божественный элемент — всего лишь обман?

— Мы решили, что обмана не больше, чем в божественной составляющей любой другой религии. Судя по всему, это так.

У Кардении слегка закружилась голова. Одно дело — считать господствующую во Взаимоза-

висимости церковь полной чушью, как считала Кардения с тех пор, как помнила себя. Став теперь главой этой церкви, она чувствовала себя не слишком уютно, но это хотя бы касалось только ее, и никого больше. И совсем другое дело, когда основательница церкви или, по крайней мере, составлявший ее набор воспоминаний заявляет, что это и в самом деле была полная чушь.

— Наффа была права, — проговорила Кардения. — Взаимозависимость — одно сплошное мошенничество.

— Я не знаю, кто такая Наффа, — ответила Рахела Первая.

— Моя подруга, — сказала Кардения. — Мне приснилось, будто она явилась передо мной в вашем облике и заявила, что Взаимозависимость — лишь обман.

— Если бы я вспоминала об этом, то сказала бы, что мне явилась пророчица в мистическом видении, — заметила Рахела Первая.

— Это был всего лишь сон.

— В нашем деле такого понятия не существует. Импер не просто видят сны — им предстают видения. По крайней мере, так считалось, когда я стала первой импер.

— Но у меня не было никаких видений. Просто

сон.

— Но этот сон заставил вас задуматься, обратиться к мудрости. Сон, который вынудил вас просить совета у меня, пророчицы. На мой взгляд, очень похоже на видение.

Кардения вытаращилась на Рахелу Первую:

— Вы просто невероятны.

— Я занималась маркетингом, — сказала Рахела. — До того, как стала пророчицей. Потом тоже, но мы уже не называли его так.

— Порой мне трудно поверить в то, что вы говорите.

— Ничего необычного, — кивнула Рахела Первая. — Рано или поздно каждый импреро вызывает меня для такого разговора. И большинство реагируют так же, как вы.

— Большинство? А остальные?

— Радуются, что оказались правы.

— И что вы чувствуете?

— Я ничего не чувствую. Я не живая. Строго говоря, меня здесь нет.

— «В Зале Памяти вы всегда одиноки, но не одиноки в нем никогда»?

— Да, я так говорила, — снова кивнула Рахела Первая. — Или почти так.

— Взаимозависимость — обман? — прямо спро-

сила Кардения.

— На этот вопрос достаточно сложно ответить.

— А если вкратце?

— Вкратце — «да, но…». Чуть длиннее — «нет, и…». Какой вариант предпочитаете?

Несколько мгновений Кардения не сводила взгляда с Рахелы Первой, а затем подошла к скамье в Зале Памяти и села.

— Расскажите мне обо всем, — попросила она.

Глава 10

— У меня зудит, — сказал Марс Клермонт сестре.

— Где? — спросила Вренна.

— По всей голове, — ответил Марс.

Как его и просили, Марс обрил всю голову, кроме бровей и ресниц, после чего его снабдили искусственно выращенными волосами и бородой, вживив то и другое в тончайший субстрат настоящей кожи. Субстрат закрепили на его собственной коже с помощью клея, изготовленного, как ему сказали, из настоящего человеческого коллагена. Затем последовала накладка на большой палец, вызвавшая у Марса ощущение, будто к руке приклеили липкую ленту, и неодолимое желание ее отодрать. Далее — контактные линзы, изменившие цвет глаз и узор радужной оболочки, снабженные поддельной голографической роговицей, создававшей иллюзию глубины для имитации узора сетчатки.

— С этими линзами я почти ничего не вижу.

— Но цвет глаз не так уж плох, — заметила Вренна. — Может, оставишь их после того, как проникнешь на корабль?

— Смеешься?

Они ждали лифта, который должен был доставить Марса вниз, в вестибюль. Новонанятым членам команды «Да, сэр» велели собраться там для проверки документов и доставки автобусом в порт, чтобы оттуда отправиться на корабль. Марса все устраивало — он мог легко смешаться с остальными. Но это также означало, что он больше не увидится с сестрой — возможно, до конца жизни.

— Передай отцу: мне очень жаль, что я не смог попрощаться, — сказал он Вренне.

— Передам. Он поймет. Не обрадуется, но поймет. Все будет хорошо.

— А ты? С тобой тоже все будет хорошо?

— Постараюсь, чтобы было, — улыбнулась Вренна. — Если что, я всегда найду, чем себя занять. К тому же ходят слухи, что в любом случае всем на Крае скоро будет чем заняться. Так или иначе, у меня свои планы.

— И что в них входит?

— Первым делом — подвесить Грени Нохамапитана за одно место. В отместку за похищение моего брата.

Марс рассмеялся, и в это мгновение со звоном открылись двери лифта.

Вренна заключила брата в крепкие объятия, быстро поцеловала его в щеку и мягко втолкнула в кабину.

— Иди, — сказала она. — Расскажи обо всем импero. Спаси всех, кого сможешь. А потом возвращайся.

— Постараюсь.

— Я люблю тебя, Марс, — проговорила Вренна, когда двери начали закрываться.

— И я люблю тебя, Вренна, — успел ответить Марс.

У него было двадцать этажей, чтобы привести свои чувства в порядок. Двери лифта открылись, и Марс увидел небольшую толпу из дюжины человек, а также троих обладателей официальной корабельной формы дома Лагос. Одна из них, женщина, посмотрела на Марса.

— Что, черт побери, ты делаешь в лифте? — спросила она.

— Искал туалет, — ответил Марс.

— Там его точно нет. Давай выходи.

Марс вышел. Женщина из команды протянула руку за документами.

— Христиан Янсен? — спросила она, взглянув на бумаги.

— Да, это я.

— Не родственник Кнуду Янсену?

— Вряд ли.

— Как-то раз летала с ним в одной команде. Тоже родом с Края.

— Янсенов много.

Женщина кивнула и подала ему планшет:

— Приложи большой палец. — Марс прижал к планшету поддельный большой палец, и устройство отсканировало отпечаток. Женщина поднесла планшет к глазам Марса. — Не моргай. — Камера с задней стороны планшета просканировала контактные линзы. — Что ж, ты и в самом деле Христиан Янсен, за тобой не числится никаких обязательств и долгов, профсоюзные взносы в гильдии уплачены, паспортные данные совпадают. Добро пожаловать на борт.

— Спасибо… э…

— Ндан. Главный корабельный старшина Гтан Ндан.

— Спасибо, мэм.

— Не за что. — Ндан взглянула на рюкзак Марса. — Путешествуешь налегке?

— Вторую сумку сперли.

— Бывает, — кивнула Ндан. — Уладишь все дела — иди к интенданту за новым комплектом. Придется, конечно, изрядно заплатить, но это

уже твоя проблема. Марки есть?

— Немного.

— Если не хватит, найди меня. Могу одолжить.

— Весьма любезно с вашей стороны.

— Вовсе нет — просто бизнес. Проценты у меня тоже изрядные. — Ндан показала на ожидавший снаружи автобус. — Садись. Отбываем минут через пять. Очко-то еще нужно?

Лишь через несколько секунд Марс сообразил, что Ндан имеет в виду туалет.

— Нет, все в порядке.

— Тогда проваливай. — Она повернулась и стала смотреть, кого еще тут обработать.

Путь от дверей вестибюля до автобуса занял пять секунд, и все это время Марс чувствовал себя совершенно беззащитным, однако ему удалось без происшествий добраться до автобуса, найти свободное место и сесть. Глядя в окно на здание дома Лагос, он подумал, смотрит ли сейчас на него Вренна, и на мгновение испытал жалость к Грени Нохамапитану, которого, вероятно, в ближайшее время ждала незавидная судьба благодаря Вренне. Потом вдали послышался глухой удар, как будто снаряд попал в здание, и Марс вспомнил, что у Вренны и отца, пожалуй, есть более насущные поводы для беспокойства.

По пути от автобуса до порта имперские таможенники еще раз проверили у Марса документы и отсканировали его большой палец. Потом он отправился наверх по «бобовому стеблю», слегка разочарованный: в тесной пассажирской кабине не было окон, а экран показывал одни лишь информационные видеоролики таможни и рекламу.

Во время своего путешествия Марс вдруг почувствовал, как что-то прижимает его фальшивые волосы к коже черепа. Он сообщил об этом сидевшему рядом товарищу по команде, и тот кивнул, не отрываясь от планшета.

— Пресс-поле, — сказал он и вернулся к чтению.

Марс понимающе кивнул в ответ. Пресс-поля были лучшим аналогом силы тяжести из всех, созданных людьми. На пребывавшие в них предметы оказывалось давление «сверху» — где бы это «сверху» ни находилось в каждом конкретном случае — вместо притяжения «снизу», какое обычно оказывает гравитация. Физика пресс-полей была открыта случайно. Ученые еще на Земле пытались решить проблему создания небольшого пузыря местного пространства-времени вокруг космического корабля с целью воспользо-

ваться преимуществами недавно обнаруженного Потока, и в итоге им пришлось долго идти окольными путями, делая множество расчетов. Все окольные пути оказались тупиковыми, кроме одного, последствия которого теперь давили на шевелюру Марса.

Подняв взгляд, Марс увидел трубы генератора пресс-поля, тянувшиеся вдоль пассажирской кабины подобно флюоресцентным лампам. В физике пресс-поля он, естественно, разбирался, поскольку та являлась подмножеством физики Потока, но никогда не бывал за пределами Края и не испытывал воздействия пресс-поля, так что теперь ему стало несколько не по себе. Марсу не нравилось ощущение гигантской руки, давившей на его голову и плечи, и точно так же не нравилось, как его фальшивые волосы прижимаются к коже. Окинув взглядом кабину, он заметил, что большинство опытных членов команды не просто так носили короткую стрижку или туго заплетали косы.

С «бобового стебля» путь лежал на Имперскую станцию, где имелась вращающаяся кольцевая секция для морпехов и долго пребывавшего на станции имперского персонала, а также отдельная торговая секция с пресс-полями, где

выгружали и оприходовали свой груз прибывающие корабли. Марс вместе с остальными членами команды высадился в торговой зоне и сразу же понял, почему долговременные обитатели станции предпочитали жить в кольце, — здешние пресс-поля, настроенные на стандартную силу тяжести в один «же», давили почти невыносимо.

Пока Марса и остальных вели к пункту сбора команды «Да, сэр», он увидел группу людей, ожидавших в грузовом отсеке. Он понял, что это пассажиры «Да, сэр», одним из которых мог стать и он, если бы Грени Нохамапитан не похитил его, наградив черной меткой. Пассажиры нисколько не походили на беженцев — они выглядели теми, кем и были, а именно богачами с детьми и пожитками по тысяче марок за кило. Казалось, будто они отправляются в увеселительную поездку, а не собираются покинуть планету навсегда.

Хотя Марс собирался стать одним из них, он все же ощутил скрытую ненависть к тем, кто мог легко оставить позади все свои проблемы, просто прибегнув к деньгам.

«Ну и лицемер же ты», — произнес внутренний голос. Что ж, может, и так. Но опять-таки он улетал не для того, чтобы бежать. Он улетал потому, что кто-то должен был сообщить импер о, пар-

ламенту и всем остальным о приближающемся конце. И этим кем-то оказался именно Марс.

«Нет, ты все равно лицемер», — возразил внутренний голос. Затем они покинули грузовой отсек и перешли в туннель, ведший к пункту сбора и челноку.

Последняя проверка документов и пальца — и челнок стартовал с Имперской станции к «Да, сэр». И снова — никаких окон, представлявших немалую опасность в космическом вакууме. Но на этот раз Марс получил со своего планшета доступ к камере и увидел приближающийся «Да, сэр» — длинную трубу с двумя вращающимися кольцами, неуклюжее, но казавшееся странно-прекрасным сооружение, которому предстояло на ближайшие десять месяцев стать его домом.

— Долбаная дыра, — сказал сосед Марса, взглянув на экран его планшета.

— Мне кажется, он прекрасен, — проговорил Марс.

— Издали и впрямь смотрится красиво. Но у меня есть друзья, которые раньше летали на кораблях дома Лагос, и у всех проблемы. Дом Лагос весьма прижимист — гоняют корабли, пока те не развалятся, и ремонтируют их лишь тогда, когда им грозит взрыв. Так что мне страшновато.

— И все-таки ты решил наняться на корабль Лагосов?

— Я собирался наняться на «Ври больше», но его арестовали. Как я слышал, капитан позволила пиратам забрать у нее груз. Так сказать, переметнулась в последнюю минуту. Что ж, оно того стоило — скоро на Крае все полетит к чертям.

— Повстанцы?

— И они тоже, — кивнул сосед. — Но не только. Речь о течениях Потока.

— Что? — переспросил Марс и, положив планшет, полностью переключился на соседа.

— Мой друг, который летает на «Ври больше», — тот, который предложил работу на нем, — говорил, будто они вывалились из чертова Потока на полпути сюда и едва успели вернуться до того, как навсегда затерялись бы в космосе. У него есть друг, который рассказывал, что такое уже не в первый раз: течения тут рвутся повсюду, и когда-нибудь все накроется окончательно, это лишь вопрос времени. Мне уж точно не хотелось бы быть на Крае, когда это случится. Я с Кеалакекуа и лечу домой.

— Первый раз об этом слышу, — сказал Марс.

— Значит, ты не летал в последние несколько лет. Слухи доходили до всех экипажей.

— Просто слухи?

— Ну да, просто слухи, а что еще тут может быть, черт побери? — раздраженно бросил сосед. — Чтобы новость добралась от одного края космоса до другого, может пройти лет пять, и за это время она основательно изменится. Так что не стоит обращать внимания на суть слухов — нужно искать в них систему. А система сейчас такова, что с Потоком творится какое-то странное дерьмо.

— Но тогда гильдиям должно быть об этом известно?

Сосед посмотрел на Марса, словно на идиота:

— Они не хотят ничего знать. Корабль входит в Поток, а потом не выходит, и они заявляют, что его, мол, захватили пираты, прежде чем он успел подать сигнал бедствия. Или возникает проблема с формированием пузыря в Потоке, и корабль просто исчезает. Всегда находится объяснение, отрицающее, что проблема в Потоке. Они не желают в это верить. А если и они не верят — кто расскажет обо всем Взаимозависимости? Ты? Я? Будто нам кто-то поверит, мать твою.

— Могут и поверить.

— Ну попробуй, потом расскажешь. Лично я собираюсь домой. У меня дети, и я хочу снова их увидеть.

Послышался глухой удар — челнок совершил посадку в причальном отсеке «Да, сэр».

— А вдруг с кораблем что-то случится по пути туда? Тебя это не беспокоит? — спросил Марс, пока они ждали, когда отсек снова заполнится воздухом.

— С этим кораблем, думаю, все в порядке. Но в любом случае у меня не было желания оставаться.

— Почему?

— Мой друг с «Ври больше» слышал, будто течение, что ведет с Края, начинает слабеть.

— Как это?

— Откуда мне знать? Это всего лишь слухи, приятель, и научный отчет к ним не прилагается. Но мой друг встревожен не на шутку. Он даже подумывал сбежать с корабля и полететь с нами. Но всей команде «Ври больше» запретили покидать планету из-за каких-то юридических заморочек, а он не знает, где раздобыть надежные поддельные документы. Биометрию так просто не обдуришь.

— Про это я слышал.

Его сосед кивнул:

— В общем, он застрял. И переживает, что может застрять навсегда.

— Бывают места и похуже Края, — заметил

Марс.

— Открытая планета — не место для людей, — презрительно фыркнул сосед. — Лично я предпочту приличное кольцевое поселение.

— Земля тоже была открытой планетой.

— И мы ее покинули.

Люк челнока открылся, и новый экипаж начал выходить наружу.

— Как зовут твоего друга? — спросил Марс. — Того, с «Ври больше»?

— А тебе зачем? Хочешь послать ему соболезнования?

— Возможно.

— Сьё Тиннуин, — пожал плечами сосед. — И если тебе интересно, меня зовут Яред Бренн.

— А я Христиан.

— Христианин? Нет, я принадлежу к церкви Взаимозависимости. В основном. — Бренн зашагал прочь, прежде чем Марс сумел исправить недоразумение.

Час спустя Марс прослушал нечто вроде ознакомительного инструктажа, и ему выделили место — крошечную койку в помещении, которое ему предстояло делить с пятнадцатью другими членами команды. У каждого имелась своя койка и рундук, но общее жилое пространство было

столь тесным, что казалось, все шестнадцать не смогут поместиться там одновременно. Будучи новичком в команде, Марс получил самую плохую койку, на четвертом уровне, возле туалета — как раз на той высоте, где скапливались испарения из уборной.

Забравшись на койку, где едва хватало места, чтобы сесть, Марс подключил свой планшет к корабельной системе. Его уже ждало сообщение о том, куда следует явиться для доклада к новому начальству и в какое время. Оставалось еще полчаса.

Марс открыл приложение, позволявшее анонимно обмениваться зашифрованными сообщениями, и вызвал Вренну.

«Это твой друг Христиан», — написал он.

«Я уже попрощалась с тобой, а теперь ты все испортил», — ответила Вренна.

Марс улыбнулся.

«Мне нужно, чтобы ты кое-кого нашла. Человека по имени Сьё Тиннуин. Члена команды „Ври больше“. И найти его надо до того, как „Да, сэр“ доберется до отмели Потока».

«Ладно. А зачем?»

«Затем, что до него дошли слухи о том, что меня интересует».

«Обожаю, когда ты изъясняешься загадками».

«В частности, о том, с чем мне предстоит иметь дело. Или для тебя это тоже загадка?»

«Нисколько».

«Прекрасно. Неплохо бы выяснить, где он об этом слышал. Слишком уж специфическая тема для слухов».

«Займусь. Как корабль?»

«Сижу на койке размером с ящик комода».

«Завидую. Все, что у меня есть, — гигантская кровать во дворце, в зале размером с небольшую деревню».

«Терпеть тебя не могу».

«Я тебя тоже, Христиан. Береги себя. Свяжусь с тобой, когда что-то узнаю».

«Спасибо». Марс едва не набрал «сестренка», но удержался, добавив лишь точку. Выключив планшет, он задвинул дверцу койки и провел несколько минут в неуютной кромешной тьме, ощущая первые приступы тоски по дому.

Глава 11

— Вы говорили, что хотите знать, если во время нашего полета с Края случится что-то необычное, — сказал Киве капитан Томи Блиникка. Они провели в полете уже двое суток, и еще сутки пути отделяли их от отмели Потока, откуда им предстояло отправиться к Ядру. Кива и Блиникка сидели в капитанской каюте рядом с мостиком «Да, сэр» вместе с начальником службы безопасности Нубтом Пинтоном. В каюте могли удобно разместиться не больше двух человек, а Пинтон отличался внушительными размерами. Киве казалось, будто она в буквальном смысле ощущает вкус частичек его пота.

— О чем речь? — спросила она.

Включив планшет, Блиникка показал его Киве. На экране отображалось в реальном времени пространственное положение «Да, сэр» вместе с указанными в логарифмическом масштабе координатами других объектов и кораблей в радиусе световой минуты.

— К нам приближается корабль.

— К нам? Или к отмели?

— К нам. Мы рассчитали его курс, и пример-

но через четырнадцать часов он пересечется с нашим. Когда мы впервые его увидели, я предположил, что он тоже летит к отмели, просто не обращает внимания на нас. Я прибавил скорость на полпроцента, чтобы отойти от него подальше. Они отреагировали не сразу, но за последние несколько часов тоже прибавили скорость, уравняв ее с нашей. Мы — их цель, это ясно.

— Значит, пираты?

— Да.

— До чего же глупые пираты.

Лучшим моментом для захвата был тот, когда корабль выходил из Потока, а не пытался до него добраться, — инерция в любом случае отправила бы корабль-цель прямо к отмели. Пиратские корабли обычно были относительно небольшими и быстрыми и почти всегда предназначались для местных полетов, то есть не имели на борту аппаратуры для создания вокруг них пространственно-временных пузырей. Войдя в Поток, они неминуемо погибли бы. У пирата, который преследовал улетающий корабль, вряд ли хватило бы времени, чтобы успешно атаковать, перейти на его борт, забрать груз и отстыковаться.

— Может, глупые, а может, у них есть план, которого мы не понимаем.

— Но мы ведь можем с ними справиться?

«Да, сэр» был снабжен полным комплектом оборонительного оружия, а также небольшим количеством наступательного. Формально торговому кораблю запрещалось иметь на борту наступательное оружие, но, черт побери, когда ты в космосе, порой приходится сперва стрелять, а уже потом врать о случившемся следователям гильдии.

— Корабль слишком далеко, чтобы оценить его истинные возможности, но если сигнатура двигателей верна, это грузовик типа «винстон». Вероятно, переделан до неузнаваемости, но в любом случае достаточно мал, что ограничивает их наступательные возможности. Скорее всего, мы с ними справимся. Если, конечно, они вообще собираются захватить наш корабль.

— А что еще они собираются сделать? Пригласить нас на чашку чая?

— Этого мы не знаем. Пока что наша позиция — наблюдать.

— Ты же можешь добраться до отмели раньше них. Прибавь скорость.

Блиникка покачал головой:

— Стоит нам заметно прибавить скорость, как станет ясно: мы знаем, что нас преследуют. Они

тоже прибавят скорость — вероятно, чтобы перехватить нас раньше. Если мы рассчитываем их опередить, надо сделать это как можно позже, когда они окажутся в пределах досягаемости ракет, которые нам иметь не положено. Но опять-таки — если это попытка заняться обычным пиратством.

— И что же такое, мать твою, необычное пиратство? — раздраженно бросила Кива.

— В том-то и дело, что мы не знаем. Они приближаются к нам с неудачной стороны и вряд ли успеют забрать весь груз, даже если не придется сражаться с нами. Но они должны знать, что сейчас у нас нечего красть. На станциях у пиратов есть шпионы, которые снабжают их информацией о кораблях и грузовых накладных. Именно так они решают, кого выбрать своей целью. Но так или иначе, им хватит ума понять, что единственный груз, который мы везем на Край, — люди, поскольку мы не делали из этого тайны. И если только им и впрямь не нужен чепушиновый концентрат, ничего ценного у нас не найдется.

— Им известно, что у нас нет ничего для них ценного или полезного, но они все равно нас преследуют?

— Да. Именно это меня и беспокоит.

— Прекрасно, — кивнула Кива. — Что еще?

— Один из наших пассажиров странно себя ведет, — сказал Нубт Пинтон.

— Все наши пассажиры — богатые засранцы, — заметила Кива. — И все их странности — лишь часть так называемого обаяния.

Пинтон едва заметно улыбнулся.

— Поверю словам дамы, — ответил он. — Но здесь проблема не в том, что пассажир ведет себя эксцентрично, а в том, что он методично обследует корабль. — Пинтон взял планшет и переслал видео на планшет Кивы. На экране появился мужчина, который шел по корабельным коридорам, оглядываясь по сторонам.

— Господи, человек прогуливается, давайте его убьем, — сказала Кива.

— Дело не в том, что он прогуливается, — дело в том, где именно он это делает. Он не бродит по кораблю наугад — он посещает технический отсек, машинное отделение, зону управления системой жизнеобеспечения.

— Что, только их?

— Нет, — ответил Пинтон. — Другие места тоже. Но туда он возвращается неоднократно. Далеко не заходит, никогда надолго не задерживается, но возвращается.

— Почему бы просто не посадить этих долбаных пассажиров под замок? — спросила Кива, кладя планшет. — Нам не нужно, чтобы эти придурки шлялись по кораблю.

— Изначально так и задумывалось. И пассажирам уже выдали перечень зон, куда им категорически запрещено заходить.

— И этот парень его игнорирует?

— Нет, но почти. Правда, его не интересует, скажем, технический отсек сам по себе. Его интересуют те места на корабле, где можно легко повредить инженерные системы.

— В итоге мы возвращаемся, Пинтон, к моему первому долбаному вопросу.

Пинтон покачал планшетом, который держал в руке:

— Мы не заперли их лишь потому, что один из членов команды узнал этого человека, и мы хотели выяснить, что он замышляет.

— И что это за богатый засранец?

— В том-то все и дело. Член команды утверждает, что это вовсе не богатый засранец, а некто, работающий на богатого засранца.

— Кто из членов команды такое говорит?

— Новый казначей по имени Христиан Янсен. Как я понимаю, вы его знаете.

— И на кого, по его словам, работает этот чувак?

— На Грени Нохамапитана.

— Давай его немедленно сюда, — велела Кива.

— В общем, раньше я работал на семью графа Клермонта, — начал Янсен.

— Мать твою растак, — раздраженно проговорила Кива. — Лорд Марс, здесь все знают, кто ты такой.

— Ну… я сомневался, — сказал Марс.

— Что ж, теперь ты не сомневаешься, так что продолжим.

Марс кивнул:

— Я мало общался с лордом Грени, но видел его иногда на приемах у графа и прочих мероприятиях, когда присутствие аристократа считалось полезным. Грени из тех аристократов, которые всегда путешествуют в окружении друзей и подчиненных. — Он показал на планшет Пинтона. — Это как раз один из его подчиненных. Бывший военный, а теперь телохранитель Грени.

— Вы точно уверены? — спросил Блиникка Марса.

— Уверен, — кивнул Марс. — Вренна мне его однажды показала — они служили в одном под-

разделении. Говорила, что он опытный солдат, но как человек — полное дерьмо, и однажды она едва не скормила ему его собственные яйца за то, что он приставал к ней в казарме. С тех пор, завидев его, я представлял, как эти самые яйца торчат у него изо рта.

— Симпатичная картинка, — заметила Кива.

— Я увидел его в пассажирском кольце и сразу же доложил службе безопасности. — Марс кивнул в сторону Пинтона.

— Как я понимаю, этот засранец путешествует по поддельным документам? — обратилась к Пинтону Кива.

— Да, — подтвердил Пинтон. — В нашей ведомости он значится как Тису Гоуко. Учтите, что этой поддельной личностью мы снабдили его сами и поэтому вряд ли можем его в чем-то винить. Но когда он к нам пришел, он представился как торговый посредник дома Сайкс, по имени Фринн Климта.

— А реальный Фринн Климта существует?

— Может быть. Мы не проверяли. Нам казалось, мэм, что вряд ли это будет вас волновать, пока он платит реальными деньгами.

Кива повернулась к Марсу:

— Как на самом деле зовут этого засранца?

— Имя — Чат. Фамилия, кажется, Убдал. Или Уттал. Одно из двух.

— Есть мысли о том, что он тут делает?

— Понятия не имею, — ответил Марс. — Но если он явился к вам, выдавая себя за другого, думаю, это уже повод для подозрений.

— Когда он оплатил перелет? — спросила Кива у Пинтона.

— Незадолго до отправления, одним из последних. Магнут взял с него четверть миллиона сверху как с опоздавшего.

— Значит, уже после того, как тебя похитили? — Кива показала на Марса.

— Да, — кивнул Марс.

— Он не из тех, кто тебя тогда схватил?

— Нет. Я бы точно запомнил.

— Значит, пока он не знает, кто ты такой?

— Не думаю. Вряд ли. Он никак на меня не отреагировал.

— Но если ты избавишься от своей маскировки, узнает?

— Да.

Протянув руку. Кива схватила Марса за волосы и дернула. Тот вскрикнул от неожиданности и боли:

— Эй, перестаньте! Нужен растворитель для

клея.

— Где сейчас этот засранец? — спросила Кива у Пинтона.

— В пассажирском кольцевом отсеке, — ответил Пинтон. — Что вы задумали?

— Хочу выяснить, что он замышляет.

— «Да, сэр» выполняет полет, — напомнил Киве Блиникка. — Любые ваши планы требуют моего одобрения. Мне вовсе не хочется, чтобы этот засранец повредил корабль.

— Все будет в полном порядке, — пообещала Кива и снова повернулась к Марсу. — Значит, этот засранец — морпех?

— Да, бывший. Теперь — телохранитель.

— Как по-твоему, ты сумеешь с ним справиться?

— Что? Нет, конечно.

— А засранец об этом знает?

— Угу.

— Что ж, ладно.

Дождавшись, когда Чат отправится на прогулку, они поставили в конце коридора, который пассажир обычно исследовал, двоих сотрудников службы безопасности, сделав вид, будто те просто беседуют друг с другом. Увидев их, Чат решил что-то посмотреть в планшете, а затем на-

правился обратно, но обнаружил там еще двоих безопасников. Он остановился, словно подсчитывая свои шансы; тут в коридор шагнул Марс, уже не прикидываясь Христианом Янсеном, и направился к нему.

— Привет, Чат, — сказал Марс. Больше он ничего сказать не успел — Чат метнулся прямо к нему с ножом в руке, возникшим словно ниоткуда.

Полсекунды спустя он уже лежал на полу, корчась от всаженных в него трех оглушающих зарядов.

— Ну как, не обоссался? — спросила Кива Марса десять секунд спустя, когда был дан отбой. Она и Пинтон ждали чуть дальше по коридору, наблюдая на планшете за картинкой с камеры.

— Ну… может, чуть-чуть, — признался Марс, глядя на поверженного Чата, которого уже упаковывали безопасники.

— Совсем не позорно обоссаться как чертов пожарный кран, если тебя готов прирезать обученный убийца.

— Может, сменим тему? — жалобно попросил Марс.

— Почему бы тебе не взять отгул и не залечь в койку? — предложила Кива. — На твоем месте я бы именно так и поступила.

Марс показал на Чата:

— Что вы собираетесь с ним делать?

— Разговорить его.

— Не выйдет.

— Ты ничего не знаешь про мои методы.

— Его учили не болтать лишнего.

— Убивать его тоже учили — и сам посмотри, как он обделался.

— Мне хотелось бы присутствовать при допросе.

— Нет.

— Но мне…

— Скажу проще, лорд Марс: проваливай на хрен.

— Он едва меня не убил. Думаю, я имею право узнать почему.

— Может, потом расскажу. Но если ты не свалишь сейчас же, я сама тебя прирежу. И даю слово, ребята из безопасности стрелять в меня не станут.

Марс хотел сказать что-то еще, но лишь покачал головой и зашагал прочь.

— Ваше умение работать с людьми просто восхищает, — заметил Пинтон.

— И ты тоже пошел на хрен, — ответила Кива.

Улыбнувшись, Пинтон махнул рукой в сторо-

ну упакованного и готового к транспортировке Чата:

— Знаете, а ведь он прав. Этот парень болтать не станет. Их учат противостоять агрессивному допросу.

— Агрессивному допросу?

— Это эвфемизм, которым на имперской службе называют пытки, мэм.

— Ну так и называй их пытками, мать твою.

— Я имею в виду, его учили сопротивляться всему, что только способны сотворить с ним люди.

— Значит, мы покруче людей, — ответила Кива.

— Он приходит в себя, — через некоторое время сказал Пинтон.

— Включи громкоговоритель, — велела Кива. Пинтон нажал на кнопку громкой связи. — Доброе утро, долбаная рожа, — обратилась она к Чату.

— Где я? — спросил Чат, озираясь по сторонам.

— Ты в служебном шлюзе, в выходном скафандре, — ответила Кива. — Вернее, не совсем. Ты ведь заметил, что у тебя нет шлема?

— Заметил, — сказал Чат.

— Вот и хорошо. Значит, уговор такой: ты рассказываешь нам обо всем, о чем мы станем

спрашивать, без вранья, и тогда я не вышвырну тебя из шлюза без долбаного шлема.

На лице Чата отразилась смесь раздражения, замешательства и усталости.

— Послушайте, я даже не знаю, о чем…

Кива нажала кнопку «Экстренная очистка». Люк шлюза распахнулся, и Чата высосало в космос.

— Быстро же вы, — заметил Пинтон.

— Я же говорила, со мной шутки плохи, — ответила Кива, нажимая кнопку «Экстренный возврат». Врубилась лебедка, на которую был намотан закрепленный на скафандре трос, и скафандр потащило назад с большой скоростью. — Сколько может прожить человек в полном вакууме?

— Может, с минуту, если не станет задерживать дыхание.

— Он что-то говорил, — заметила Кива. — Вряд ли у него было время задержать дыхание.

Меньше чем через минуту Чат снова оказался внутри шлюза, который затем заполнился обогащенной кислородом смесью. Еще через минуту Чат очнулся, кашляя и блюя. Он поднял к камере взгляд налитых кровью глаз, и Пинтон снова включил связь.

— Значит, уговор такой, — повторила Кива. — Ты рассказываешь нам обо всем, о чем мы станем спрашивать, без вранья, и тогда я не вышвырну тебя из шлюза без долбаного шлема. Повторять больше не буду. Будешь трахать мне мозги — умрешь. Понял?

Чат что-то проквакал и кивнул.

— Говорить можешь?

Чат поднял палец в перчатке, словно говоря: «Дайте секунду».

— Ну как? — спросила Кива десять секунд спустя.

Чат посмотрел на нее покрасневшими глазами с таким выражением, будто хотел сказать: «Да ты что, издеваешься, мать твою?», но лишь молча кивнул.

— Ты Чат Убдал?

Кивок.

— Ты появился на корабле под чужой личиной?

Кивок.

— Ты работаешь на Грени Нохамапитана?

Кивок.

— Который послал тебя на этот корабль?

Кивок.

— Чтобы убить Марса Клермонта?

Чат поднял руку и пошевелил пальцами. «Вроде того».

— И что это значит, мать твою?

Чат попытался что-то сказать, запнулся, сглотнул и попробовал снова.

— Не главная цель, — сумел прохрипеть он.

— Какой была твоя главная цель?

— Взять его живым.

— Как, мать твою, ты собирался взять его живым? Корабль покинуть невозможно!

Чат посмотрел на люк шлюза, потом снова на камеру, словно говоря: «Ну да, конечно».

— Корабль невозможно покинуть живым, кретин ты этакий!

— Пираты, — прохрипел Чат.

— Вот черт. — Кива посмотрела на Пинтона.

— Пиратам нужен не наш груз, — сказал Пинтон. — Они работают извозчиками.

— Но от пиратов мы смогли бы отбиться. — Кива снова повернулась к Чату. — Может быть.

Чат покачал головой.

— Бомба, — сказал он.

— Бомба? — недоверчиво переспросила Кива. — Ты собирался подложить на корабль долбаную бомбу? — Чат кивнул. — Но если долбаный корабль взорвется, что это тебе даст?

Чат попытался что-то сказать, но слова застряли у него в горле.

— Дай я попробую, — сказал Пинтон и наклонился к микрофону, чтобы Чат мог его слышать. — Ты ведь не собирался взрывать корабль? Просто хотел повредить его системы настолько, чтобы он не смог войти в Поток?

Чат кивнул и показал на камеру, словно говоря: «Именно так».

— Вот почему он болтался в тех коридорах, — сказал Пинтон Киве. — Искал подходящее место, чтобы заложить взрывчатку.

— И он думал, мы не заметим? Да Блиникка вышвырнул бы его в космос в ту же секунду.

— Сперва пришлось бы иметь дело с последствиями взрыва, потом с пиратами, и нам временно стало бы не до него. Подозреваю, он намеревался уйти на пиратском корабле вместе с Клермонтом.

— Как он вообще мог пронести бомбу на долбаный корабль? Мать вашу, мы же всех проверяли!

— Видимо, это небольшая бомба, — сказал Пинтон. — И он мог изготовить ее на корабле. — Пинтон снова наклонился к микрофону. — Если порыться в твоих личных вещах, там ведь найдутся компоненты бомбы под видом туалетных

принадлежностей и прочих мелочей?

Чат кивнул.

— Ну вот, — кивнул Пинтон.

— Долбаный засранец, — проговорила Кива. — Хочется вышвырнуть его в космос просто из принципа.

— Микрофон, — напомнил Пинтон, показав на него рукой.

Кива поняла, что Чат слышал ее последнюю фразу. Взглянув на экран, она увидела его полное ужаса лицо и, закатив глаза, снова наклонилась к микрофону:

— Я не собираюсь тебя убивать, жалкий кусок дерьма. Если, конечно, ты будешь и дальше говорить, или хрипеть, или что ты сейчас делаешь, черт бы тебя побрал. Просто продолжай. — Чат кивнул, и Кива повернулась к Пинтону. — Выключи на секунду эту штуку.

Пинтон хлопнул по кнопке отключения связи:

— В чем дело?

— Что-то тут не так, — сказала Кива.

— Тут все не так, — заметил Пинтон. — Хреновее некуда, мэм.

— Нет, я в смысле… — Кива показала на Чата, который ждал, не сводя взгляда с камеры. — Он хочет доставить Клермонта обратно на планету

и готов ради этого повредить корабль. А Грени готов связаться с долбаными пиратами.

— Вы говорили, что лорд Грени пытался взять Клермонта в заложники, чтобы добиться выделения имперских средств. Может, он действительно настолько в них нуждается?

— Угу, ладно, но этот кусок дерьма, — Кива снова махнула рукой в сторону Чата, — пытался убить Клермонта, как только понял, что его обнаружили и загнали в ловушку. Если бы он не смог доставить Клермонта назад, то должен был его убить. Но, убив Клермонта, он не смог бы использовать его как долбаного заложника. Так в чем смысл, мать твою? Зачем Грени приложил столько усилий? Какова причина?

— Да уж, действительно, — проговорил Пинтон.

— Угу. Включи связь. — Пинтон включил микрофон. — Важный вопрос, Чат. Если я тебе не поверю, твои легкие вылезут через нос. Понял?

Чат кивнул.

— Зачем твоему долбаному боссу настолько нужен Марс Клермонт?

— Не знаю, — прохрипел Чат.

— Помни про свои легкие, Чат.

— Я. Не. Знаю, — снова проговорил Чат, с

хрипом выталкивая каждое слово. — Я думал — выкуп. Но непонятно.

— Потому что тебе велели убить Клермонта, если ты не сумеешь вернуть его живым?

Чат кивнул.

— Мать твою, хоть предположить-то можешь? — бросила Кива. — Ты работаешь напрямую с Грени. Ты наверняка что-то слышал. Мог бы сделать выводы.

Чат покачал головой:

— Он ничего не говорит. Только по делу.

— Но ты же в деле, Чат.

— Я знаю только, что делать. Но не почему.

Кива снова кивнула Пинтону, и тот отключил связь.

— Ну? — спросила она.

— Думаю, он говорит правду.

— Я знаю, что этот говнюк говорит правду, — сказала Кива. — Мне хотелось бы знать, что нам теперь делать.

— Что ж, в космос мы его вышвыривать не станем. — Пинтон показал на Чата. — Он оказался достаточно услужливым.

— Вакуум делает такое с людьми.

— Итак, для нас он больше не проблема. Но пираты никуда не делись, к тому же, если лорд

Грени готов зайти так далеко, чтобы вернуть Клермонта, у него, видимо, есть план на тот случай, если Чат провалит свое задание.

— Хочешь сказать, пираты должны либо уйти с добычей, либо гарантировать, что Клермонт будет мертв?

— Да.

— А если мы все тоже окажемся мертвы, то, как говорится, ничего не попишешь?

— Да.

— Что ж, черт побери, Пинтон, — сказала Кива, снова посмотрев на Чата. — Пожалуй, лучше отдать им то, чего они хотят.

Глава 12

Планшет Марса звякнул, и на экране появилось сообщение с приказом явиться к Нубту Пинтону, главе службы безопасности «Да, сэр». Сперва он решил не подчиняться, но потом все же встал и пошел. Окружающая обстановка уже не так его тяготила — корабль разгонялся, и искусственная сила тяжести обеспечивалась не столько вращением кольца, сколько пресс-полями; Марса придавливало к полу, но он отметил про себя, что всего за пару дней ощущения стали не такими неприятными. Похоже, человеческое тело могло привыкнуть к этому.

Нубт Пинтон встретил его в тесном мрачном помещении корабельной гауптвахты с еще более тесными и мрачными камерами, в одной из которых находился Чат Убдал. Марс заглянул в камеру и встретился глазами со злобным взглядом Чата.

— Ну и вид у него, — заметил Марс.

— Это уж точно. Леди Кива вышвырнула его из шлюза, — ответил Пинтон.

— Вы выкинули его в космос?!

— Угу.

— И он остался жив?

— Он пробыл там совсем недолго.

Марс снова посмотрел на Чата и его покрасневшие глазные яблоки:

— Мне его почти жаль.

— Не стоит расстраиваться, лорд Марс. Он готов убить вас при первой же возможности.

— Вы хотели меня видеть, сэр? — спросил Марс, отворачиваясь от Чата.

— Да. Я должен серьезно с вами поговорить.

— Ладно. О чем?

— Нас преследуют пираты. Ваш несостоявшийся убийца заявляет, что они намерены забрать вас с корабля. Мы подозреваем, что, если им это не удастся, они скорее уничтожат «Да, сэр», чем позволят вам уйти. Мы могли бы с ними сразиться, но если их цель — взорвать нас, а не взять на абордаж, особого выбора у нас нет.

— Вы хотите отдать им меня?

— Если бы я этого хотел, мы бы сейчас с вами не говорили. Я бы просто оглушил вас специальным зарядом и упаковал для доставки по адресу.

— Спасибо, что сказали.

Пинтон кивнул:

— Мне нужно знать, готовы ли вы помочь нам спастись самим и спасти вас. А заодно, возможно, слегка насолить пиратам и тем, кто за ними

стоит.

— Вы имеете в виду Грени Нохамапитана?

— Именно его.

— Я готов.

— Для вас это немалый риск.

— Мне все равно. Я готов.

— Хорошо.

— И с чего начнем?

Пинтон показал на Чата:

— Во-первых, сделаем вид, будто ему удалось задуманное.

— Что удалось? Убить меня?

— Заложить бомбу, чтобы помешать нам войти в Поток. Можно не сомневаться, после этого пираты выйдут с нами на связь, чтобы обсудить условия.

— А во-вторых? — спросил Марс.

— Вот что, — сказал Пинтон. — Вы обратили внимание, что у вас с Чатом примерно одинаковый рост и оттенок кожи?

— В общем-то, нет.

— Зато я обратил.

Фальшивая бомба «взорвалась» полчаса спустя, и «Да, сэр» послал незашифрованный сигнал бедствия на Имперскую станцию. Идея состояла в том, чтобы на станции узнали о случившем-

ся и приготовились спасать корабль и экипаж, когда — и если — «Да, сэр» подаст еще более отчаянный сигнал бедствия. Проблема, однако, заключалась в том, что даже самые быстрые имперские катера летели бы не менее суток. «Да, сэр» пребывал в одиночестве, не считая преследовавшего их маленького корабля, до встречи с которым оставалось всего несколько часов.

Как и ожидалось, вскоре после сигнала бедствия пираты вышли на связь с «Да, сэр».

— Вольный грузовик «Красная роза» вызывает «Да, сэр, это моя малютка», — раздалось на мостике. Марс и Кива Лагос стояли в углу, в сторонке, но при этом внимательно слушали.

— Говорит «пятерка» дома Лагос «Да, сэр, это моя малютка», вас слышу, — ответила Дрин Мусанн, связист «Да, сэр».

— Насколько мы понимаем, у вас авария. Просим разрешения подойти и помочь.

— Капитан благодарит вас за готовность помочь, но передает, что в данный момент помощь не требуется. Прошу сохранять текущую дистанцию.

— Нас беспокоит, что в случае еще одной аварии мы не сможем оказать надлежащую помощь. Идем к вам.

— «Красная роза», капитан еще раз благодарит вас, но желает сообщить, что опасения за благополучие вашего корабля в случае новой аварии вынуждают нас вновь потребовать от вас сохранять текущую дистанцию.

— Благодарим вашего капитана за заботу, но считаем, что рискнуть все же стоит. Идем на помощь.

— Хватит прелюдий, — обратился Блиникка к Мусанн.

— Есть, сэр, — ответила Мусанн, снова поворачиваясь к консоли. — «Красная роза», капитан Блиникка официально требует прекратить нести чушь и переходить прямо к делу.

— Принято, — последовал ответ после некоторой паузы. — Ждите.

Блиникка повернулся к Киве Лагос:

— Как наши приготовления?

— Трудимся как пресловутая долбаная пчелка, — сказала Кива.

Кивнув, Блиникка бросил взгляд на Марса и вновь переключил внимание на свой командирский дисплей.

Несмотря ни на что, Марс с трудом сдерживал трепет. Он впервые в жизни оказался на мостике корабля, и его восхищал спокойный профессиона-

лизм команды «Да, сэр» перед лицом враждебных действий. Марс решил, что они неплохие люди — за исключением, возможно, Кивы Лагос, в которой он пока толком не разобрался.

Он посмотрел на леди Киву, весь вид которой выражал то ли решимость, то ли снисходительное высокомерие. Пока ясно было одно: она из тех, с кем лучше не связываться. Чем-то она напомнила ему Вренну, разве что у той было побольше совести.

— Чего улыбаешься? — спросила Кива, заметив его взгляд.

— Вспомнил, как вы выкинули Чата в космос, — солгал Марс.

— И что?

— Интересно, а вы бы вышвырнули его насовсем, если бы он не стал говорить?

— Черт побери, да. Этот засранец собирался взорвать на моем корабле бомбу, — ответила Кива. — С моим кораблем такие шутки не проходят, мать твою. И с моими людьми тоже.

— Я теперь член команды, — сказал Марс. — Значит, я тоже из ваших людей.

— И мы никому тебя теперь не отдадим?

— Надеюсь.

— Ну, значит, так тому и быть, — кивнула Ки-

ва. — Не очкуй, Клермонт.

Марс улыбнулся в ответ.

Послышался треск, и по связи снова раздался голос:

— Говорит капитан «Красной розы» Вимсон. Прошу соединить непосредственно с капитаном «Да, сэр» Блиниккой.

Блиниккa включил личный канал связи:

— Блиниккa слушает.

— Как я понимаю, вы желаете, чтобы мы прекратили нести чушь, капитан.

— Если вас это устроит, капитан.

— Конечно. Давайте вести себя как цивилизованные люди. Думаю, вы уже поняли, кто мы.

— Вы пираты. И преследуете нас большую часть дня.

— Совершенно верно. Полагаю, вы уже поняли, что один из наших сообщников лишил вас возможности войти в Поток.

— Да.

— Сегодня, однако, ваш счастливый день, капитан. Мы готовы не трогать ваш груз и держаться в стороне, пока вы ремонтируете свой корабль либо возвращаетесь на Имперскую станцию. Все, что от вас нужно, — это доставить к нам двоих человек.

— И кто эти люди?

— Первый — наш сообщник, который заложил бомбу и, вероятно, теперь сидит у вас на гауптвахте. Второй — пассажир, лорд Марс Клермонт.

— Капитан, мы не можем отдать вашего сообщника.

— «Не можем» — очень сильно сказано, капитан.

— Поправлюсь: мы можем его вернуть, но только по кусочкам. Похоже, он неверно рассчитал время и взорвался вместе с бомбой.

— Печально.

— Если хотите, соскребем его со стен и передадим вам в пластиковом мешке.

— Спасибо, не нужно. Мы можем без него обойтись. А вот без лорда Марса — нет.

— В списке наших пассажиров нет Марса Клермонта — ни лорда, ни кого-либо другого.

— Я думал, мы договорились не нести чуши, капитан. Марс Клермонт сейчас находится на вашем корабле под именем Христиана Янсена: его использует дом Лагос, когда хочет тайком вытащить кого-нибудь из системы. Стоило бы посоветовать вашим работодателям почаще менять набор имен. На вашем корабле летит Христиан Янсен?

— Да, летит.

— Хорошо.

— Но есть одна проблема.

— Капитан Блиникка, вынужден с сожалением сообщить, что если с Клермонтом та же проблема, то есть его разорвало на куски, мне придется поступить так же с вашим кораблем.

— В каком смысле?

— В том, что либо я получу Клермонта живым, либо все, кто летит на «Да, сэр», умрут. Других вариантов нет.

— Мы забрали бы вас с собой, — сказал Блиникка.

— Нет, не забрали бы. Так что за проблема с Клермонтом?

— Он не мертв, но введен в искусственную кому.

— Зачем?

— Он был в коридоре вместе с вашим «товарищем», когда взорвалась бомба, и вместе с другими членами команды пытался помешать вашему приятелю. Клермонт остался жив, но двое наших людей погибли.

— Мои соболезнования, капитан.

— Вы только что угрожали разрушить мой корабль и убить всю мою команду, капитан. Так

что ваши соболезнования — пустой звук.

— Понятно. Клермонт сможет перенести полет?

— Мы можем передать его вам живым и в стабильном состоянии. Остальное зависит от вас.

— Согласен. Мы подойдем к вам через три с половиной часа. У нас будет наготове челнок, чтобы его забрать.

— Нет. Мы сами отправим к вам челнок.

— Капитан…

— Никто из вас не ступит на мой корабль. Хотите его заполучить — прекрасно. Я отдам его. Но мы прилетим к вам сами.

— В таком случае я хочу, чтобы вы лично присутствовали при передаче. Это гарантия, что вы не пошлете к нам бомбу величиной с челнок.

— Не я, — ответил Блиникка. — Я пошлю представителя судовладельца — думаю, это вполне вас устроит — и медика. Они останутся на челноке, а вы пришлете своих людей, чтобы забрать Клермонта. Все должно занять не больше десяти минут. Любое промедление — и мы погибнем вместе, хотите верьте, хотите нет.

— Договорились. Мы сообщим, когда будем готовы вас принять. «Красная роза», конец связи.

— Спасибо, что назначил меня добровольцем,

сволочь ты этакая, — сказала Кива, едва оборвалась связь.

— Корабль находится в полете, — ответил Блиникка. — Сейчас командую я, леди Кива. И никто, кроме вас, мне не подойдет. Поэтому заткнитесь, мэм, и делайте, что я сказал.

— Прекрасно. — Она показала на Марса. — А ты полетишь со мной. Поздравляю, тебя только что повысили до члена медицинского персонала. — Она взглянула на Блиникку.

Блиникка кивнул.

— Думаю, это плохая идея, — заметил Марс.

— У тебя нет права голоса. К тому же ты сам сказал Пинтону, что готов помочь. Хватит хныкать, словно долбаное дитя.

— Вы могли просто сказать: «Мне нужна твоя помощь».

— Ладно. Мне нужна твоя помощь. Хватит хныкать, словно долбаное дитя.

— Это ничем не лучше.

— Где твой маскарадный костюм Христиана?

— Я его выкинул.

— Найди. А потом отправляйся в медицинский отсек. Нужно кое-что сделать.

— Дайте большой палец, — сказала Киве медсестра с «Красной розы».

— Пошла на хрен, — ответила Кива.

Вздохнув, медсестра что-то крикнула в сторону опущенного трапа челнока, и по нему поднялся член команды «Красной розы» с излучателем в руках.

— Дайте большой палец, или Сакс оторвет вам башку, — повторила медсестра.

Кива протянула большой палец, и медсестра ткнула в него иглой, а затем просканировала сетчатку.

— Вы леди Кива Лагос, — сказала она.

— Откуда, мать твою, у тебя база данных нашего персонала? — спросила Кива.

Проигнорировав вопрос, медсестра подошла к Марсу.

— Большой палец, — велела она. Марс послушно протянул палец.

— Густин Обрехт, — сказала медсестра и подошла к телу на каталке. Проверив большой палец и сетчатку, она взяла кровь из вены на правой руке. Марс наблюдал за ней, ожидая результата. — Марс Клермонт, — подтвердила она.

Сакс что-то крикнул еще одному члену команды «Красной розы», который поднялся на борт и увез каталку. Медсестра кивнула Киве и Марсу, после чего повернулась, собираясь уйти.

— Эй! — сказала Кива. Медсестра обернулась, и Кива, схватив небольшой рюкзак — тот самый, с которым Марс явился на борт «Да, сэр», — протянула его ей.

— Что это? — спросила медсестра.

— Вещи, которые были с ним на корабле. Туалетные принадлежности и прочие мелочи.

— Возможно, он захочет побриться, когда придет в себя, — добавил Марс.

Медсестра взяла рюкзак, кивнула обоим и вышла из челнока.

— Давай-ка сворачивать лавочку и убираться отсюда на хрен, — сказала Кива.

— Согласен, — кивнул Марс. Кива постучала в дверь пилотской кабины, сообщая, что передача состоялась.

— Как вы, волновались? — спросил Марс, когда челнок стартовал в сторону «Да, сэр».

— По поводу чего?

— По поводу того, удастся ли передача. Пройдет ли тело Чата проверку на мои гены.

— Нет, — покачала головой Кива. — Подушечка большого пальца и контактные линзы, которые мы сделали из твоих соскобов, такого же качества, как те, что идут на изготовление поддельных личностей. У нас превосходное медицинское

оборудование.

Марс кивнул и слегка поежился, вспомнив, как у него брали соскобы с роговицы, чтобы получить материал для контактных линз, наложенных на глаза Чата. Контактные линзы выращивались в ускоренном режиме, как и подушечка большого пальца, что увеличивало риск генетических аномалий, позволяющих обнаружить их. Но им повезло.

— Но когда у него взяли кровь…

— Это была твоя кровь, — пожала плечами Кива. — Ее взяли у тебя, потом пережали крупные сосуды в его руках, выкачали из них кровь и перелили твою. Не так уж сложно.

— Я не знал, выдержат ли шунты.

— Они скоро рассосутся, и у него восстановится нормальное кровообращение. Если ему повезет, его мышцы не успеют омертветь и он сохранит руки.

— А если не повезет?

— Если ему не повезет, то и хрен с ним. Он пытался заложить бомбу на моем корабле.

— И убить меня, — напомнил Марс.

— Верно, — кивнула Кива.

— А если бы не сработало?

— В смысле — если бы они поняли, что на ка-

талке Чат, пока мы были там?

— Да.

— У меня имелся резервный план.

— Какой? Бежать?

— Нет. Я отдала бы им тебя.

— Что? — Марс потрясенно уставился на Киву.

— Не смотри на меня так. С чего ты взял, будто я стану тебя спасать? Из-за того, что мне нравится твое общество?

— Я думал, теперь я один из ваших.

— Угу, но ты всего лишь новичок, — ответила Кива. — А на корабле целая куча других людей, о которых приходится думать.

Весь недолгий остаток пути Марс молчал.

Когда они вышли из челнока на «Да, сэр» и корабль устремился прочь от «Красной розы», планшет Марса звякнул — пришло сообщение от Вренны:

> Я выяснила то, о чем ты просил. Слух дошел до Сьё Тиннуина от его друга, который работает на дом Нохамапитан. Последние несколько лет Нохамапитаны якобы платят за навигационные данные с кораблей.
>
> Похоже, они наблюдают примерно то

же, что и мы. Не знаю, что это означает для нас, но вряд ли стоит ждать чего-то хорошего.

Береги себя. Уже по тебе скучаю.

В.

Кива дотронулась до плеча Марса, и он оторвал взгляд от планшета.

— Идем со мной, — сказала она.

— Я устал, — ответил Марс, откладывая планшет.

— Ты что, всерьез решил, будто отправишься спать до того, как мы войдем в Поток и эти долбаные пираты окажутся далеко позади? Идем.

Кива направилась к выходу из причального отсека. Марс посмотрел ей вслед, а затем пошел за ней. Стоило ему войти в каюту Кивы, как его тут же охватила зависть.

— Ну и здоровая же у вас каюта, — сказал он вошедшей за ним Киве, уставившись на обширную стену с графиками, заметками и личными фотографиями.

— Естественно, — ответила Кива. — Корабль принадлежит моей семье, и я — представитель судовладельца. Думаешь, меня бы запихнули в долбаную койку?

— Нет, конечно. Просто забавно.

— Ничего забавного.

— Говорит женщина, которой не приходится спать в койке величиной с гроб.

— Что ж, сегодня тебе в любом случае не придется там спать.

— Что? — Повернувшись, Марс увидел, что Кива разделась догола.

— Ложись, — велела она Марсу.

— Гм… ладно. — Марс помедлил. — Нет, погодите. Я стесняюсь.

— Раньше-то сексом занимался? — Марс кивнул. — С женщинами? — Он снова кивнул. — И тебе понравилось?

— Да…

— Тогда чего ты стесняешься? — спросила она, подходя ближе.

— Вряд ли я так уж вам нравлюсь, — сказал Марс.

— Вполне нравишься. — Схватив его за ремень, она начала возиться с форменной пряжкой.

— Десять минут назад вы были готовы, если потребуется, отдать меня пиратам.

— Да. И?

— Вы почти каждый раз приказываете мне заткнуться.

— Я всем это приказываю.

— Но я…

— Слушай, у нас обоих был напряженный день. — Кива стащила с него форменные брюки. — Можешь стоять тут и трепаться о том, что было и чего не было, тогда я пинком вышвырну тебя отсюда и ты отправишься в свою крохотную койку нюхать собственный пердеж, пока не заснешь. Или ты можешь заткнуть свое хлебало и раздеться, и тогда мы станем трахаться, пока не свалимся от изнеможения. Выбирать тебе, но я знаю, как поступила бы я на твоем месте. Ну что, будем трахаться или нет?

— Это так вы представляете себе романтические отношения? — спросил Марс.

— В основном, — ответила Кива и поволокла его на кровать.

Несколько часов спустя, когда Марс дремал рядом с притулившейся к нему Кивой, по всему кораблю раздался долгий приятный перезвон.

— Гм… — проговорила Кива, открывая глаза.

— Что это было? — спросил Марс.

— Сигнал вхождения в Поток.

— Значит, нам ничто больше не угрожает?

— В Потоке? Еще как угрожает. Если лопнет наш пузырь, мы перестанем существовать.

— Я имел в виду, что мы можем больше не беспокоиться насчет пиратов или Грени Нохамапитана, — сказал Марс. Ощутив прикосновение тела Кивы, он тут же почувствовал, как у него начинается эрекция.

Кива тоже это почувствовала, слегка подвинулась, располагаясь поудобнее, а затем навалилась на него.

— Да, насчет пиратов можешь не беспокоиться, как и насчет этого долбаного Нохамапитана, — ответила она, двигая бедрами. — Хотя, возможно, тебе стоило бы беспокоиться насчет меня.

— Если вы об этом самом, то, думаю, справлюсь, — улыбнулся Марс.

— Нет, я о другом.

— Тогда о чем?

— О том, из-за чего Грени Нохамапитан готов был тебя убить.

— Погодите… у нас что, серьезный разговор? Сейчас? — Марс начал приподниматься, но Кива толкнула его обратно.

— Да, у нас сейчас серьезный разговор, — сказала она, убыстряя темп. — Я умею делать сразу и то и другое, тысяча чертей. Так вот: ты расскажешь мне все, о чем ты мне не говорил. Ты расскажешь мне, почему ты оказался на корабле.

Ты расскажешь мне, зачем ты летишь на Ядро. Ты расскажешь мне, почему Грени Нохамапитан желает твоей смерти. Ты все расскажешь, или я вырву твое долбаное сердце.

— И когда я должен вам все это рассказать? — спросил Марс.

— Дай передохнуть минутку, — ответила Кива.

Интерлюдия

День у Грени Нохамапитана не слишком задался.

Пункт первый: «Да, сэр, это моя малютка» сумел уйти в Поток, несмотря на повреждения инженерных систем из-за бомбы, которую, по всем данным, успешно заложил Чат Убдал, предположительно взорвавшийся вместе с ней. При известии о гибели Чата Грени испытал легкую боль — Чат был одним из самых полезных его людей, из-за чего Грени и доверил ему такую деликатную миссию. С другой стороны, теперь можно было не выплачивать Чату премию, причем сумма была немалой. Хоть что-то хорошее среди этой кучи дерьма.

Пункт второй: если подумать, премию Чат все равно бы не получил, поскольку не совершил того, что требовалось, — доставить или убить Марса Клермонта. Грени решил, что последнее Чату все же удалось, несмотря на его гибель, когда «Красная роза» сообщила, что им доставили Клермонта, хотя и в поврежденном виде, и что анализ ДНК подтвердил его личность.

Но потом, час с лишним спустя, с «Красной

розы» пришло новое сообщение:

> Клермонт вышел из комы и вопит, что он не Клермонт, а ваш подручный Чат Убдал. Он страдает от нестерпимой боли, особенно в конечностях.

За ним последовало еще одно:

> Подтверждено, что Клермонт на самом деле не Клермонт, а Убдал. Им удалось обмануть наши сканеры с помощью контактных линз, подушечки большого пальца и замены крови в руках. Последнее может привести к стойкому расстройству здоровья.

Далее:

> Убдал с трудом соображает, но говорит, что не закладывал бомбу и «Да, сэр» полностью исправен. В соответствии с нашим договором иду на перехват и уничтожение.

Далее:

> черт побери эти сволочи забрали вашу

> долбаную бомбу и отправили к нам на корабль что за хрень

И какое-то время спустя:

> Бомба, которую должен был заложить на «Да, сэр» Убдал, взорвалась на нашем корабле. Перехват и уничтожение невозможны. Капитан Вимсон разозлился, что бомба Убдала оказалась у нас, и вышвырнул Убдала из шлюза прямо на каталке. Сообщение для вас лично от капитана: «Теперь вы должны нам вдвойне за ущерб и втройне за оружие. Ущерб оплатите в первую очередь». И еще он говорит: катитесь на хрен вместе со своими долбаными криворукими приспешниками.

Пункт третий: Грени лишился оружия, в котором нуждался, и это его злило.

Оружие было частью санкционированных парламентом и импero поставок герцогу для борьбы с небольшим мятежом в его владениях. Дом Нохамапитан приложил немало стараний, чтобы резолюция об оружии прошла в парламенте, а сам Грени постарался не меньше, чтобы оружие захватили пираты. Здесь, по крайней мере, все

прошло по плану.

Но затем капитан Вимсон решил придержать оружие и потребовал с Грени дополнительную плату за доставку. Грени был основательно выбит из колеи: даже если не говорить о нарушении всех возможных принципов, он уже вложил в приобретение оружия средства дома Нохамапитан и, увы, оказался на мели. Его план позаимствовать деньги из имперской казны наткнулся на препятствия: вначале граф Клермонт выдвинул этические возражения, а потом потерпело неудачу похищение Марса Клермонта.

Новый план заключался в том, чтобы вновь заполучить Марса Клермонта или уничтожить «Да, сэр». Первый вариант выглядел оптимальным, поскольку наверняка сделал бы графа Клермонта более податливым; последний же, далеко не такой оптимальный, — это лишь обострило бы и без того плохие отношения между домами Нохамапитан и Лагос, если бы роль Грени стала известна, — позволил бы убедить герцога присвоить немалые средства, которые местные конторы дома Лагос получили бы от дома Айелло, страхового монополиста. С них герцог снял бы достаточно сливок, чтобы оплатить оружие.

Но теперь «Да, сэр» ушел вместе с Марсом

Клермонтом, цена оружия возросла и возник очередной долг, с которым Грени должен был что-то делать.

Пункт четвертый: в какой-то момент Грени мог бы надавить на «Красную розу» насчет оружия, — в конце концов, они пошли на осознанный риск, изменив условия первоначальной сделки — но расплатиться за ущерб, причиненный пиратскому кораблю, он уж точно не мог. Он знал, что в этом случае его просто убьют, причем медленно, — не поможет ни аристократический титул, ни близость к герцогу, ни его собственная охрана. Нужно было добыть денег хотя бы на это, и как можно скорее.

На мгновение Грени подумал, не сделать ли заложницей Вренну Клермонт, но тут же отбросил эту идею, поскольку…

Пункт пятый: Вренну Клермонт невозможно было найти. Она словно сквозь землю провалилась — но сперва послала Грени письмо со своего личного адреса, состоявшее из одной фразы: «Не спи дважды в одной постели». Грени читал послужной список Вренны и знал, что это не пустая угроза.

Был и шестой пункт: звонок от сэра Онтейна Маунта, главного управляющего Имперской

станцией Края, который начал с вопроса:

— Что это, черт побери, за слухи о том, будто вы похитили Марса Клермонта?

— Не понимаю, о чем вы, сэр, — ответил Грени.

— В самом деле?

— Конечно. Это весьма серьезное обвинение. Хотелось бы знать, кто на меня клевещет.

— Надежные источники, лорд Грени.

— Смешно. Насколько я понимаю, Марс Клермонт покинул Край. На корабле «Да, сэр, это моя малютка».

— На том самом, который, по докладам моих морпехов, едва не подвергся каперской атаке всего несколько часов назад?

— Понятия не имею, — ответил Грени. — Ничего об этом не знаю. У нас тут и без того хватает дел, сэр.

— Как я понимаю, дела у вашего герцога идут не лучшим образом?

— Есть проблемы, но вполне решаемые.

— Последнее звучит не слишком-то убедительно, лорд Грени, — заметил Маунт.

— Помощь со стороны ваших морпехов не помешала бы, — подсказал Грени.

— Сколько вам повторять, что Взаимозависимость считает происходящее на Крае исключи-

тельно местным вопросом?

— Если не считать оружия, поставки которого санкционировал парламент.

— Для войск герцога, а не моих.

— Большой разницы, думаю, нет.

— Для меня есть, и это главное. Либо ваш герцог сам разберется со своими проблемами, либо вскоре один из мятежников попросит меня сделать его новым герцогом, когда вся эта хренотень закончится.

— И как вы поступите?

— Полагаю, в зависимости от того, сохранит ли нынешний герцог голову на плечах. Пока же сделаю дружеское предостережение, лорд Грени. Граф Клермонт, его семья и его владения находятся под защитой империо, а значит, под моей защитой. Если я еще раз услышу, что вы лезете в их дела — неважно, по распоряжению герцога или по собственной инициативе, — обещаю, что вы увидите, как выглядит имперское вмешательство, и что вам это не понравится. Мы поняли друг друга?

Они друг друга поняли.

А дальше был еще пункт седьмой — зашифрованное письмо, которое Грени получил от генерала Ливи Онджстен, предводительницы

мятежников:

> Где твое оружие? Ты сказал, что оно уже у тебя, и мы предприняли последнюю атаку, рассчитывая его получить. Теперь мы в полной заднице, и если в ближайшее время не получим твоего оружия – или его вместо нас получат войска герцога, – нам всерьез несдобровать.
>
> Помнишь, что я тебе говорила, когда мы начинали это? Ты повязан с нами. Мы возвысимся – возвысишься и ты. Мы падем – падешь и ты.
>
> И если мы падем из-за тебя, твое падение окажется намного жестче.
>
> Л. О.

«Почему сегодня мне все угрожают?» — подумал Грени. Что ж, ответ был простым: он попросту надорвался, подставив и свой дом, и все их активы на Крае ради того, чтобы свергнуть нынешнего герцога и самому стать герцогом Края. Он надорвался, и теперь весь его тщательно рассчитанный и составленный план грозил пошатнуться и рухнуть.

«Вот что бывает, когда рискуешь всем, — подумал Грени. — Ничто никогда не идет гладко».

Что ж, верно — но не настолько же. И не так внезапно.

По крайней мере, герцог Края пока на него не наорал.

Звякнул планшет. Звонил герцог.

— Ты что, похищаешь теперь титулованных особ? — заорал он.

Грени мрачно улыбнулся:

— Все было слегка не так, ваша светлость.

— Не обращайся ко мне «ваша светлость», Грени. Я только что выслушал кучу всего от сэра Онтейна. Он говорит, будто ты схватил молодого лорда Марса Клермонта прямо с улицы перед его домом.

— Сэр Онтейн несколько преувеличивает. Я попросил лорда Марса встретиться со мной, чтобы выяснить, согласится ли он убедить своего отца проявить больше активности для защиты Края.

— И что он сказал?

— Ответил, что через несколько часов улетает с планеты и помочь ничем не может.

— Но как сэр Онтейн принял все это за похищение?

— Возможно, я чересчур усердно пытался убедить лорда Марса помочь нам и разговор пошел на повышенных тонах. Остальное — измышле-

ния наших врагов. Как я понимаю, граф Клермонт пожаловался сэру Онтейну, а тот пожаловался вам. То же самое он говорил мне всего несколько минут назад, сэр.

— И что ты ему ответил?

— То же, что и вам, только сообщил меньше подробностей.

— Мы не можем затевать вражду с аристократами, Грени. Особенно с Клермонтом. Онтейн и его морпехи, можно сказать, телохранители графа. И если до других аристократов дойдут слухи, будто мы пытаемся применить к графу силу или угрожаем его детям… в общем, суть в том, что сейчас мы нуждаемся в их поддержке.

— Прекрасно понимаю вас, сэр. Но, как я уже сказал, все это лишь недоразумение и слухи.

— Значит, ты не против лично извиниться перед графом Клермонтом?

— Прошу прощения, сэр?

— Я пригласил графа сегодня утром на небольшую встречу. В основном для того, чтобы выпить и поболтать. В Уэзерфейр, — имелся в виду «загородный» дворец герцога. — Только ты, я и он. Ты объяснишь ему все, а заодно извинишься.

— За что, сэр? Я же сказал, это всего лишь недоразумение.

— В таком случае извинишься за недоразумение. Грени, неважно, есть ли тебе за что извиняться. Главное — само извинение. Тебе стоило бы это знать. Основы дипломатии.

— Только мы трое?

— Да. Думаю, так лучше. Ни к чему устраивать спектакль. Слухи в любом случае просочатся.

— Леди Вренны там не будет?

— Дочери графа? Нет, а что?

— Просто спросил.

— Если хочешь, можем ее пригласить.

— Пожалуй, не стоит.

— Тогда увидимся через несколько часов. Форма одежды обычная. Потренируйся ползать на коленях. — Герцог отключился.

И это был пункт восьмой.

Итак, подытоживая: многим хотелось, чтобы Грени умер или хотя бы серьезно пострадал, его планы стать герцогом, подливая масло в пламя революции, рушились все быстрее, и через несколько часов ему предстояло изображать сожаление по поводу происшествия, якобы не имевшего места, но на самом деле имевшего, а Грени нисколько не сожалел о своем поступке, не считая того, что все пошло не по плану. И если только в ближайшее время не случится чуда,

Грени окажется мертв или сядет в тюрьму, а к его действиям формально будет причастен весь дом Нохамапитан.

Хуже всего, что изначально это было вовсе не его идеей.

К тому времени, когда отпрыски семейства Нохамапитан достигли отрочества, любой внимательный наблюдатель понял бы, что у каждого из них есть своя главная черта. Амит, человек заурядный и мирный, тем не менее всегда был готов представлять семью и дом — свадебный генерал, которому предстояло однажды взять бразды правления домом Нохамапитан. От Грени было куда больше пользы, поскольку он умел ладить с людьми, мошеннически злоупотребляя чужим доверием; заинтриговав другого некоей идеей, он мог заставить его подписать договор, даже если тот не понимал, что именно покупает.

Но мозгом семьи была их сестра Надаше. Именно она подсказывала свадебному генералу, что нужно говорить, указывала мошеннику на очередную жертву и приводила в действие планы, которые могли принести плоды лишь через годы или даже десятилетия.

Так случилось и в тот вечер, когда братья и сестра собрались в Сиане, чтобы отпраздновать

день рождения Реннереда Ву, кронпринца, с которым Надаше недавно начала переговоры насчет замужества.

— Да он же полный придурок, — сказал Грени сестре, когда все трое покинули празднество и сбежали в апартаменты Нохамапитанов неподалеку от имперского дворца.

— А мне он даже нравится, — ответил Амит, развалившись на кушетке с бокалом нохамапитанского шираза в руке. Вино было контрабандным, вернее, было бы, если бы его пил кто угодно, кроме самих Нохамапитанов. Монополией на виноградники и всю их продукцию владел дом Патрис. Но когда создавалась Взаимозависимость и распределялись монополии, виноградники Нохамапитанов стали их наследственным владением с правом пользования продукцией только внутри семьи. Знаменитый шираз, признанный одним из лучших за пределами утраченной ныне Земли, теперь был доступен лишь представителям семейства Нохамапитан, а также их гостям — на приватных вечеринках или в еще более интимной обстановке. Ходили слухи, что самые страстные винофилы обещали Нохамапитанам удовлетворить любые постельные капризы в надежде сделать глоток из особенно

древней бутылки.

— Тебе-то уж точно, — усмехнулся Грени. Как он считал, его брат и Реннеред Ву были сделаны из одного и того же теста — унылые плейбои, с которыми можно умереть от скуки. Грени не питал неприязни к Амиту, как и Амит к Грени, но, повзрослев, они проводили не так уж много времени друг с другом. С друзьями каждому из них было куда интереснее.

С сестрой Грени тоже общался мало, но вовсе не из-за отсутствия интереса. У Надаше попросту были свои планы, и Грени виделся с ней только тогда, когда эти планы напрямую касались его. И если она затащила обоих в свои апартаменты, оставив за дверями свиту братьев, значит ее планы в какой-то степени касались и их.

Пока что, однако, она ничего не рассказывала, и Грени решил ее подколоть, просто ради забавы:

— Чем оправдаешься, Нада? Почему ты водишься с этим тупицей Реннередом?

Надаше, стоявшая позади кушетки Амита, забрала у брата бокал и сделала глоток. Амит слабо запротестовал, но заткнулся, получив бокал обратно.

— Хочешь сказать, я имею в виду не только то, что однажды он станет импер и союз с им-

перским домом позволит нашей семье занять недосягаемое положение среди гильдий, а один из моих детей станет следующим импер, навеки вплетя наши интересы в ткань Взаимозависимости?

— Да, — кивнул Грени. — Помимо вышеперечисленного.

— Он неплохо танцует.

— Что ж. — Грени посмотрел на брата, который закатил глаза. — Уже кое-что.

— Есть и другая причина, по которой я привела вас сюда. — Она снова забрала бокал у Амита.

— Эй, перестань, — сказал Амит.

— Нет, — ответила Надаше, ставя бокал на барную стойку. — Ты мне нужен трезвым. Когда закончу, получишь бокал назад.

— Мне это уже не нравится, — заявил Амит.

— Ты о чем, Нада? — спросил Грени.

— Всего лишь о будущем, — сказала Надаше, после чего велела домашнему компьютеру погасить свет и вывести на монитор презентацию — карту Взаимозависимости с подсвеченными главными течениями Потока, сходившимися у Ядра.

— Это будущее? — спросил Амит.

— Это настоящее, — ответила Надаше. Она щелкнула пальцами, и карта изменилась: звезд-

ные системы Взаимозависимости остались на месте, но течения Потока перераспределились, кое-где радикально. Особенно бросалось в глаза то, что в пространстве вокруг Ядра, до этого забитом исходящими и входящими векторами Потока, осталось лишь три течения — два входящих и одно исходящее. Средоточием большинства течений Потока стала теперь другая система, со множеством транспортных линий, ведущих к ней и от нее.

Это был Край.

— А вот это — будущее, — сказала Надаше.

Грени встал, подошел ближе к монитору и стал изучать новую карту.

— Где ты это взяла?

— Моя подруга по университету с детства мечтала стать специалистом по физике Потока, — ответила его сестра. — Собирала материал для докторской диссертации и наткнулась на монографию о потенциальном долговременном сдвиге внутри Потока. Об авторе ничего не было известно. Поискав сведения о нем, подруга выяснила, что он стал сборщиком налогов для Взаимозависимости. Она довела его дело до конца, обработав данные, и пришла к выводу, что после тысячи с лишним лет относительной

стабильности течения Потока начнут смещаться — вероятно, в соответствии с этой картой.

— Когда? — спросил Амит.

— По ее словам, все данные указывают на то, что течения уже смещаются — сперва медленно, затем все быстрее и быстрее. Серьезные изменения, видимо, начнутся в следующем десятилетии. — Надаше показала на монитор. — Эта карта показывает, как, скорее всего, будет выглядеть Взаимозависимость через тридцать лет.

— Скорее всего? — нахмурился Грени. — В каком смысле?

— Моя подруга строит наиболее вероятную модель разрывов и сдвигов, основываясь на имеющихся у нее данных. Она говорит, что, как только общий расклад стабилизируется, он будет выглядеть именно так, с вероятностью восемьдесят пять процентов. А после стабилизации, скорее всего, просуществует в таком виде еще тысячу лет.

Грени показал на экран:

— И она уверена, что все эти течения сойдутся именно на Крае?

— Вообще это самая предсказуемая часть сдвига, как говорит она, — кивнула Надаше. — Судя по всему, смещение течений Потока случалось

и раньше. По ее данным, ключевая точка активности Потока каждую тысячу или две тысячи лет перемещается между Ядром и Краем. И вероятность, что этой точкой может стать другая система, составляет меньше одной стотысячной.

— Ладно, и что с того? — спросил Амит.

— Тот, кто правит системой, где сходятся течения Потока, правит Взаимозависимостью, — ответил Грени.

— Хоть один из братьев это сообразил, — улыбнулась Надаше.

— Но мы же не правим той системой, — заметил Амит. — Мы в системе Тератума.

— В настоящем. — Надаше снова показала на монитор. — А это будущее.

— На Крае уже есть герцог, — сказал Грени.

— Есть, — согласилась Надаше. — Но исторически сложилось так, что герцоги не задерживаются там надолго. Их свергают так часто, что при каждом очередном мятеже политика Взаимозависимости состоит в том, чтобы не вмешиваться в происходящее и передать титул герцога тому, кто одержал верх.

— Ты хочешь свергнуть нынешнего герцога?

— Нет, я хочу, чтобы его сверг ты, Грени.

— Что? Почему я?

— Потому что Амит готовится стать главой семейного дела, а я готовлюсь соединить нашу родословную с родословной импero. Ты единственный, кто сейчас ничем не занят.

— Я занят, — возразил Грени. Он был вице-президентом торговой компании дома — вполне подходящая для него должность, учитывая его возраст и опыт. В какой-то момент ему предстояло уйти с нее, став членом совета директоров или вообще удалившись от дел — как третий отпрыск главы влиятельного дома.

— Не настолько уж ты занят. К тому же, если мы отправим тебя представлять наши интересы на Край, для тебя это станет повышением. Что неплохо для тебя и твоей карьеры.

— Но это же Край.

— И?..

— На Крае ничего нет. Потому его и называют Краем.

— На Крае — будущее, Грени. И ты нужен там, чтобы мы были готовы, когда оно настанет.

— Ты ведь уже собираешься стать членом имперского дома, Нада, — заметил Амит. — Зачем тебе в таком случае Грени на Крае?

— Может, сам ответишь? — обратилась Надаше к Грени.

— Затем, что у того, кто правит Краем, есть все шансы бросить вызов власти импero, — сказал Грени брату. — Собственно, дом Ву лишь потому стал имперским, что он контролирует Ядро и его окрестности. Туда и носа не сунешь, не заплатив сборы, пошлины и налоги. Если все переместится на Край, иссякнет один из крупнейших источников дохода импero.

— Сейчас мы соединяемся брачными узами с домом Ву, чтобы обрести власть, — продолжала Надаше. — И значит, после того, как все сдвинется, Край останется при власти. А если наши семьи будут владеть Ядром и Краем, мы не дадим Взаимозависимости развалиться из-за гражданской войны.

— Что всерьез повредило бы бизнесу, — заключил Амит. — Любому, включая наш.

Грени снова взглянул на монитор:

— Ты готова стольким рисковать, сестренка, лишь из-за какой-то докторской диссертации?

— В худшем случае, — пожала плечами Надаше, — мы ошибаемся насчет сдвига. Но в итоге ты станешь герцогом Края, а я — супругой импero.

— Собственно, худший сценарий — если ты не выйдешь замуж за Реннереда, Грени арестуют за измену, а сдвиг все равно произойдет, — заметил

Амит.

— Помощи от тебя точно не дождешься, — сказал Грени брату.

— Я просто хочу убедиться, что всем нам ясны последствия неудачи, — ответил Амит. — Знаю, вы оба считаете, что я не настолько умен, как вы, и это правда. Я не слишком умен. Но мне хватает ума понять, что твой план, Надаше, чересчур рискован и шансы на то, что он потерпит крах, велики. Если хотите, чтобы все получилось, вам понадоблюсь я — чтобы совет дома ничего не заподозрил.

— Ну, если мы вообще станем им что-нибудь говорить, — сказала Надаше.

— Хотите втайне устроить переворот планетарного масштаба? — фыркнул Амит. — Без ведома дома Нохамапитан?

— Почему бы и нет? Воспользуемся местными средствами. Это Край — в случае чего, расходы можно скрывать много лет. Если действовать с умом, нам вовсе незачем что-то говорить совету, пока все не закончится.

— О господи. — Амит поднялся с кушетки. — Мне точно нужно выпить. — Он направился к бару.

— Мы никому ничего не скажем. Все останется

между нами.

— Даже с местными средствами мы не сохраним это в тайне, — возразил Грени. — Особенно если устроим мятеж.

— На той планете восстания против герцога происходят примерно раз в пять лет, — заметила Надаше. — Мятеж вовсе незачем устраивать — наверняка его уже подняли.

— И ты полагаешь, что нынешний герцог будет просто сидеть и смотреть?

— Зависит от того, сообразит ли он, что ты замешан в этом. А если станешь для него полезным — может, и нет.

— Слишком многое под вопросом, — сказал стоявший у барной стойки Амит.

— Пожалуй, он прав, — согласился Грени, показывая на монитор все с той же картой. — И нет никакой гарантии, что твоя подруга-физик — не полная обманщица. Почему об этом не слышно в новостях, Надаше? Думаю, многие забили бы тревогу. Но раз я ничего об этом не слышал, кажется, что это пустой звук, несмотря на красивую картинку.

— Она пришла с этим лично ко мне, — сказала Надаше.

— Почему?

— Ей нужны были деньги, и она рассчитывала получить что-нибудь за свою информацию. Я заплатила ей за то, чтобы она работала на меня, а диссертацию писала на другую тему.

— Кто она?

— Моя подруга по университету. Я уже говорила.

— Имя у нее есть?

— Хатида Ройнольд.

— Я с ней знаком?

— Нет, — фыркнула Надаше. — Тебе будет тяжело в это поверить, Грени, но ты сумел познакомиться и заняться любовью далеко не со всеми моими университетскими подругами.

— Эти данные не изучались экспертами? — спросил Амит, чей бокал был вновь полон шираза.

— Нет. Естественно, мы не хотели, чтобы они просочились на сторону. Кажется, моя подруга пыталась переписываться со сборщиком налогов, чью работу взяла за основу, но из этого ничего не вышло.

— То есть об этом неизвестно никому, кроме мелкого имперского бюрократа, которому все равно, даже если он что-то знает? — спросил Амит, и Надаше кивнула. — Тогда никто ничего

не заметит.

— Ну как, теперь ты готов этим заняться? — спросил брата Грени.

— Я не говорил, что готов, — возразил Амит. — По-моему, этот сумасшедший план — слишком рискованное, хоть и весьма высокодоходное вложение. А рисковать я не люблю. К тому же у нас уже есть монополия, а с ней и доход. — Он показал на монитор. — Но если это действительно правда, существует риск, что Взаимозависимость рухнет, если мы ничего не станем делать. Тоже рискованный и опасный сценарий. Мне нужно решить, чего я хочу больше.

— У нас все получится, — сказала Надаше.

— Имеешь в виду, у меня все получится? — спросил Грени. — Меня и вас будут разделять месяцы пути.

— Можно все спланировать заранее.

— Все эти планы окажутся никчемными, стоит им столкнуться с реальностью.

— Тогда импровизируй. Завоевывай доверие других. Держи их в неведении насчет твоих истинных намерений. Ты это отлично умеешь.

— Да, — согласился Грени. — Но что дальше?

— Дальше сообразишь сам. — Надаше подошла к брату и погладила его по щеке. — А если не

будешь знать, что делать, — руби сплеча. Думаю, хуже не будет.

— А может, и будет, — заметил Амит, наливая себе еще шираза.

— Смелее, Грени, — сказала Надаше, не обращая внимания на Амита. — Будешь смелым — станешь герцогом Края.

В тот вечер Надаше не удалось убедить никого из братьев — слишком много было вопросов и слишком много шансов для всех троих угодить за решетку до конца своих дней за измену, мошенничество и терроризм. Но теперь вопрос заключался лишь в том, когда Надаше вновь соберет их, чтобы обсудить ее планы и найти очередные убедительные слова. Через месяц братья в целом согласились с ее идеей. Еще через месяц Грени, все еще не веря до конца, что вписался в этот безрассудный заговор, оказался на борту корабля-«пятерки» Нохамапитанов под названием «Каков наглец!», направлявшегося на Край.

Оглядываясь назад, можно было сказать, что его часть плана была выполнена на удивление удачно. На планете действительно обнаружилась группировка недовольных, готовая сбросить герцога Края: Грени мог снабжать ее деньгами и оружием в обмен на участие в мятеже. Он быстро

втерся в доверие к герцогу, став членом его ближнего круга, — несмотря на гордый титул, герцог Края был провинциальным деревенщиной, чей отец пришел к власти, свергнув предыдущего герцога, и его глубоко впечатлил Грени, семья которого вела свое благородное происхождение со времен, предшествующих основанию Взаимозависимости.

Всего за несколько месяцев мятеж разгорелся не на шутку, а Грени стал доверенным лицом герцога и орудием его политики, получив возможность тайно рыть подкоп под своего покровителя и готовясь занять его место, когда голова герцога покатится в пыль. Он оказался намного удачливее Надаше, хотя в этом была не только ее вина. Насколько знал Грени, она не имела никакого отношения к тому, что Реннеред врезался в стену. Или, по крайней мере, предпочитала не посвящать в это брата.

Но теперь все рушилось, и Грени чувствовал, что остались считаные дни, если не часы до позорного разоблачения, которое грозило опасностью не только ему, но и всему дому Нохамапитан. Одно дело — напортачить самому, и совсем другое — задеть честь собственной семьи.

«Будешь смелым — станешь герцогом Края», —

говорила ему Надаше. Улыбнувшись, Грени попытался представить, как поступила бы на его месте сестра, и, когда до встречи с герцогом Края и графом Клермонтом оставалось меньше двух часов, решил, что именно так и сделает.

Герцог, граф и Грени провели около часа за ранним ужином с чаем в восточной внешней галерее Уэзерфейра, откуда открывался прекрасный вид на город; беседа шла о совершенно несущественных мелочах. Грени видел, что это требовало определенных усилий от графа: тот явно полагал, что Грени похитил и собирался пытать его сына. Потом все трое перешли в личный кабинет герцога, где обсудили наедине ряд более существенных вопросов, не касаясь при этом похищения и пыток сына графа, на что ушло еще около часа.

Затем герцог дал понять, что пришло время извинений. Кивнув, Грени встал и расположился между графом, устроившимся в кресле, и герцогом, сидевшим за столом. Он глубоко вздохнул, словно намекая на то, как трудно ему произнести надлежащие слова, а потом достал из правого внутреннего кармана пиджака спрятанный там маленький излучатель и выстрелил в графа, оглушив того до бесчувствия.

— Грени, что ты, черт побери… — начал герцог

и тут же замолчал: в его легком появилась дыра от пули из маленького пистолета, который Грени достал из левого внутреннего кармана пиджака, уронив излучатель на пол, чтобы освободить руки для нового оружия. Герцог едва успел в замешательстве бросить взгляд на входную рану, а затем снова на Грени, когда тот выстрелил ему в лицо. Пуля вошла чуть ниже правого глаза и, пронзив мозг, застряла в задней стенке черепа.

Поспешно вытащив носовой платок, Грени стер с пистолета свои отпечатки и вложил его в руку лежащего без сознания графа, убедившись, что отпечатки того остались на рукоятке и спусковом крючке. Затем он подобрал излучатель, вытер его, оставил на нем отпечатки герцога, бросил на пол и открыл ящик герцогского стола, где было бы логично держать излучатель для самозащиты.

Затем Грени метнулся к двери кабинета, распахнув ее в тот самый момент, когда по другую ее сторону оказались услышавшие выстрелы слуги и охрана герцога.

— Они застрелили друг друга! — успел сказать Грени, прежде чем слуги и охрана ворвались в кабинет, и рухнул возле двери, будто бы в шоке, тяжело дыша. Впрочем, особого значения это не имело — никто не обращал на него внимания,

поскольку труп герцога представлял куда более серьезную проблему.

Грени это вполне устраивало: он вовсе не хотел, чтобы на него обращали внимание. Ему хотелось, чтобы всеобщее внимание было привлечено к герцогу и графу и чтобы взору каждого в кабинете предстало очевидное: граф достал маленький пистолет, герцог достал настроенный на оглушающий режим излучатель, потом кто-то выстрелил первым — и все полетело к черту, после чего один оказался мертв, а другой без чувств. Чем дольше остальные это видели — кабинет уже был забит людьми, — тем скорее их глаза заставили бы мозг поверить в историю, которую собирался рассказать Грени.

— Герцог позвал меня, чтобы я извинился перед графом, — чуть позже рассказывал Грени сэру Онтейну Маунту. Имперскому бюрократу пришлось участвовать в расследовании, поскольку убийство действующего герцога действующим графом — проблема империи, даже если речь шла о герцоге Края, которого сэр Онтейн с радостью бы увидел повешенным, если бы мятежники добрались до него. В морге, кроме них двоих, не было никого — лишь лежащее перед ними на мраморной плите тело герцога.

— Надо полагать, за похищение его сына? — спросил Маунт.

— За предполагаемое похищение, — поправил Грени. — И я действительно извинился, но не за похищение Марса Клермонта, которого не было, а за то, что чересчур горячо разговаривал с сыном графа, из-за чего и возникло недоразумение.

— И как это воспринял граф?

Грени показал на мраморную плиту:

— Его это не убедило.

— Почему граф не выстрелил в вас, лорд Грени?

— Сэр?

— Именно вас он обвиняет в похищении сына, и именно на вас, по логике, он должен направить свой гнев. К тому же вы в буквальном смысле были у него на мушке.

— Граф считал, будто я сделал это по указанию герцога. По крайней мере, так он сказал, прежде чем началась стрельба.

— А почему он так считал?

— Потому что несколько дней назад герцог послал меня к графу, чтобы я уговорил того нелегально переправить ему имперские средства для оплаты оружия, которое похитили пираты, требуя выкупа. Граф ответил «нет», как и следовало

ожидать, — и, естественно, предположил, что герцог приказал мне похитить сына и тем самым надавить на отца.

— Но ведь вы действительно разговаривали с молодым Клермонтом по поручению герцога?

— Да. — Грени отметил про себя, что Маунт, похоже, клюнул на его ложь насчет похищения; но говорить, конечно, ничего не стал. — Герцог знал, что я не одобряю его план «позаимствовать» средства, но я все равно их попросил, ведь он все-таки был моим герцогом.

— И все-таки странно, что граф не попытался выстрелить в вас.

— Может, он собирался. Но у герцога оказался излучатель — вряд ли граф ожидал этого.

— Да, — согласился Маунт. — Главу охраны герцога это тоже удивило. Он сказал мне, что герцог не очень любил оружие и не носил его, считая это делом телохранителей.

— Вероятно, герцог проявил предусмотрительность, зная, что граф на него рассержен.

— Да, но где он взял излучатель? Охранники говорят, что никогда прежде его не видели.

Грени изобразил замешательство.

— Так что, лорд Грени? — настаивал Маунт.

— Излучатель мой, я одолжил его герцогу, — от-

ветил Грени. — Я купил его какое-то время назад, когда начались проблемы из-за мятежа.

— У вас есть собственные охранники.

— Они не ходят со мной все время. Герцог знал, что у меня есть оружие — хотя я, разумеется, никогда не носил его при нем, — и попросил меня взять излучатель с собой. Ради его безопасности.

— Он мог приказать своим охранникам присутствовать при встрече или обыскать графа в момент прибытия.

— Думаю, он считал, что и то и другое еще больше разозлило бы графа. Предполагалось, что встреча должна залечить взаимную обиду, и герцог решил устроить ее в Уэзерфейре, в частной резиденции, а не в общественном здании. Это была дружеская встреча, а не официальная.

Маунт снова взглянул на мраморную плиту:

— Похоже, герцог просчитался.

— Как вы намерены поступить с графом Клермонтом? — спросил Грени.

— Пока что он наверху, в отдельной комнате, в окружении шестерых моих морпехов. Все еще без сознания. Думаю, когда, очнувшись, он расскажет не то же самое, что сейчас рассказали вы.

— Не знаю, — ответил Грени. — Наверняка он до сих пор злится на меня, и не удивлюсь, если

он заявит, будто я причастен к этому — ну, то есть, помимо того, что я одолжил герцогу свой излучатель. Хотя об этом он знать не мог. Есть запись с камер из кабинета?

— Охрана говорит, что в Уэзерфейре никаких камер нет, — покачал головой Маунт. — Герцог называл его «святая святых», что бы это ни значило.

Грени кивнул, притворяясь, будто ему неизвестно, что никаких реальных мер безопасности в Уэзерфейре не предпринималось.

— Следующий герцог будет умнее, — сказал он.

— Вопрос в том, кто им станет. — Маунт показал на тело. — У этого нет ни наследников, ни близких родственников, а в брачном контракте с герцогиней указано, что она не может наследовать титул. Похоже, он не вполне ей доверял.

— Есть какой-нибудь протокол? Как представителю импero, вам придется одобрить любого, кто заявит свои права на титул.

— Да, в отсутствие прямого наследника временного герцога назначаю я. Конечно, мою кандидатуру в любом случае должен одобрить импero. Я предпочел бы попросту передать титул следующему по рангу аристократу, то есть графу Клермонту.

— Не самая удачная мысль в данных обстоятельствах, — заметил Грени.

— Нет, конечно. Есть еще несколько графов и баронов, которых я счел бы подходящими, но одни бежали с планеты, а другие либо скрываются, либо вступили в союз с мятежниками и поэтому не годятся — по крайней мере, пока.

— Что, если явится сама предводительница мятежников? Ливи Онджстен, их генерал?

— Я не собираюсь назначать ее лишь потому, что герцог мертв и теперь ей не нужно его свергать, — усмехнулся Маунт. — Мятеж продолжается, и в нем не побеждают по умолчанию.

Грени изобразил молчаливую задумчивость, дожидаясь реакции Маунта.

— Что такое? — наконец спросил тот.

— Возможно, мне не следует об этом говорить… — запинаясь, пробормотал Грени. — Но несколько месяцев назад герцог тайно поручил мне провести переговоры с мятежниками, чтобы выяснить, есть ли выход из сложившейся ситуации. Их ресурсы истощаются, как и наши, и обе стороны ищут приемлемый вариант. Но теперь герцог мертв, и повстанцы наверняка захотят завладеть троном. Если не действовать быстро и решительно, мятежники вскоре образуют сопер-

ничающие группировки, главари которых станут сражаться за герцогство, отчего всем остальным на Крае станет только хуже.

— И что вы предлагаете? Чтобы я в самом деле сделал герцогиней эту Онджстен?

Грени покачал головой:

— О смерти герцога уже известно?

— Нет, — ответил Маунт. — Пока что всем известно лишь то, что граф Клермонт находится наверху. Но они не знают, что он, — Маунт показал на герцога, — здесь, внизу. Впрочем, это ненадолго.

— Я могу связаться с Онджстен сразу же после нашего разговора. Позвольте мне предложить ей немедленное перемирие, согласие с некоторыми политическими целями повстанцев и титул.

— Какой титул?

— Графини.

— Клермонт? — язвительно спросил Маунт.

— Возможно. Если он освободится после суда. Но вы говорили, что несколько графов бежали. Дайте ей один из освободившихся титулов, а ее сообщникам — титулы пониже. И всеобщую амнистию для ее бойцов. Хватит одного звонка, чтобы покончить с мятежом раз и навсегда.

— Не многовато ли для одного звонка? — заме-

тил Маунт.

— Ему предшествовали месяцы работы, — ответил Грени. — В принципе, мы уже договорились с ее людьми по большинству вопросов. Остается лишь воплотить договоренность в жизнь.

— А если Онджстен не согласится?

— Тогда я сообщу ей, что в дело вступает имперская морская пехота.

— Это не входит в наши намерения, лорд Грени, — жестко возразил Маунт.

— Конечно нет! Но ей вовсе не обязательно об этом знать, зато у нас есть отличный рычаг воздействия. Я скажу ей: «Либо получите все, чего хотите, либо Взаимозависимость вас раздавит». Неплохая мотивация.

— Вы уверены, что сумеете?

— Думаю, сейчас это для нас лучший шанс. И вряд ли он будет у нас долго.

— Тогда действуйте, — кивнул Маунт.

— Вот только, сэр Онтейн, у меня нет для этого формальных полномочий. Пока.

Грени дождался, пока Маунт не осознает смысл сказанного: много времени не потребовалось, поскольку Маунт был далеко не дурак. Затем Грени пришлось ждать, пока Маунт не взвесит мысленно все «за» и «против». Он наблюдал

за сменяющимися на лице Маунта чувствами — пониманием, что Грени, по сути, загнал его в ловушку, получив от него все желаемое; досадой из-за того, что так легко поддался на манипуляцию; подозрением, что Грени, возможно, подстроил убийство специально для этого, вместе с завуалированным восхищением — если это действительно было так; уяснением, что для всех будет лучше, если проклятый мятеж закончится — неважно, какой ценой; и обреченным сознанием того, что это ничтожество Нохамапитан, вероятно, дает Маунту шанс быстро разделаться со всем дерьмом.

Грени понял, что Маунт собирается предложить ему титул герцога, за несколько сотых секунды до того, как это произошло.

— Ладно, лорд Грени, — сказал Маунт. — Если вы добьетесь прекращения огня в ближайший час и перемирия в ближайшие сутки — станете исполняющим обязанности герцога. Я начну готовить документы для выдвижения вашей кандидатуры. Но я хочу, чтобы вы поняли, мой юный друг: если я узнаю, что ваш рассказ об убийстве герцога хоть в чем-то расходится с реальностью, вашим герцогством на всю оставшуюся жизнь станет камера размером три на три метра. И я

лично постараюсь, чтобы вы прожили как можно дольше. Вам ясно?

— Конечно, сэр Онтейн.

— В таком случае поздравляю, лорд Грени, временный герцог Края. Приступайте к работе.

Маунт направился к выходу из морга, и Грени с трудом подавил радостную дрожь.

Час спустя он добился прекращения огня и дал указания о подготовке к перемирию. Естественно, угрожать генералу Онджстен имперской морской пехотой не пришлось — та и так работала на него.

Два часа спустя Грени сообщил капитану «Красной розы» Вимсону, что плата за причиненный кораблю ущерб и оружие поступит сразу же после того, как он формально станет исполняющим обязанности герцога: пусть они еще немного потерпят, убить его никогда не поздно.

Три часа спустя новому исполняющему обязанности герцога Края сообщили, что граф Клермонт пришел в себя. Грени решил нанести ему визит, приказав всем, включая шестерых имперских морпехов, ждать по другую сторону двери. Те подчинились, хоть и без особой радости. Взяв в углу комнаты стул, Грени поставил его рядом с больничной койкой, чтобы никто не мог слы-

шать их разговора с графом.

— Я теперь герцог Края, — сказал Грени.

— Поздравляю, — чуть помедлив, ответил граф, в голосе которого явно не чувствовалось никакого восторга.

— Спасибо, — все же кивнул Грени. — Теперь слушайте. Нужно договориться о ваших показаниях. А они таковы: вы убили герцога за то, что тот приказал мне похитить вашего сына. Вы с ним поскандалили и достали пистолет, он достал излучатель, и больше вы ничего не помните — оглушающий заряд отшиб вам память.

— Вы хотите, чтобы я признался в убийстве?

— Да. Хочу.

— Не слишком-то выдающийся план, лорд Грени.

Грени не стал обращать внимания на то, что герцог отказался титуловать его по-новому.

— Взамен я даю вот что: вас осудят за убийство, но я позволю вам отбывать наказание под домашним арестом в Клермонте. Вы откажетесь от титула, и я устрою так, что он перейдет к вашей дочери, а не будет позорно отобран у вас. Вы уйдете с должности имперского аудитора, и я назначу на нее человека по своему выбору. Но я гарантирую вам прежнее жалованье и добавлю

к нему выплату на содержание резиденции. Вы никому ничего не должны сообщать, в том числе дочери. Да, и скажите ей, чтобы она не пыталась меня убить под покровом ночи.

Граф лишь усмехнулся. Грени продолжил:

— Если вы со всем согласны, через пять лет я вас помилую. Скажу, что покойный герцог до такой степени угрожал вам и вашей семье, что у вас возникло ощущение, будто ничего другого не остается. На вас оказывали непомерное давление, я присутствовал при этом и могу все подтвердить. Так что — признание, пять лет дома, под замком, а затем помилование.

Граф слабо рассмеялся.

— Что тут смешного? — требовательно спросил Грени.

— Лорд Грени, вы не представляете, что случится в следующие пять лет, — ответил граф.

— Напротив, Клермонт, отлично представляю. Грядут перемены. Край станет сердцем Взаимозависимости. Все пути будут вести сюда.

— Нет. Сюда не будут вести никакие пути. Через пять лет мы останемся в одиночестве. Это физически неопровержимый факт.

Грени вдруг стало не по себе, и он понял, что виной тому последняя фраза графа.

— То есть?

— Зачем, по-вашему, я отослал своего сына, лорд Грени? Именно сейчас?

— Чтобы бежать от здешних сражений и пожаловаться на меня импero из-за похищения.

Именно потому Грени хотел убрать Марса, если того не удастся вернуть. Грени не знал, насколько серьезным влиянием пользовался граф Клермонт при имперском дворе, но Надаше и Амит уж точно не оценили бы доклад с Края о его действиях, сильно усложнивших им жизнь.

Граф покачал головой:

— Я приказал ему улететь именно сейчас, поскольку иначе он не смог бы улететь вообще.

— Вы про течение Потока? — озадаченно спросил Грени. Что мог имперский аудитор знать о течениях Потока? Специальностью графа были налоги, а не физика… — Господи. — Грени широко раскрытыми глазами уставился на графа. — Так вы — тот самый?

Граф Клермонт посмотрел на Грени так же озадаченно, но с легкой улыбкой:

— Кто?

— Тот самый! Специалист по физике Потока! Тот, чью работу взяла за основу Хатида Ройнольд.

До Клермонта, видимо, начало доходить.

— Да, я ее помню. Много лет назад она прислала мне часть своей работы и список вопросов.

— И вы не ответили?

— Нет. У меня был приказ импере: ни с кем не обсуждать свою работу. — На лице Клермонта внезапно появилась тревога. — И вы считаете, что ее выводы точны? Что течения Потока перемещаются к Краю?

У Грени отвалилась челюсть. Клермонт хлопнул по краю койки:

— Ну конечно же! Все ясно! — Клермонт громко, почти возбужденно расхохотался. Один из морпехов заглянул в дверь, но Грени рассерженно отмахнулся.

Наконец к Клермонту вернулось самообладание, и он посмотрел на Грени, утирая выступившие на глазах слезы.

— Несчастный, тщеславный глупец, — сказал он.

— Что вам известно? — спросил Грени.

— Мне известно, что Хатида Ройнольд делала расчеты весьма небрежно. Мне известно, что если бы она не проверяла некоторые из своих базовых допущений, то, вероятно, ушла бы далеко от реальности. Ее работы, которые вы видели,

проходили экспертную оценку?

— Нет, — ответил Грени.

— Ну конечно, — кивнул Клермонт. — Как и я, она работала в одиночку, имея покровителя. Но без экспертной оценки не обойтись, лорд Грени. Пока Марс не стал достаточно взрослым и не начал проверять работу за мной, мне приходилось двигаться вслепую, и я сделал ряд дурацких ошибок, которые просто не заметил. Ройнольд тоже их совершала — я знаю, я видел. И вероятно, так и не исправила их. — Клермонт наклонился и слабо ткнул Грени в грудь. — А вы — всего лишь невежественный и алчный трус. И не поняли, что к чему.

От толчка Грени невольно вздрогнул.

— Что вы хотите сказать? — спросил он.

Улыбнувшись, Клермонт снова откинулся на койку:

— Ничего, лорд Грени. Пока вы не решите отправить своему дому доклад со всеми подробностями своего внезапного восхождения к герцогскому титулу. Вы ведь собираетесь это сделать?

— Да, собираюсь.

Доклад должен был отправиться на почтовом дроне, маленьком беспилотном кораблике, паривше в космосе у самой отмели Потока,

на который передавалась в электронном виде информация — личные письма и фотографии, деловая переписка, отчеты, поддававшаяся оцифровке интеллектуальная собственность. Раз в сутки один из дронов уходил в Поток вместе со всей накопившейся информацией, и раз в сутки из Потока появлялся другой дрон с личными письмами, деловой перепиской и так далее, которые передавались на Край. Почта всегда опаздывала, поскольку Край находился слишком далеко, но всегда доходила.

— Составляйте свой доклад, — снова кивнул Клермонт. — Отсылайте его. А потом, когда случится то, что должно случиться, опять приходите ко мне — и я назову вам свои условия.

— Когда случится что?

— Вы узнаете.

— И какие условия, по-вашему, вы сможете продиктовать?

— Для начала мне не хотелось бы иметь на своем счету убийство. А потом посмотрим. Но вот что я вам скажу, лорд Грени: вы серьезно ошибаетесь. Лично я в вас не нуждаюсь. Ну а вам я вполне могу понадобиться, и даже сильнее, чем вы думаете. Так что идите, пишите свой доклад. Буду молчать, пока вы не вернетесь.

Клермонт махнул рукой, отпуская Грени, и тот вышел, не скрывая замешательства.

Грени отправился в свой кабинет в здании дома Нохамапитан — на переезд в герцогский дворец требовалось время, хотя при самой мысли об этом его бросало в радостную дрожь, — и составил доклад для Надаше. Зашифровав доклад, он отослал его по закрытому каналу на почтовый дрон и стал ждать подтверждения приема. Подтверждение пришло несколько минут спустя вместе с указанием на время отправки дрона — оставалось чуть меньше получаса. Подтвердив получение, Грени занялся другими делами — в основном разбором докладов от команды, завершавшей подготовку перемирия с мятежниками.

Дел накопилось достаточно, и лишь три часа спустя он обнаружил дополнительное извещение от почтовой службы, сообщавшее, что его почта не может быть доставлена вовремя. В качестве причины указывался «отказ дрона», что означало какую-то неисправность. Содержавшаяся в дроне информация, включая доклад Грени, была передана на другой дрон (возле отмели Потока они парили десятками) для дальнейшей пересылки.

Отметив это, Грени собрался вернуться к прерванной работе, но тут увидел еще два извещения

о задержках вследствие физической неисправности. Пока он читал третье, в очереди появилось четвертое.

Грени связался со своим помощником.

— Что творится с почтовыми дронами? — спросил он.

— Не знаю, сэр, — последовал ответ. — Все жалуются. Вся почта перебрасывается с одного дрона на другой.

Прежде чем Грени успел ответить, звякнул его планшет, сообщая, что с ним хочет говорить сэр Онтейн Маунт. Разорвав связь с помощником, он ответил Маунту.

— Похоже, у нас проблема, — сказал тот.

— С переговорами? — спросил Грени.

— Нет, с другим. «Пятерка» под названием «Потому что я так хочу» только что вышла на связь с Имперской станцией. Корабль собирался войти в Поток.

— Проблема с кораблем?

— С кораблем все в порядке. Все дело в отмели Потока.

— Что с ней?

— Ее там нет, лорд Грени. Полностью исчезла.

Несколько часов спустя, после ряда лихорадочных встреч, Грени вернулся в больничную палату

графа Клермонта.

— Прекрасно, вот вы и вернулись, — сказал Клермонт, показывая на имперских морпехов. — Мне сообщили, что со мной все в порядке и меня выпускают из больницы, чтобы передать местным властям; как я понимаю, теперь это ваши люди. Судя по всему, мне предстоит отправиться в тюрьму.

— Оставьте нас одних, — сказал Грени всем, кроме графа, и палата опустела. Грени снова повернулся к Клермонту. — Вы все знали. Про Поток.

Клермонт кивнул:

— Он мог не обрушиться до того, как вы отослали свой доклад, и наш разговор был бы другим. По крайней мере, пока. Но если бы Поток не обрушился сегодня, это все равно случилось бы завтра или послезавтра — в любом случае не позже чем через неделю. И тогда наш разговор все равно бы состоялся.

— Если течение Потока разрушилось — выходит, вы послали сына на смерть?

— Нет. Я предсказал, что это течение начнет распадаться с входной отмели. Выходная отмель будет существовать еще несколько месяцев. Впрочем, это неважно: никто другой не войдет в

течение, и можно считать, что оно исчезнет, как только его покинут все находящиеся там сейчас корабли. Все, кто оказался на Крае, останутся здесь на долгое время.

— На какое именно?

— Конечно же навсегда, лорд Грени.

Грени не нашелся что ответить.

— И еще кое-что, — сказал Клермонт.

— Что?

— Течение Потока в направлении от Края закрылось. Но я предсказываю, что течение в сторону Края останется открытым еще несколько лет. Уже есть признаки распада, но какое-то время оно продержится. И возможно, даже окажется последним течением Потока во Взаимозависимости, которое разрушится полностью.

— И что это значит? — спросил Грени.

— Это значит, что нам следует готовиться к появлению гостей.

— Гостей?

— Да.

— Много их будет?

— Все, кто сумеет добраться сюда живым, — ответил Клермонт и хлопнул в ладоши. — Итак, лорд Грени: вы убийца и узурпатор, и вы пытались повредить моему сыну. В идеальном мире

вы уже были бы мертвы или гнили в тюрьме за все, что совершили за последние несколько лет. Меня вполне устроил бы любой вариант. Но так уж вышло, что теперь вы герцог Края. Как я понимаю, став герцогом, вы тут же нашли волшебный способ покончить с мятежом? — (Грени кивнул.) — А значит, вы сами активно участвовали в мятеже, совершив предательство? — (Грени лишь пожал плечами.) — Так я и думал. В любом случае настал мир, который понадобится для всего, что ждет нас дальше, и без вас его, увы, поддерживать не удастся. Значит, если от вас сейчас избавиться, возникнет больше проблем, чем решится. Я мог бы попытаться что-то изменить — полагаю, вполне можно связаться с сэром Онтейном и устроить скандал. Но теперь, когда вам известно о распаде течения Потока, вы должны понимать, что нам грозят проблемы посерьезнее, чем повстанцы и заговоры. Так что предлагаю вам свою поддержку.

— В самом деле? — удивленно моргнул Грени. — При всем к вам уважении, сэр, думаю, вы ошибаетесь насчет того, кто в чьей поддержке нуждается.

— Вовсе нет. Вам предстоит принять ряд решений, от которых зависит, переживет ли челове-

чество этот коллапс. Те люди, которые уже здесь, и те, которые прибудут к нам. Вы тщеславны и алчны и явно участвовали в более обширных планах вашего дома по захвату власти во Взаимозависимости. Что ж, неплохо.

— Неплохо?

— Насчет последнего — да. Это значит, что ваши тщеславие и алчность служат чему-то большему, нежели вы сами. Это значит, что вы, возможно, могли бы стать не просто алчным социопатом, но и кем-то другим. Возможно, вас действительно заботит судьба Взаимозависимости и ее народа. Если все это так или, по крайней мере, вы готовы этому учиться, я согласен вам помочь. Если нет — можете приказать морпехам за дверью пристрелить меня на месте. Сейчас мне все равно. Но если вы готовы прибегнуть к моим услугам — как вам и следовало бы поступить, — у меня есть ряд условий и требований. Мне кое-что от вас понадобится, и я должен быть уверен, что вы не только ничтожный самовлюбленный делец, каким были до сих пор. Мне нужно поверить, что вы действительно способны спасти мир.

Грени в буквальном смысле лишился дара речи — как будто язык и мозг, два его преимущества, высохли и улетучились.

Клермонт пристально посмотрел на Грени:

— Вы ведь не думали, что ваше герцогство и прочие планы ждет такая судьба?

Грени открыл рот, но сумел издать лишь квакающий звук. Судорожно сглотнув, он попробовал еще раз.

— Нет, — ответил он.

— Получается, для вас это сюрприз, лорд Грени, — сказал Клермонт. — Что дальше? Воспользуетесь моими услугами или нет?

Часть третья

Глава 13

Меньше чем через десять минут после того, как «Да, сэр, это моя малютка» вышел из Потока в системе Ядра и начал свой тридцатисемичасовой полет в реальном пространстве к Имперской станции Ядра, в увеселительном районе города Чедвик на Ядре взорвалась бомба. Бомбу заложили в ресторане, и взрыв произошел в послеобеденное время, убив десять посетителей ресторана и двоих прохожих. Сам ресторан оказался полностью разрушен.

Реакция последовала быстро. Из своих укрытий выскочили автоматические противопожарные модули, уменьшая угрозу пожара; система воздухоснабжения переключилась в режим фильтрации твердых частиц, сохраняя воздух пригодным для дыхания. Ведшие в эту часть Чедвика массивные двери, крайне редко приводившиеся в действие, закрылись наглухо, не давая распространиться возможному возгоранию, последствия которого в замкнутом подземном пространстве могли быть ужасными. Перекрыты были и транспортные туннели, которые вели в Чедвик и из него. До того как

местные и имперские власти снова открыли бы туннели, проникнуть в Чедвик или покинуть его можно было только по поверхности, в полном вакууме. Даже служебные туннели, выходившие на поверхность, были закрыты и надежно охранялись.

Впрочем, все это не имело значения.

— Мы изучили данные с камер наблюдения за предшествующую взрыву неделю, как внутри ресторана, так и на близлежащих улицах, — сказал через три часа после катастрофы Гдживен Лобланд, имперский следователь, видеоизображение которого передавалось с места происшествия в зал заседаний исполнительного комитета. — Ничего. Ни закладок, ни оставленных посетителями вещей, ни подозрительной активности. Мы опознали всех клиентов и персонал и сейчас проверяем всех, начиная с тех, кто имеет криминальное прошлое. Пока что все чисты.

— Как же туда попала бомба? — спросила Упекша Ранатунга, представлявшая парламент.

— Мы это выясняем. Судя по видеозаписям, взрыв произошел в задней части ресторана, в складских помещениях. Сейчас там работают наши эксперты.

— Если взрыв произошел в складских помещениях, бомба могла оказаться среди доставленных товаров, — сказала архиепископ Корбейн. — И пролежать там несколько дней или даже недель.

— Да, ваша светлость, — согласился Лобланд. — Наши следователи изучают сведения обо всех поставках. Мы выясним, откуда взялась бомба.

— Кто-нибудь взял на себя ответственность? — спросила Кардения.

— Нет, ваше величество. Пока нет. Мы отслеживаем средства связи по всей планете, и если что-нибудь узнаем, доложим вам.

Кивнув, Кардения дала знак отключить видеосвязь.

— Думаю, мы знаем, кто это, — послышался голос с конца стола.

Подняв взгляд, Кардения увидела Надаше Нохамапитан, которая недавно стала членом исполнительного комитета вместо внезапно скончавшегося Саммана Темаменана, о чьей смерти Кардения весьма сожалела.

— Вы хотите сказать, что это сепаратисты с Края? — спросила Кардения.

— Это уже четвертый взрыв на Ядре за последние два месяца, — ответила Надаше. — И все очень похожи друг на друга. Нам также сооб-

щают о подобных происшествиях в трех других системах — после того, как туда дошло известие о вашей коронации и взрыве после нее.

— Возможно, это какие-то подражатели, — заметила Ранатунга. — И мы арестовали тех, кто устроил взрыв после коронации.

— Мы убили виновников взрыва, — поправила Корбейн.

— Предполагаемых виновников взрыва, — добавила Кардения. Оба действительно были родом с Края, но больше о них почти ничего не было известно — не считая того, что они подорвались на небольшой бомбе за миг до вышибания двери имперскими солдатами и что в квартире на Ядре, где их обнаружили, нашлись вещественные доказательства их причастности к взрыву на коронации.

— Мы убили двоих человек, — сказала Надаше. — Но мы не знаем, уничтожена ли вся их ячейка или сеть.

— И что вы предлагаете, леди Надаше? — спросила Корбейн. — Кроме того, чем мы занимаемся уже сейчас?

— Архиепископ, я согласна с тем, что наши местные и имперские следователи делают все возможное. Проблема не здесь, а на Крае. Взаи-

мозависимости пора вмешаться, взять власть на планете в свои руки и подавить тамошний мятеж.

— Вы уже говорили, что таково предложение ваших членов парламента, — заметила Ранатунга.

— Так считают не только члены парламента от Тератума, депутат Ранатунга.

— Говоря о ваших членах парламента, я имела в виду не только представителей вашей родной системы, леди Надаше. Я имела в виду также представителей других систем, чьи голоса вы купили ради вашего крестового похода.

— Меня возмущает намек на то, будто дом Нохамапитан поступает неподобающим образом, — ощетинилась Надаше. — Так поступил бы любой другой дом или гильдия, будь это в его интересах.

— И в чем состоит ваш интерес, леди Надаше? — спросила Кардения.

— Наш интерес состоит в том, чтобы избежать возможного срыва торговли и чтобы гражданам Взаимозависимости ничто не угрожало. И в том, чтобы те, кто покушается на импero, понесли наказание. Импero, которого считают слабым или уязвимым, способствует хаосу.

— Вы хотите, чтобы наша законодательная система подчинялась мнениям посторонних?

— Не только, — ответила Надаше. — И не главным образом. Но и это, конечно, тоже.

Кардения повернулась к Ранатунге:

— Как сейчас настроен парламент в этом отношении?

Прежде чем ответить, Ранатунга бросила взгляд на Надаше.

— Парламент возмущен террористическим актом во время вашей коронации, мэм. Полагаю, они разочарованы смертью предполагаемых террористов. А после новой волны взрывов многие выступают за более решительный ответ.

— Что говорят члены парламента с Края?

— Когда я с ними беседовала, они утверждали, что не получали никаких разведданных или указаний от своего герцога. И они сомневаются, что нынешний мятеж имеет целью атаку на остальную часть Взаимозависимости…

— Естественно. Что еще они могут сказать? — вмешалась Надаше.

— …И что повстанцев вообще это интересует, — продолжала Ранатунга. — Мятежи на Крае случались бессчетное количество раз. Ничего удивительного: Взаимозависимость отправляет

туда тех, кто доставляет ей проблемы. Но мятежи никогда не выходили за пределы планеты, так что местные члены парламента настроены достаточно скептически.

— Вряд ли это утешит родственников жертв, — заметила Надаше.

— Несмотря на этот скептицизм, резолюция о введении имперского правления на Крае вполне может получить поддержку, если будет поставлена на голосование. Особенно сейчас, когда теракты, похоже, происходят все чаще.

— Гильдии тоже поддержали бы ее, — сказала Надаше.

— Но это может нарушить торговлю, — возразила Кардения.

— Всего лишь временно нарушить торговлю с Краем. Это лучше терактов, постоянно срывающих торговлю по всей Взаимозависимости. К тому же Край есть Край, и большинство домов и гильдий получают с него не так уж много доходов. Для моего дома это всего один процент поступлений. Думаю, для большинства других дело обстоит так же.

— А что скажет церковь? — обратилась Кардения к Корбейн.

— Церковь заботят гуманитарные соображе-

ния, — ответила та, — как и всегда во времена конфликтов. Но не забывайте, мэм: взрыв во время коронации был нацелен не только на вас. Он был нацелен на церковь и наш собор. В более широком смысле — церковь заботит безопасность каждой души во Взаимозависимости. Если взрывы в самом деле связаны с мятежом на Крае, ради спасения душ наших прихожан необходимо что-то предпринять.

Кардения задумчиво посмотрела на архиепископа:

— Благодарю вас.

— Что вы думаете, ваше величество? — спросила Надаше.

— Мы думаем вот что: пока не станет точно известно, кто стоит за взрывами и какова их цель, никаких действий в отношении Края предпринято не будет. — Кардения подняла руку, останавливая Надаше, явно собиравшуюся возразить. — Мы не имеем ничего против допущения, что это могут быть действия террористов с Края. Но предпринимать такие радикальные меры без доказательств было бы ошибкой. Пусть расследование продолжится.

— Парламент может счесть иначе, мэм, — сказала Ранатунга. — Особенно если теракты будут

происходить и дальше.

— Наверняка будет и давление со стороны гильдий, — добавила Надаше.

— Мы понимаем их настойчивость, — ответила Кардения. — Здесь, на Ядре, находится военно-транспортный корабль «Пророчества Рахелы». Если потребуется, мы сможем немедленно отправить на Край десять тысяч морских пехотинцев. Но, как мы надеемся, комитет напомнит парламенту и гильдиям, что целью первого взрыва были именно мы. Мы первыми потеряли людей. Мы первыми пострадали. И поэтому призываем к терпению. Если мы лишим независимости народ Края, он пострадает в любом случае, так что давайте убедимся окончательно.

— Да, мэм, — сказала Ранатунга.

Надаше промолчала. Кардения кивнула, давая понять, что можно расходиться.

— Леди Надаше, нам нужно поговорить наедине, — сказала она, когда все остальные члены исполнительного комитета покинули зал.

— Да, мэм, — кивнула Надаше.

— Я получила письмо с протестом против вашего назначения в исполнительный комитет, — продолжала Кардения, оставив царственное «мы» и намекая тем самым, что разговор будет

неформальным и не для протокола.

— Кажется, догадываюсь, — сказала Надаше. — От дома Лагос?

— Дом Лагос — один из подписавших, но не единственный.

— И в чем проблема?

— Их беспокоит, что дом Нохамапитан оказывает на меня слишком большое влияние — из-за вашего присутствия в комитете, из-за вашей прошлой близости с Реннередом и из-за того, что ваш брат Амит активно убеждает меня выйти за него.

Надаше едва заметно улыбнулась:

— При всем к вам уважении, мэм, я бы не стала употреблять слово «активно». Или, точнее, активность проявляет Амит. Вы же — в куда меньшей степени.

— Я ясно дала понять Амиту, что буду в течение года соблюдать траур по Наффе Долг.

— Да. Весьма продолжительное время для траура, мэм.

— Она была мне как сестра, леди Нохамапитан. К тому же это траур по всем жертвам взрыва на коронации, и попытка сократить срок стала бы неуважением к их памяти. — Третья причина, а именно желание выиграть время, прежде чем

рассмотреть Амита Нохамапитана в качестве возможного мужа, осталась невысказанной, но и Кардения, и Надаше прекрасно осознавали этот подтекст. — И все же среди многих домов бытует мнение, что ваш слишком уж влиятелен.

— Я напомню им, что меня избрали гильдии путем голосования. А поскольку дома контролируют соответствующие гильдии, меня избрало большинство домов.

— Верно. Но в письме мне напоминают, что, хотя, по обычаю, импето соглашается с назначениями церкви, гильдий и парламента в исполнительный комитет, он вправе отвергнуть или отправить в отставку кого-нибудь из членов комитета, если тот его не устраивает. Авторы письма любезно приводят несколько примеров этого.

— Вы намерены отправить меня в отставку, мэм? — спросила Надаше, и Кардения почувствовала напряженные нотки в ее голосе.

— Я не стала бы без причин пренебрегать решением гильдий, — ответила Кардения. — Но теперь, когда мне на это указали, я признаю, что дом Нохамапитан стал постоянной и очевидной составляющей моей жизни, создавая видимость непомерного влияния на меня. Возможно, ваше-

му дому следует решить, что он предпочитает: место в исполнительном комитете или шанс породниться с импер о.

— Могу я быть с вами откровенна, мэм? — помедлив, спросила Надаше.

— Слушаю.

— На самом деле вы не предлагаете мне особого выбора. Если я останусь в исполнительном комитете, вы получите повод отказать в сватовстве моему брату и по-прежнему сможете отправить меня в отставку в случае проблем. Если я уйду из комитета, вы по-прежнему сможете отказать моему брату, о браке с которым, если уж говорить откровенно, вы не думаете всерьез. Если хотите избавиться от меня или моего брата — поступайте, как сочтете нужным. Это право или привилегия импер о. Но не оправдывайте свои действия всей этой чушью.

Улыбнувшись, Кардения слегка пожалела о том, что выбирает партнеров для секса и романтических отношений только из лиц другого пола. С Надаше скучать бы не пришлось, в отличие от ее братца.

«Да она бы тебя живьем сожрала», — произнес внутренний голос. Что ж, вероятно, так оно и было бы. Надаше вряд ли удовольствовалась бы

ролью молчаливой супруги — ей хотелось править, что, если честно, было не так уж и плохо. Кардения никогда не испытывала желания стать импера. Все, чего она желала, — быть покровительницей гуманитарного благотворительного общества или чего-нибудь в этом роде. Так что в наличии тщеславной супруги, которая с радостью взялась бы за тяжкий труд управления империей, имелись и положительные стороны.

«Лишь до тех пор, пока супруга следует твоим планам», — снова подсказал внутренний голос. Именно это стало бы главной проблемой с Надаше Нохамапитан: какими бы ни были ее планы, они зародились задолго до вступления Кардении на трон, что играло отнюдь не в пользу Надаше. К тому же Кардения не рассматривала ее как сексуального партнера, хотя, в трауре или нет, нынешняя импера чертовски давно ни с кем не ложилась.

«Но и с Амитом тебе не хочется заниматься сексом», — напомнил внутренний голос. Что тоже было правдой — он подходил ей по полу, но нисколько не подходил как личность и к тому же выглядел настолько очевидной марионеткой в руках сестры, что в его присутствии у Кардении возникала лишь одна мысль: «Когда же я,

наконец, смогу уйти?» И точно так же Кардении было ясно, что Амит считает ее достаточно привлекательной, а значит, определенно хотел бы заняться с ней сексом.

«Если не хочешь секса ни с кем из них, с тем же успехом можешь выйти замуж за ту, кто тоже не хочет с тобой секса», — рассудительно заметил внутренний голос. Отличная мысль — вот только Кардения ничего не знала о сексуальной ориентации Надаше, зато прекрасно знала о ее тщеславии. Надаше наверняка бы вышла замуж за Кардению, если бы ей предложили, но захотела бы она всего, что обычно прилагается к этому? Возможно. Но Кардения такого желания вовсе не испытывала.

«Будто ты не можешь при желании получить секс», — подумала она. Конечно, она могла. Политический брак — это политический брак, но дом Мурн, контролировавший гильдию сексуальных услуг, успешно вел дела на Сиане. Кардения легко получила бы все, что пожелала, и уж точно оказалась бы не первым имперо, поступившим так, — о чем она узнала в Зале Памяти, когда по глупости спросила имитацию своего отца о его имперском супружестве и Аттавио Шестой поделился с ней откровениями о своих походах на сторону.

Кардению тогда передернуло от отвращения — не из-за того, что ее отец занимался сексом с другими, но потому, что, подобно большинству людей, она предпочитала не представлять, как ее отец или мать идут на такое. Кардения не имела ничего против сексуальных услуг как средства легко и быстро получить желаемое в случае нужды, но вовсе не хотела постоянно вести такую жизнь — или заводить любовников на стороне, исполняя роль супруги. Если она вдруг соберется выйти замуж, супруг должен стать для нее центром мироздания — пусть это и выглядело старомодно.

Помимо всей этой чуши насчет секса, возникала проблема с детьми — вполне разрешимая обычным образом с Амитом Нохамапитаном или техническими методами с Надаше, но оставался без ответа вопрос, хочется ли Кардении детей от кого-либо из них. Нохамапитаны как таковые не слишком ее волновали — она наверняка полюбила бы любого своего ребенка. Беспокоило другое: вряд ли ей понравится, если в нем возобладают черты характера Нохамапитанов.

Но, несмотря на все это, факт оставался фактом — Кардении не хотелось брака ни с Амитом, ни с Надаше Нохамапитан, не только потому, что

они совсем ее не привлекали, но и потому, что она ненавидела саму мысль о принуждении к политическому браку. Ненавидела Нохамапитанов за то, что они пытаются заявить свои права на нее. Ненавидела исполнительный комитет за то, что те молчаливо и недвусмысленно поддерживают их сватовство. Ненавидела политическую реальность, в которой брак с одним из Нохамапитанов становился предусмотрительным ходом для сохранения и осуществления власти империо. Ненавидела собственного брата за его гибель, ненавидела отца за то, что он предлагал ей не выходить замуж за Нохамапитана, в то время как все остальные люди, группировки и сама реальность усиленно советовали обратное.

«Моя жизнь — дерьмо, — подумала Кардения. — Я — империо всего человечества, и моя жизнь — дерьмо». Она невольно рассмеялась.

— Мэм? — вырвал ее из задумчивости голос Надаше.

— Прошу прощения, — ответила Кардения. — Я размышляла о затруднительном положении, в котором мы оказались.

— Могу я кое-что предложить? — спросила Надаше.

— Можете.

— Ради моего дома и моего брата я готова отказаться от своего места в совете, но только по причине вашего согласия на брак. Предлагаю следующее: пока вы в трауре, проводите больше времени с Амитом. Не только в формальной обстановке, но и тогда, когда у вас будет возможность побыть наедине. Возможно, вы начнете видеть в нем будущего партнера и супруга. А в годовщину вашей коронации скажите ему, согласны ли вы выйти за него замуж. Если да, я подам в отставку из исполнительного комитета. Но если нет — я останусь, и, по крайней мере, Амит и мой дом получат точный ответ. И пообещайте, что в таком случае вы не попытаетесь изгнать меня из комитета. Вас устраивает?

— Пожалуй, — подумав, ответила Кардения.

— Хорошо, — кивнула Надаше. — Тогда у меня есть для вас приглашение от Амита. На ваших верфях только что завершилось строительство последней «десятки» дома Нохамапитан, «Хочешь кричать — кричи». Амит приглашает вас осмотреть корабль вместе с ним.

— Когда?

— Через два дня.

— А когда ваш брат решил меня пригласить?

— Вчера. Он мог послать приглашение напря-

мую, но знал, что я вас увижу, так как заседаю в комитете.

— Значит, вы ожидали, Надаше, что у нас состоится этот разговор?

— Нет, мэм, — улыбнулась Надаше. — Я не могла даже представить, что дом Лагос станет убеждать другие дома добиваться моей отставки, хотя, узнав об этом, не слишком удивилась. И я не могла знать, что мы с вами сумеем договориться. Нет, мэм, все дело в том, что вы, похоже, в самом деле нравитесь Амиту. И он попросил меня стать посредницей.

— Вы хорошая сестра.

— Вполне обычная, — ответила Надаше. — Ну, то есть я все равно собиралась с вами увидеться. Особых усилий не требовалось.

Обе рассмеялись.

Вскоре Кардения вернулась в свои личные апартаменты.

— Я хочу, чтобы ты держал меня в курсе последних известий по поводу сегодняшнего взрыва, — сказала она Геллу Денгу. — И не только из новостных сводок.

— Конечно, мэм, — ответил Денг.

— И еще: я согласилась через два дня осмотреть новый корабль вместе с Амитом Нохамапитаном.

Свяжись с его людьми и обо всем договорись. Отведи на все два часа плюс время на дорогу. Во второй половине дня.

Денг слегка поднял брови, но ничем не выразил удивления, лишь сказал:

— Имперской гвардии потребуется детальный план и предполагаемый путь осмотра.

— Вряд ли он существует. Предполагается, что это неформальное мероприятие.

— Сомневаюсь, что Имперской гвардии это понравится.

— Тогда пусть сообщат людям Нохамапитана, что нужно придумать путь осмотра. Только мне не говорите — хочется сюрприза.

— Да, мэм. Вы также просили сообщить, если будут какие-то новости от графа Клермонта с Края.

— Да?

В первую неделю своего правления Кардения отправила графу письмо, сообщая о смерти Аттавио Шестого и запрашивая последние данные, полученные им. Но для ответа было еще слишком рано.

— Не от самого графа Клермонта, а от его сына, лорда Марса Клермонта. Он только что прибыл на «пятерке» Лагосов и будет на Имперской станции часов через тридцать. Просит вашей аудиенции.

— Его сын?

— Да, мэм.

— Это точно?

— Сообщение закодировано тем же шифром, что и вся корреспонденция графа Клермонта. Оно подлинное.

— С графом что-то случилось?

— В письме ничего не говорится. Назначить ему время или спустить ниже?

При дворе имперо имелось три с лишним десятка протокольных работников, которые встречались с мелкими чиновниками, аппаратчиками и подхалимами. Если один из них желал сообщить достаточно важные сведения, об этом извещали Денга, который решал, заслуживает ли данный вопрос внимания имперо.

— Назначь ему время.

— Могу выделить ему пятнадцать минут перед вашей прогулкой с Амитом Нохамапитаном. Лорду Клермонту вполне хватит времени, чтобы сойти с корабля и добраться на челноке до Сианя.

— Пусть его кто-нибудь встретит. Вероятно, он впервые за пределами Края, и мне не хотелось бы, чтобы он заблудился.

— Да, мэм.

— Есть у меня еще дела до конца дня?

— Лишь несколько мелочей. Все это может подождать.

Кардения кивнула:

— Тогда поговорю с предками. О политических браках.

— Наверняка они знают об этом все, мэм.

— Наверняка, — ответила Кардения и направилась в Зал Памяти.

Глава 14

— У нас две серьезные проблемы, — сказала Кива графине Хьюме Лагос, своей матери и нынешнему матриарху дома Лагос. — И одна намного серьезнее другой.

— Давай начнем с той, что поменьше, — предложила Хьюма.

— Нохамапитаны, мать их растак, — сказала Кива.

Хьюма рассмеялась.

Они сидели в представительстве дома Лагос на Ядре, в здании Дома гильдий, единственном крупном деловом сооружении на планете. Дом гильдий был построен семьсот лет назад, и его населяли самые старые и влиятельные дома Взаимозависимости, а вокруг, подобно просителям, теснились здания не столь значительных домов. Близость штаб-квартиры того или иного дома на Ядре к Дому гильдий примерно соответствовала его политическому влиянию. Лагосы занимали три нижних этажа Дома гильдий. Дом Нохамапитан располагался несколькими этажами выше, но занимал лишь полтора. Имперский дом Ву занимал двенадцать верхних этажей, включая

крышу, откуда было рукой подать до верхушки купола-поселения Ядропад, в котором находился Дом гильдий.

Графиня Лагос обычно не бывала в Доме гильдий, ведя дела своего дома из Икойи, родной системы Лагосов; управляющими на Ядре и Сиане служили ее родственники. Неделю назад, однако, графиня прибыла на Ядро, чтобы присутствовать на заключительных переговорах по поводу соглашения об обмене лицензиями с домом Джемисин. Граф Джемисин планировал прибыть через два дня, и Кива пока что предпочла поделиться своими проблемами с матерью, а не с лордом Претаром, старшим управляющим Лагосов на Ядре, которого она всегда считала надоедливым придурком.

— И какие у нас проблемы с Нохамапитанами? — спросила Хьюма. — Помимо обычных?

— Во-первых, я уверена, что именно Нохамапитаны устроили вредительство на Крае, заразив вирусом нашу продукцию, из-за чего тамошний герцог наложил на нас эмбарго и забрал наши деньги. Во-вторых, я точно так же уверена, что Грени Нохамапитан, их управляющий на Крае, убедил герцога забрать наши деньги для финансирования гражданской войны с повстанцами.

В-третьих, за мятежом на Крае почти наверняка стоят Нохамапитаны, и в частности Грени Нохамапитан, но доказательств у меня нет. В-четвертых, самое важное, этот засранец Грени Нохамапитан пытался заложить на наш корабль бомбу, а потом наслал на нас пиратов.

Какое-то время Хьюма Лагос молча размышляла над словами дочери.

— Чисто из любопытства, — наконец спросила она, — если это та проблема, что поменьше, какова же более серьезная?

— Полный распад Потока, конец Взаимозависимости и возможная гибель человечества.

Хьюма удивленно уставилась на дочь:

— Когда?

— В ближайшие несколько лет.

— И откуда у тебя такие сведения?

— От одного из пассажиров «Да, сэр», который оказался спецом по физике Потока.

— Но почему он тебе об этом рассказал?

— Потому что я его оттрахала.

— И ты ему поверила?

— Угу. Я до конца не понимаю всего, но не сомневаюсь, что хотя бы отчасти это правда. Мы все в полнейшей заднице, мама.

— Где сейчас тот пассажир?

— Летит к импер — поговорить об этом.

— Гм, — проговорила Хьюма и снова задумалась. — Ладно. Мы что-нибудь можем сделать в связи с этим «концом Взаимозависимости», прежде чем я подпишу договор с домом Джемисин через два дня?

— В общем-то, ничего.

Хьюма кивнула:

— Тогда давай сосредоточимся на Нохамапитанах. Расскажи мне обо всем.

Кива подробно описала все путешествие «Да, сэр» на Край, сопровождая свой рассказ множеством комментариев. В какой-то момент их прервал лорд Претар, вошедший в кабинет, который на самом деле принадлежал ему. Графиня Лагос отправила лорда восвояси, даже не взглянув на него, и тот поспешно ретировался, усевшись в собственной приемной. Прождав около часа, он наконец встал и отправился выпить кофе.

— Ты готова выступить перед Судом гильдий по рассмотрению жалоб и засвидетельствовать, что Грени Нохамапитан приказал заложить бомбу на «Да, сэр» и непосредственно причастен к нападению пиратов? — спросила Хьюма, когда Кива закончила свой рассказ.

— Конечно.

— И ты считаешь, что за этим стоял дом Нохамапитан? Что Грени Нохамапитан действовал по указке своего дома, а не преследовал какие-то собственные цели?

— Я знаю Грени Нохамапитана, мама. Мы с ним общались, когда я училась в университете и он бывал в гостях у Надаше. Он далеко не самый тщеславный в своей семье. Не знаю, как официально относится дом Нохамапитан к той хрени, которой он занимается на Крае, но точно знаю, что мозг данной операции — вовсе не он.

— Ты имеешь в виду Надаше?

— Собственно, мы с ней вместе учились в университете, — кивнула Кива.

— Вы с ней дружите?

— «Дружим» — чересчур сильно сказано. Она терпела меня, когда я трахалась с ее братом, и в итоге мы договорились, что для всех будет лучше, если мы не станем вцепляться друг другу в волосы. Но я ее уважаю. Она чертовски умна, и если столкнет кого-то в яму, то все будет выглядеть так, будто он сам туда прыгнул. И если что-то происходит, за этим стоит именно она.

Хьюма снова помедлила, а затем спросила:

— Ты ведь знаешь, что в последние месяцы повстанцы с Края постоянно устраивают взры-

вы — как здесь, так и в других системах?

— Нет. Откуда мне знать? Меня не было два с лишним года, мама.

— Все началось — или предположительно началось — со взрыва на церемонии коронации новой импера. Погибла лучшая подруга Грейланд, а сама она едва уцелела. С тех пор, как только случается очередной взрыв, Надаше призывает гильдии и парламент дать военный ответ. И это сработало. По течению Потока в сторону Края готов отправиться военный транспортник, ждут лишь повода, чтобы его послать.

— Все сходится, — ответила Кива. — Если она хочет, чтобы туда послали войска, значит у нее готов план их использования.

— Но ведь предполагается, что войска отправляют для поддержки герцога, а ты говорила, что Грени Нохамапитан тайно поддерживает повстанцев.

— Угу. И что с того? Либо он планирует задать им лишнюю работу, либо происходит нечто, чего мы не понимаем. Или и то и другое. Даже скорее всего — и то и другое.

Кивнув, Хьюма встала и хлопнула в ладоши:

— Что ж, давай это выясним.

Выйдя из кабинета, она направилась к общим

лифтам. Кива последовала за ней. Две минуты спустя обе уже были в приемной дома Нохамапитан.

— Мне нужно видеть Амита Нохамапитана, — сказала Хьюма секретарше.

— Вы записаны? — спросила та. Кива улыбнулась, и ей тотчас же стало жаль несчастную.

— Я графиня Хьюма Лагос, моя дорогая. Мне не нужно записываться на прием.

— Прошу прощения, но если вы не записаны…

— Детка, хочу тебе кое-что объяснить. — Хьюма показала на стеклянную дверь, наверняка с магнитным замком, отделявшую приемную от остального этажа. — Сейчас я попробую открыть эту дверь и, как только окажусь за ней, направлюсь к кабинету Амита Нохамапитана и попробую открыть дверь туда. Если обе двери не откроются передо мной, я сделаю две вещи. Во-первых, я подам жалобу в Суд гильдий на дом Нохамапитан за препятствование расследованию, а это, как тебе вряд ли известно, весьма серьезное обвинение, которое будет стоить дому Нохамапитан сотни тысяч марок. Потом они проиграют, и миллионы марок перетекут с их счетов на мои, а тебя уволят за то, что ты вызвала скандал между домами, которого легко можно

было избежать. Во-вторых, я подам в суд и на тебя, дав понять дому Нохамапитан, что с радостью откажусь от своих претензий к ним, если тебя уволят. А потом оба наших дома постараются, чтобы тебя никуда не взяли на работу, и всю оставшуюся жизнь ты не будешь получать больше минимального пособия Взаимозависимости, а если вдруг что-то заработаешь, все сверх этого у тебя отберут и перешлют мне. Я потрачу эти деньги на шампанское и подниму тост за твою нищету. Все ясно?

Секретарша уставилась на нее, раскрыв рот, а затем нажала кнопку.

— Спасибо, — кивнула Хьюма и прошла в открывшуюся дверь. Кива снова последовала за ней.

Кабинет Амита в дальнем конце этажа был обставлен безупречной мебелью, широкие окна выходили на деловой район Ядропада. В роскошных креслах за столом сидели сам Амит и еще два человека. Похоже, они весьма удивились, когда в кабинет вошли Хьюма и Кива.

— Ты и ты, валите, на хрен, — сказала Кива, показывая на других двоих. Те повернулись к Амиту, он кивнул, и оба свалили, на хрен. Хьюма и Кива уселись в освободившиеся кресла.

Посмотрев на них, Амит взял со стола планшет, на котором мигал значок входящего сообщения, и прочитал текст.

— Судя по всему, вы угрожали моей секретарше, графиня Лагос, — сказал он. — К тому же вопрос о препятствиях расследованию решается вовсе не так, и вы это прекрасно знаете. — Он бросил планшет на стол и задумчиво взглянул на посетительниц. — Чем же я обязан столь неожиданному визиту?

— Во-первых, ваша семья занялась вредительством, причинив ущерб нашей продукции на Крае, — сказала Хьюма.

— Мне ничего об этом не известно, — возразил Амит.

— Зато известно мне, и с вами будут говорить наши юристы. Во-вторых, ваша семья помешала моей дочери вести дела на Крае, подговорив тамошнего герцога, чтобы тот незаконно конфисковал и использовал наши доходы.

Амит бросил взгляд на Киву:

— Похоже, я вас узнал, леди Кива. Кажется, вы в свое время дружили с моей сестрой и моим братом.

— Я бы не стала называть это «дружбой», — ответила Кива.

— Возможно, — согласился Амит и снова обратился к Хьюме. — Препятствие торговле — весьма серьезное обвинение, мэм, и я полагаю, наши юристы обсудят и этот вопрос. Вряд ли стоит напоминать, что Суд гильдий очень не любит, когда его используют для запугивания одним домом другого. Если вы начнете процесс и проиграете, дом Нохамапитан потребует оплаты услуг наших адвокатов, а также втрое большую сумму для возмещения ущерба. Учтите, у нас очень хорошие адвокаты, и они стоят дорого.

— Мы не проиграем. Мы также выдвигаем обвинения против вашего брата Грени за покушение на убийство, попытку похищения, участие в заговоре, причинение ущерба кораблю гильдии, пиратство и вымогательство.

— Что? — уже не столь радушно переспросил Амит.

— Этот засранец подложил в мой корабль бомбу и наслал пиратов на одного из моих пассажиров, — сказала Кива.

— И еще, Амит, у нас есть все доказательства, чтобы подкрепить обвинение, — продолжила Хьюма. — Свидетельствовать готовы все — и Кива, и жертва попытки похищения и убийства, и команда «Да, сэр» в полном составе.

— Плюс запись покушения на убийство с камер, признание киллера и запись сеанса связи между «Да, сэр» и пиратским кораблем, — услужливо добавила Кива.

Хьюма кивнула:

— Есть лишь одна небольшая сложность: Грени находится не меньше чем в полутора годах пути отсюда, и вызвать его, чтобы он предстал перед судом, будет не так-то просто. Но, учитывая имеющиеся у нас доказательства, думаю, мы сумеем убедить гильдии и парламент распорядиться о конфискации имущества Грени и лишении его всех прав.

— А поскольку этот говнюк был полномочным представителем дома Нохамапитан на Крае, мы сделаем все, чтобы случившееся легло пятном позора на весь ваш дом, — сказала Кива. Она достаточно свободно интерпретировала слова матери, но не сомневалась в ее намерениях и в том, что Хьюма не остановится ни перед чем. Так почему бы и нет, черт побери?

— Могу заверить, что дом Нохамапитан не участвует ни в каких планах по уничтожению ваших кораблей, — заявил Амит.

— Даже не пытайтесь, лорд Амит, — ответила Хьюма. — Мы все знаем, что инициатива не при-

надлежит вашему брату, как, собственно, и вам. Что бы ни делал Грени, он делает это по чьей-то указке, если не дома Нохамапитан, то кого-то из дома Нохамапитан, что для нас одно и то же. Нам будет нетрудно попросить суды гильдий и Взаимозависимости увеличить число пунктов обвинения и расследовать вашу деятельность, деятельность вашей сестры и вообще всего долбаного дома Нохамапитан.

— Это может оказаться сложнее, чем вы полагаете, — заметил Амит.

— Если вы пытаетесь заполучить импето в супруги, это не значит, что вы и ваш дом могут избежать правосудия, лорд Амит, — усмехнулась Хьюма. — Кстати, как идут дела? Ходят слухи, будто она сильно противится вашим ухаживаниям. И возможно, даже вздохнет с облегчением, узнав, что вы и вся ваша долбаная семейка оказались под следствием.

— Жертва покушения на убийство — сын очень хорошего друга бывшего импето, ее отца, — услужливо подсказала Кива.

— Что ж, тем больше причин для импето держаться как можно дальше от вашей злодейской задницы, — сказала Хьюма Амиту.

— Собственно, я сегодня встречаюсь с импе-

ро, — с едва заметным раздражением бросил Амит. — Будем вместе с ней осматривать нашу новую «десятку».

— Очаровательно. — Хьюма хлопнула в ладоши. — Возможно, я попрошу кого-нибудь из наших людей на Сиане кратко изложить ей суть нашей жалобы. И тогда влюбленным голубкам будет о чем поговорить, прогуливаясь по вашей новой игрушке.

Кива с нескрываемым восхищением смотрела на мать. Хьюма Лагос была из тех, кому не стоит класть палец в рот, и Кива в течение многих лет могла наблюдать, как ее мать спорит и ведет переговоры, набираясь опыта сама. Но ей всегда было приятно видеть, как мать ловко и грубо припирает к стенке уродов вроде Амита Нохама-питана, а потом, так сказать, крепко хватает их за яйца. Киве нравилось, что, даже став взрослой, она может смотреть на мать и думать: «Именно такой, черт побери, мне хочется стать, когда я вырасту».

Вздохнув, Амит потер лицо рукой:

— Ладно, графиня Лагос. Чего вы хотите?

— В каком смысле, лорд Амит?

— В том смысле, что, если бы вы действительно хотели подать в Суд гильдий или Суд Взаимо-

зависимости, вы бы так и сделали, устроив нам сюрприз. Но раз вы здесь, в моем кабинете, значит вы хотите решить вопрос иначе. Прекрасно. Говорите, чего вы хотите.

— Хочу основательно пощипать дом Нохамапитан.

— Даже не понимаю, о чем вы, — возразил Амит.

— О том, что я хочу от вас трех вещей, и все они вам не понравятся.

— И каких же?

— Во-первых, вы испортили нам бизнес. Мы могли бы решить дело в суде, но вряд ли вас устроит результат. — Хьюма повернулась к Киве. — Какую прибыль мы ожидали от твоего путешествия?

— Сто миллионов марок, — ответила Кива.

— То есть вы хотите от нас сто миллионов марок? — спросил Амит.

— Я хочу двести миллионов марок.

— Это просто смешно.

— Вы не только уничтожили, на хрен, нашу продукцию, но также испортили, на хрен, нашу репутацию. Это плата за испорченную репутацию. Так что — двести миллионов марок на наши счета в течение трех дней.

Амит собрался было сказать что-то еще, но передумал.

— А во-вторых? — спросил он.

— Возможно, вам известно, что мы подписали письмо протеста против пребывания вашей сестры в исполнительном комитете, — сказала Хьюма.

— Да, она что-то говорила об этом.

— Тогда для вас не станет сюрпризом то, что мы хотим ее отставки.

— Хотите заменить ее кем-то из Лагосов?

— Нет, — покачала головой Хьюма. — Но кто угодно будет лучше вашей сестры. В буквальном смысле.

— Я передам ей ваши слова.

— Пожалуйста. В-третьих, вы скажете импер Грейланд, что передумали насчет женитьбы.

— Ну нет, — возразил Амит. — Вы уже потребовали головы моей сестры. Позвольте мне хотя бы сохранить свою.

— Мы не на переговорах, — одновременно произнесли Хьюма и Кива, а потом посмотрели друг на друга и улыбнулись. — Не стоит притворяться, будто, став супругом импер, вы перестанете быть марионеткой собственной сестры.

— Истинная правда, — язвительно заметил

Амит. — Собственной воли у меня нет.

— Именно что нет, — без тени сарказма согласилась Хьюма. — Если хотите, можете решить этот вопрос с врачом. Но пока что вы откажетесь породниться с имперской семьей.

— А что, если Грейланд хочет выйти за меня?

— Ах вы бедняжка, — рассмеялась Хьюма. — Увы, нет.

Амит, казалось, слегка обмяк.

— И что мы получим в обмен на ваши требования?

— Ничего, — ответила Хьюма. — Но мы никому не расскажем о том, чем вы занимались на Крае. И о том, что вы планировали.

— Что, в самом деле? — усмехнулся Амит, и Кива почувствовала, как кровь ударяет ей в голову. Если у нее и оставались сомнения, что Нохамапитаны не замышляли на Крае ничего хорошего, то теперь они полностью исчезли. Она ощутила прикосновение матери к своей руке, поняла, что та предостерегает ее от возможной вспышки гнева, и сдержалась.

— В самом деле, — ответила Кива.

— И какие мы получим гарантии?

— Мать твою, Амит, ты что, хочешь письменного договора? Ты совсем дурак? Пойми, у тебя

на руках нет карт. Благодаря твоему ужасающе беспечному братцу у нас более чем достаточно возможностей похоронить тебя, твою сестренку и весь ваш долбаный дом. В лучшем случае ты проведешь ближайшие десять лет, сражаясь с судами и следователями. В худшем — окажешься в тюрьме, а монополию твоего дома продадут с аукциона. В любом случае это плохо скажется на твоем бизнесе, Амит. А твоя сестра все равно лишится места в комитете, и ты не женишься на импреро. В данном же случае все, что ты теряешь, — деньги плюс получаешь удар под дых по самолюбию. Не сомневаюсь, что и то и другое ты переживешь.

— Отвечу завтра, — подумав, сказал Амит.

— Мог бы ответить и прямо сейчас, — заметила Хьюма.

— Прошу вас, графиня Лагос, — проговорил Амит. — Как вы не раз оскорбительно замечали во время нашей беседы, далеко не все зависит от меня. И сегодня у меня запланирована встреча с импреро. Я не могу ее отменить.

— А как насчет такого: если ровно через двадцать четыре часа и одну минуту я не получу от вас известий, секретарю исполнительного комитета и самой импреро будут переданы данные под

присягой письменные показания? Дальше разбирайтесь сами вместе со своей сестрой. По-моему, вполне честно.

— «Честно» — не слишком подходящее слово, графиня.

— Могли бы подумать и раньше, прежде чем заваривать всю эту кашу, лорд Амит. — Хьюма Лагос встала, Кива тоже. — И втягивать в нее наш дом.

Кивнув, она вышла не прощаясь. Кива последовала за ней. Последнее, что она увидела, — как Амит Нохамапитан берет планшет и набирает номер.

— До чего же я тебя люблю, черт побери, — сказала Кива матери, когда они проходили мимо секретарши, которая изо всех сил старалась не смотреть в их сторону.

— Угу, — кивнула Хьюма и, пока они ждали лифта, не произнесла больше ни слова.

— Думаешь, Надаше согласится? — спросила Кива, когда они оказались одни в лифте.

— Неважно, — ответила Хьюма.

— Не думаю, что двести миллионов марок неважны.

— Суть вовсе не в том, чтобы шантажировать Нохамапитанов. Это лишь побочная выгода. Суть

в том, чтобы узнать об их замыслах и расстроить их планы. Теперь мы знаем: они планируют захватить Край.

— Верно, — сказала Кива. — Но зачем?

Двери лифта открылись.

— Им известно то, о чем, по их мнению, никто больше не знает, — ответила Хьюма, выходя из кабины.

Пока они шли, Кива переваривала слова матери.

— Думаешь, они знают? — спросила она. — О том, что происходит с Потоком?

— Знают или думают, будто знают что-то еще, не менее важное, — сказала Хьюма. — Они многим рискуют, загоняя самих себя в задницу, и, полагаю, многое бы отдали, чтобы сохранить тайну.

— Ты все-таки думаешь, что они дадут нам деньги?

Хьюма кивнула. Они вошли в кабинет лорда Претара, и тот встал, собираясь их поприветствовать.

— Вон отсюда, — сказала Хьюма. Претар поперхнулся словами приветствия и вышел. Кива закрыла дверь. — Деньги — еще одно подтверждение, — продолжила она, обращаясь к дочери.

— Что, если они не дадут нам денег?

— Тогда лучше нам держаться подальше от любых мест, которые простреливаются с крыши. Но так или иначе, мы только что вставили им палки в колеса, нарушив их планы. Интересно посмотреть, что они станут делать в ближайшие несколько дней. — Хьюма расположилась за столом Претара. — Этот твой друг, специалист по физике Потока…

— Марс Клермонт, — подсказала Кива.

— У тебя с ним все еще терпимые отношения?

— Можно сказать и так. — Кива вспомнила, как они недавно занимались сексом, и улыбнулась.

— Мне бы хотелось с ним встретиться. Я знаю, что ты ему веришь, но мне тоже нужно ему поверить. И если я ему поверю, мне нужно знать, сколько осталось времени, прежде чем мы окажемся в полном дерьме. Затем мы должны точно выяснить, что от этого выгадывают Нохамапитаны и каким хреном это касается всех остальных. Я хочу знать все это, прежде чем узнает кто-нибудь еще.

— Он сегодня встречается с импero, — покачала головой Кива. — Вряд ли она станет молчать.

— Вопрос не в том, расскажет ли она всем, — сказала Хьюма. — Вопрос в том, поверят ли ей.

— Это правда.

— Дочь моя, — улыбнулась Хьюма, — только не говори мне, будто не знаешь, как мало это на самом деле значит.

Глава 15

Лишь оказавшись на Ядре, Марс Клермонт понял, что он — настоящая неотесанная деревенщина.

Одно дело — знать, что Ядро, включавшее в себя одноименную планету, громадную Имперскую станцию на ее орбите, столь же громадное автономное поселение Сиань и десятки других поселений, является самым густонаселенным и продвинутым человеческим государством во Взаимозависимости. И совсем другое — сойти с «Да, сэр» на Имперской станции Ядра, в несколько раз превосходившей размерами станцию Края, и оказаться в толпе прилетавших, отлетавших и занимавшихся своими делами, зная, что на планете внизу обитает еще больше людей, которые теснятся в подземных куполах или технически совершенных вращающихся цилиндрах длиной в несколько километров, живя своей жизнью и не задумываясь о том, как близко от них космический вакуум, холодная скала или испепеляющее излучение, способные убить их за несколько минут.

«Чокнутые», — улыбнулся про себя Марс. Дух

захватывало при мысли о том, куда загоняли себя люди, умудряясь при этом процветать. Взаимозависимости, с ее религиозно-социальным принципом всеобщей взаимосвязи и монополистической экономикой, основанной на гильдиях, удалось создать, вероятно, самую сложную систему, обеспечивавшую выживание человечества как вида. Все еще больше осложнялось существованием аристократии, официально выделенной в особую касту и тесно связанной с классом торговцев; внизу пирамиды находились простые рабочие.

И тем не менее система действовала — поскольку на уровне всего общества этого хотелось достаточно многим, а миллиардам людей, живущих в хрупких поселениях, уязвимых перед механическими и природными авариями, при ограниченных ресурсах выгоднее было полагаться друг на друга, чем существовать в одиночку. Даже в отсутствие Взаимозависимости человечеству было бы намного проще выжить, пребывая во взаимозависимости.

«Вот только теперь придется найти новый способ выживать», — подумал Марс. Окинув взглядом Имперскую станцию Ядра и движущихся во все стороны людей, он вспомнил, что

меньше чем через десятилетие все они, возможно, будут мертвы или близки к тому. Включая его самого.

— Лорд Марс? — подняв взгляд, Марс увидел молодого человека в темно-зеленой имперской ливрее, державшего в руке табличку с надписью «Лорд Марс Клермонт».

— Да, это я, — ответил Марс.

— Мне поручено препроводить вас на Сиань. — Молодой человек огляделся вокруг. — У вас есть багаж? Как я понимаю, вы сошли с «пятерки» Лагос. Вам есть где жить?

— Мой багаж отправлен в отель «Морланд», здесь, на станции.

— Превосходный выбор, сэр.

— Спасибо.

«Морланд» порекомендовала Кива, добавив: «Если, конечно, можешь позволить себе это». Марс, на чьей флешке хранились восемьдесят миллионов марок, решил, что вполне может потратиться.

— Сюда, сэр, — показал молодой человек.

Марс последовал за молодым человеком, которого звали Версон Зоне, в ту часть Имперской станции, которая использовалась в качестве терминала для перелетов на Сиань. У Марса дважды

проверили документы, дважды просканировали тело и дважды спросили, что он собирается делать на Сиане. Каждый раз Марс отвечал, что ему назначена встреча с импер, и показывал планшет с официальным уведомлением и кодом безопасности. О теме встречи его спрашивать не стали, и Марс был благодарен за это. Ответ «конец Взаимозависимости и возможная гибель человечества» вряд ли понравился бы кому-нибудь.

— Контроль усилили с тех пор, как эти жуткие повстанцы с Края устроили взрыв на коронации, — извинился Версон и тут же осекся, сообразив, что его подопечный тоже с Края. — Я ничего не хотел сказать о вас, милорд, — после некоторой паузы произнес он.

Марс лишь улыбнулся в ответ. За последние несколько часов он узнал о смерти Аттавио Шестого, восхождении на престол его дочери Кардении, теперь Грейланд Второй, и покушении на ее жизнь в день коронации. Сам он сомневался, что к этому имеет отношение кто-то с Края.

— Все в порядке, — сказал он Версону, и тот вздохнул с явным облегчением.

Полет на челноке с Имперской станции на Сиань прошел без происшествий, но Марс все же проследил через планшет, как челнок проносится

вдоль линии терминатора от Имперской станции к экватору, в десяти градусах к северу от которого парил Сиань. Сиань на экране становился все больше, и Марс различил цепь ярких пятнышек — кораблей, двигавшихся к поселению и от него. Выше и ниже линии терминатора Ядра располагались другие поселения, поменьше, для рабочих, строивших космические корабли на близлежащих верфях, — но этого Марс на экране не видел.

Челнок совершил посадку, и Марс с Версоном направились к поезду, пересекавшему весь Сиань. Марс прильнул к окну, глядя на внутреннюю поверхность цилиндрической станции вокруг поезда.

— Первый раз на Сиане, сэр? — спросил Версон.

— Первый раз в таком поселении, — ответил Марс. — Я всю жизнь прожил на Крае, на поверхности планеты. Там все по-другому.

— И как там, сэр?

— Плоско. — Марс не сводил взгляда с уходящей вверх поверхности. — Даже наши холмы плоские в сравнении с этим. Не знаю, как тут вообще можно смотреть вверх и не думать о том, почему ты не падаешь прямо на другую сторону станции.

— Ну… потому что Сиань вращается, — начал Версон.

— В физике я разбираюсь, — рассмеялся Марс. — Я не об этом. Но одно дело, когда просто знаешь о чем-то, и другое — когда звериная часть твоего разума велит тебе за что-нибудь ухватиться. — Он посмотрел на вежливо улыбающегося Версона. — Ты тоже вырос в таком поселении?

— Я с Анконы, — кивнул Версон. — Это ассоциированная нация в системе Ядра.

— Понятно. Значит, ты привык к этому. — Марс снова посмотрел в окно. — А я… нет.

— Думаете, сумеете привыкнуть, сэр?

— Надеюсь, — ответил Марс. — И еще надеюсь, что не до конца.

Они вышли из поезда, и Версон повел Марса к месту сбора тех, у кого имелись дела в имперском дворце.

Поскольку у Марса уже была назначена встреча с импето, Версон проводил его в начало очереди, к раздражению всех ожидавших. Марс одними губами шептал извинения, пока Версон подталкивал его вперед. У Марса еще раз потребовали документы, его еще раз просканировали, устроили очередной небольшой допрос, а затем передали молодой женщине, Обелис Атек, рабо-

тавшей в самом дворце. Она дала Марсу пропуск, велев прикрепить его к куртке, и предложила следовать за ней. Марс помахал на прощание Версону и двинулся за Обелис.

Десять минут спустя Марс уже сидел в приемной кабинета имперо Грейланд Второй, пройдя перед этим через роскошно обставленные залы. Подобного богатства он никогда прежде не видел и до этого момента считал образцом напыщенной роскоши герцогский дворец на Крае. Но по сравнению с имперским дворцом тот выглядел лачугой неудачника, а его собственный особняк — сараем. Имперский дворец был забит тысячами позолоченных безделушек — свидетельствами тщеславия имперской семьи и поддерживавшей ее политической системы. Не менее пышной была и обстановка приемной, включая статую пророчицы-имперо Рахелы Первой работы скульптора Мэйс Фудзиморо, знаменитую во всей Взаимозависимости и, вероятно, стоившую больше, чем доход некоторых человеческих поселений.

Оглядевшись вокруг, Марс подумал о том, как имперо, вкладывавшая столько сил в сохранение такой системы, как Взаимозависимость, отнесется к новостям, которые ему предстояло

сообщить.

«Ты сам — лорд, — напомнил Марсу его внутренний голос. — Ты носишь мантию аристократа. И тем не менее ты здесь».

«Да, но я не импер о. Я пользуюсь благами системы. А она и есть система».

«Твой отец отправился на Край по распоряжению импер о, чтобы изучить этот вопрос».

«Того импер о уже нет в живых».

— Лорд Марс. — Подняв взгляд, он увидел, как Обелис дает ему знак. Пришло время встретиться с импер о. Марс встал и вошел в кабинет.

«Когда впервые увидите импер о, достаточно поклона, — сказала ему Обелис, пока они шли к кабинету. — Некоторые любят преклонять колено, и вы тоже можете, если захотите. Но ваше время ограниченно, и вы лишь потеряете его впустую. После того как вы представитесь, предполагается, что импер о сама начнет и поведет разговор. Говорите, когда к вам будут обращаться; отвечайте на любые вопросы. Когда время аудиенции истечет или если импер о отошлет вас раньше, поклонитесь и выйдите. Всегда проявляйте уважение и сдержанность. Ваша импер о этого заслуживает».

Войдя в кабинет импер о, Марс окинул взглядом

обстановку и громко рассмеялся. Обелис Атек нахмурилась.

— Что смешного, лорд Марс? — спросила стоявшая перед письменным столом молодая женщина в имперском зеленом платье. Ясно было, что это и есть импер, и точно так же было ясно, что он опростоволосился.

— Прошу прощения, ваше величество, — поклонился он. — Меня удивил ваш кабинет.

— В каком смысле?

— Ну… в общем, мэм, он похож на музейный зал, где прогремел взрыв.

Обелис Атек втянула воздух сквозь зубы — судя по всему, ожидая, что импер сейчас приговорит Марса к обезглавливанию. Но та лишь громко и искренне рассмеялась.

— Спасибо, — подчеркнуто вежливо сказала она. — Именно так мне и казалось последние девять месяцев. Порой я боюсь даже ходить здесь, опасаясь на что-нибудь наткнуться и разбить бесценный исторический артефакт. Мой рабочий кабинет повергает меня в ужас, лорд Марс. Я пытаюсь набраться смелости и устроить здесь ремонт.

— Вы импер, мэм. Вряд ли кто-то может вам это запретить.

— Вопрос не в том, что я не могу, а в том, стоит ли. — Империо кивнула Обелис, давая понять, что та может идти. Обелис поклонилась, еще раз бросила на Марса предупреждающий взгляд и вышла. Когда за ней закрылась дверь, Марс понял, что остался с империо наедине: не было ни помощников, ни советников, ни секретарей. — Расскажите, о чем вы только что подумали, лорд Марс. — Она показала на стул перед своим столом.

— Я подумал, что у вас меньше персонала, чем я ожидал, мэм.

Марс сел на стул. Империо осталась стоять, прислонившись к столу.

— У меня намного больше персонала, чем вы можете себе представить, — ответила она. — И обычно я велю им присутствовать при моих встречах. У меня множество встреч, лорд Марс. Возможно, вы даже не поверите в то, сколько их. Так что без помощи мне не обойтись, и мой персонал здесь, со мной, а я сижу за этим столом, использую в речи имперское «мы», и все проходит крайне уважительно и вежливо. И никто не смеется над этим дурацким кабинетом, когда входит в него. В отличие от вас.

— Да, мэм. Прошу прощения.

— Не за что. Напротив, я даже рада. Но мне хотелось бы знать, почему вы засмеялись, лорд Марс.

— Вероятно, от избытка чувств, мэм.

— Вы говорите так, будто вы объевшаяся сладкого восьмилетняя девочка, — улыбнулась импера.

— Неплохая метафора, — улыбнулся в ответ Марс. — Вся моя жизнь прошла на Крае, мэм. Не такое уж захолустье, каким его все изображают, но там… не так. Не так, как на Ядре. И на Сиане. И в этом дворце.

Импера наморщила нос, и Марс внезапно понял, что встреча пошла иначе, чем он ожидал.

— Чудовищно, да?

— Угу, — кивнул Марс.

Импера снова рассмеялась:

— Простите, лорд Марс. Я вовсе не собиралась вас на чем-то подловить. Но вы должны понять: я не предназначалась на роль импера. Я не росла в соответствующем окружении, и теперь оно мне чуждо, как, полагаю, и вам.

— Я из знатного семейства, мэм. И мне это не чуждо. Просто… слишком уж его много.

— Да-да. Еще раз спасибо. Вы превосходно изложили то, как я воспринимала свою жизнь за последний год.

— Рад быть полезным, мэм.

— И это в самом деле так, — заверила его импе-
ро. — Пока что эта встреча наедине, возможно,
станет для меня самой любимой. — Она снова
улыбнулась и наклонила голову. — Поэтому мне
и грустно, что теперь придется все разрушить,
обсуждая конец цивилизации.

— Значит, вы знаете? — кивнул Марс.

— Вы же не думаете, лорд Марс, что я согла-
силась встретиться с вами, так как люблю
знакомиться с мелкими аристократами? Если
что — без обид.

— Никаких обид, — ответил Марс. — Я просто
не знал, что именно вам известно и сколько мне
придется объяснять.

— Можете считать, что мне известно столько
же, сколько было известно моему отцу, — чем
занимался ваш отец на Крае, почему его туда
послали и каковы последствия его изысканий.

— Хорошо.

— Итак, мы все решили, и вот мой первый во-
прос: действительно ли течения Потока скоро
исчезнут?

— Да.

Империо тяжело вздохнула:

— Когда?

— Это уже началось. По нашим оценкам, тече-

ние потока с Края к Ядру уже перестало существовать. «Да, сэр», на котором я прилетел, вероятно, стал последним кораблем, прилетевшим оттуда.

— Как мы узнаем, что это действительно так?

— Когда другие корабли, которые должны прибыть на Ядро, не прибудут — узнаете.

— Отправление кораблей часто задерживается, соответственно, и прибытие тоже.

— Пройдет не меньше двух недель, прежде чем люди начнут замечать, что корабли пропадают. И даже тогда, скорее всего, станут искать другую причину.

— Вроде вашей гражданской войны?

— Это не моя гражданская война, — возмутился Марс, но тут же вспомнил, с кем говорит. — Простите, мэм.

Импето не обратила на это внимания:

— Можно ли как-то использовать данные об исчезновении этого течения Потока? Ведущего с Края сюда?

— Я могу представить разработки и показать все расчеты, — ответил Марс. — Но должен заранее предупредить: любой, кто не является специалистом по физике Потока, ничего не поймет, и даже специалисты будут спорить насчет всего этого. Чтобы изучить труды моего отца и

модель его предсказаний, потребуется время. Но это уже не будет иметь значения.

— Потому что исчезнут другие течения Потока и это станет доказательством?

— Именно, — снова кивнул Марс.

— Вы говорили, что вам известно об уже случившемся распаде течения от Края к Ядру?

— Да, с большой вероятностью это так.

— Значит, вы можете предсказывать их распад?

— Мы не можем точно предсказать, какое течение распадется и когда, можем лишь сообщить вероятность данного события на основе имеющихся данных.

— Вам известно, какое течение распадется следующим? В смысле, с наибольшей вероятностью?

— Да. Скорее всего, это будет течение Потока отсюда к Тератуму. По нашим расчетам, оно распадется в ближайшие шесть недель.

— Вы уверены?

— Нет. Но это весьма вероятно.

— Насколько вероятно? Назовите процент.

— Я бы говорил о восьмидесятипроцентном шансе на распад течения Ядро — Тератум в ближайшие шесть недель. После все достаточно

туманно, но с почти стопроцентной вероятностью это случится в ближайший год.

— Имеются в виду течения к Тератуму и обратно?

— Нет, — покачал головой Марс. — Течения Потока к системе и из системы на самом деле никак не связаны друг с другом. Знаю, разуму трудно примириться с подобным фактом, но это так, — добавил он, заметив взгляд импето. — В нашей модели есть прогноз и для течения с Тератума к Ядру, но он весьма неточен, поскольку речь идет о более отдаленном времени. Это может произойти в период от тридцати восьми до восьмидесяти семи месяцев начиная с сегодняшнего дня. Вторая дата соответствует ожидаемому закрытию последних течений.

— И какое течение закроется последним?

— Сейчас наши прогнозы говорят, что последним закроется течение к Краю, в период от восьмидесяти до восьмидесяти семи месяцев начиная с сегодняшнего дня.

— Вы держите все эти цифры в голове? — спросила импето.

— Не все, — признался Марс. — Лишь те, о которых, как мне показалось, вы стали бы спрашивать. У меня всего пятнадцать минут на

разговор с вами, мэм, и мне не хотелось терять время зря.

— Вам не кажется иронией судьбы, что именно с Края ведет первое распавшееся течение и к нему же ведет то, которое может стать последним?

— Никакой иронии, мэм, это всего лишь случайность. Но я рад этому — мне все же хотелось бы вернуться домой.

Империо пристально посмотрела на Марса:

— Вы проделали путь длиной больше чем в полгода, не зная, удастся ли вам со мной встретиться?

— Прошу прощения, но я вообще не ожидал встречи с вами. Я ожидал встречи с вашим отцом. Мои соболезнования, мэм.

— Спасибо. Что вы стали бы делать, если бы я решила не встречаться с вами?

— Думаю, представил бы наши данные физикам из университета Ядропада и сказал бы, что это их проблема — передать информацию тем, кто захочет ее получить. Потом, скорее всего, потратил бы пару дней на осмотр местных достопримечательностей и улетел на Край с первым же кораблем.

— А сейчас вы так и намерены сделать? Немедленно вернуться на Край?

— Мой план выполнен, мэм. Я поговорил с вами и готов предоставить вам проверенный мной полный отчет моего отца, составить который поручил ваш отец. Можете передать его для проверки кому пожелаете или поступить с ним как угодно. Вряд ли нужно убеждать вас в реальности этих данных, и я уверен, что вы используете их разумно, хотя неизвестно, последуют ли за вами остальные.

Открылась дверь, и вошла Обелис Атек. Марс встал.

— Лорд Марс, ваш план выполнен, но вы все равно можете мне понадобиться. Готовы остаться?

— Мэм, вы — импero, — ответил Марс.

— Нет, — покачала головой импero, и Марс впервые почувствовал раздражение в ее голосе. — Лорд Марс, вы — не кабинет, нуждающийся в ремонте. Я прошу вас остаться, чтобы объяснить мне все это подробнее и помочь объяснить другим. Я прошу вас остаться, зная, чем вы рискуете, и зная, что со временем риск лишь увеличивается. Я могу вам приказать. Но я прошу вашей помощи.

Посмотрев на импero, Марс вновь вспомнил, что встреча оказалась вовсе не такой, как он

ожидал.

— Мэм, для меня большая честь помочь вам всем, что в моих силах, — сказал он.

Империо широко улыбнулась:

— Спасибо, лорд Марс. Сейчас я отправляюсь осматривать новую «десятку», но к вечеру вернусь. Не поужинаете со мной? У меня к вам много вопросов.

— Конечно, — ответил Марс, но тут же запнулся.

— Что такое? — спросила империо.

— Решаю, как мне поступить. Я остановился в отеле на Имперской станции, и мой вечерний костюм остался там.

— Во-первых, после осмотра этого чертова корабля я наверняка устану, так что ужин будет весьма неформальным. Во-вторых, вы теперь работаете на меня. — Империо повернулась к Обелис. — Я назначила лорда Марса специальным помощником по научным вопросам. Пошлите кого-нибудь забрать его вещи с Имперской станции и найдите ему подходящее жилье в крыле для персонала. — Она бросила взгляд на Марса. — Постарайтесь, чтобы оно не напоминало музейный зал, где прогремел взрыв. И пусть кто-нибудь введет лорда Марса в курс дела.

— Да, мэм, — ответила Обелис.

— До скорой встречи, — сказала имперо Марсу.

— До свидания, мэм, — поклонился Марс, и имперо вышла из кабинета. Едва она перешагнула порог, как к ней подошли трое помощников и телохранитель, которые повели ее через приемную.

Посмотрев ей вслед, Марс повернулся к Обелис.

— Никак не пойму, что тут сейчас произошло, — пробормотал он.

— Похоже, ваша встреча прошла удачно, лорд Марс, — улыбнулась Обелис. — А теперь идемте со мной: попробуем подобрать вам апартаменты.

Глава 16

Кардении было почти стыдно из-за приподнятого настроения, в котором она пребывала после встречи с Марсом Клермонтом. В конце концов, их разговор, пусть и короткий, подтвердил отцовские опасения, унаследованные ею: человечеству угрожала гибель, не в каком-то абстрактном смысле и не многие тысячелетия спустя, но вполне конкретная и в течение ближайших десяти лет. Меньше чем через десятилетие каждой из человеческих систем предстояло оказаться в изоляции, выживая лишь за счет внутренних ресурсов и технологий, которые имелись для их использования. Поселения теоретически могли продержаться десятки или даже сотни лет, но следовало учитывать и человеческий фактор. Люди вели себя не лучшим образом, если сознавали, что отрезаны от мира и обречены на медленную смерть после того, как откажут технические средства поселений. Кардения вспомнила то, что ей было известно о гибели Даласислы. Человеческий разум не выдержал задолго до того, как это случилось с поселением.

Радоваться, узнав, что такая судьба ждет четы-

ре десятка человеческих систем и миллиарды человек, — в этом не было ничего хорошего. Но Кардения ничего не могла с собой поделать. И радовалась она вовсе не из фатализма или мизантропии, счастливая, что человечество наконец понесет заслуженное наказание, но потому, что туманный образ ее правления — главным и довольно скромным достижением которого было пока лишь то, что ей удалось удержать парламент и гильдии от военного вторжения на ничего не подозревающую планету Край, — внезапно стал отчетливым и резким. Кардения теперь знала три вещи. Первое: ей предстоит стать самой последней импера Взаимозависимости.

Второе: суть ее правления будет состоять в том, чтобы спасти как можно больше людей любыми средствами.

Третье: это означало конец лжи о Взаимозависимости.

Да, то была ложь. В день, когда Кардения вызвала в Зал Памяти Рахелу Первую и потребовала от нее объяснений, она узнала обо всем. О том, что людям нелегко было заселить подавляющее большинство звездных систем, доступных благодаря Потоку, но человечество продолжало их осваивать, несмотря на все препятствия. О том, как

независимые системы начали взаимную торговлю и стали зависимыми от ресурсов друг друга. О том, как группа торговцев во главе с Баньямуном Ву поняла, что настоящая власть заключается не в торговле, а в контроле над доступом к Потоку, и обосновалась в системе Ядра, начав собирать пошлины с помощью оружия.

О том, как они замаскировали захват ресурсов под выдуманное ими религиозное учение о Взаимозависимости, сделав дочь Баньямуна Рахелу номинальной главой новой церкви и зарождающейся империи. О том, как Ву и их союзники подкупали всех, кто мог им противостоять, раздавая аристократические титулы и торговые монополии, и создали экономику «домов и гильдий» с жестким делением на касты и активным подавлением экономического многообразия внутри каждой системы, которое теперь улучшило бы шансы человечества на выживание в условиях неминуемой изоляции.

О том, как в итоге Взаимозависимость, манипулируя реальной потребностью в торговле и сотрудничестве между системами, сделала ее источником выгоды для немногочисленной верхушки, начиная с семьи Ву — ее семьи.

Кардению поверг в шок бесстрастный тон

Рахелы Первой, безжалостно излагавшей суть заговора Взаимозависимости, пока она не вспомнила, что Рахела Первая из Зала Памяти — всего лишь компьютерная имитация, не обладающая личностью. Этой версии Рахелы Первой не надо было льстить себе или обосновывать поступки, совершенные ею, ее отцом, первыми представителями семьи Ву и их союзниками. Компьютерной имитации было неведомо чувство стыда.

Кардения тогда сообразила, что каждый импер после Рахелы переживал то же, что и она сама: они входили в Зал Памяти, желая поговорить со своими предками о природе Взаимозависимости, и слышали лишь бесстрастные слова о том, что история основания империи, которой учили каждого ее гражданина, — ложь. Кардения полагала, что почти каждый импер подозревал об этом — ее собственный сон, где Наффа раскрыла обман, все же был лишь плодом подсознания, а не реальным явлением призрака. Но одно дело — подозревать, и совсем другое — услышать самому от компьютерной, но вполне достоверной имитации собственного предка.

Из любопытства Кардения велела Цзии вызвать наугад нескольких импер, желая узнать, какие мысли их посетили, когда обнаружилось — или

когда подтвердились их подозрения, — что Взаимозависимость была основана главным образом ради выгоды для семьи Ву и ее союзников. Ей хотелось знать, как это повлияло на их собственное правление. Для одних двуличие предков стало неожиданностью и поводом улучшить жизнь рядовых граждан Взаимозависимости. У других откровенный захват власти предками вызвал лишь восхищение, и они постарались сделать все, чтобы власти семьи Ву в будущем ничто не угрожало. Двое были настолько потрясены услышанным, что отреклись от престола — один отправился в добровольное изгнание на Край, став фермером, а другой ударился в нигилизм, посвятив свою жизнь «пьянству и траху», как выразилась его имитация.

Но большинство импero попросту пожали плечами и продолжили править Взаимозависимостью. Вопрос о том, как она возникла и кто получил от этого выгоду, выглядел чисто теоретическим по сравнению с тем фактом, что империя существовала и кто-то должен был ею править; в этом смысле никто не мог ничего изменить, даже импero. Считалось, что импero Взаимозависимости не должен проявлять радикализм того или иного рода, а если такое случалось, его

предусмотрительно убирали, заменяя на более покладистого отпрыска или, при необходимости, другого родственника.

В первые девять месяцев своего правления Кардения столкнулась с невероятной инерцией имперского двора, обремененного традициями и обязательствами. Разве она не летела прямо сейчас на челноке, чтобы осмотреть космический корабль, который нисколько ее не интересовал, по требованию связанной с ней политическими узами семьи, которая нисколько ей не нравилась, вместе с мужчиной, чьего брака с Кардением желали все, кроме нее самой? Разве это само по себе не было метафорой всей ее нынешней жизни?

И тем не менее конец Взаимозависимости был не только неизбежен с точки зрения физики, но и желателен с точки зрения выживания человечества как вида. Когда каждая система соберет все имеющиеся в ней ресурсы, готовясь к изоляции, для монополий не останется места, так же как для гильдий и аристократии: они станут помехой для дальнейшего существования человечества. Ложь о Взаимозависимости — о ее необходимости и желательности — подходила к концу, и покончить с ней предстояло именно Кардении, никогда не хотевшей быть импера. У нее просто

не было иного выхода.

При мысли об этом у Кардении закружилась голова.

— Причаливаем к «Кричи», — сообщил по громкоговорителю пилот имперского челнока, и Кардения кивнула. Она путешествовала с обширной свитой из помощников и охранников, но в течение осмотра ей предстояло провести сколько-то времени наедине с Амитом, что давало возможность обсудить любые вопросы. Кардения полагала, что со стороны Амита последуют лишь неуклюжие попытки ухаживания.

«Вовсе незачем делать вид, будто ты готова выйти за него замуж», — подсказал внутренний голос, и Кардения ощутила приятную дрожь. А ведь правда! Вся цель брака с Амитом или другим Нохамапитаном заключалась в том, чтобы укрепить позиции имперского дома по отношению к гильдиям и парламенту, а также держать в узде невероятно тщеславный дом Нохамапитан — по крайней мере, теоретически.

Но теперь о будущем можно было не думать — во всяком случае, насколько это касалось Взаимозависимости. Кардении незачем было беспокоиться о продлении имперского господства еще на поколение или благосклонности

гильдий и парламента. Всего этого скоро не будет. Останется одно — всеми силами удерживать человечество от гибели после катастрофы. Кардения не сомневалась, что для этого ей вовсе не нужен ни Амит, ни кто-либо из Нохамапитанов. Если Марс Клермонт прав, а она была в этом почти уверена, через несколько недель все получат необходимые доказательства того, что вселенная меняется.

Кардения подумала о Марсе Клермонте, с которым ей сразу стало легко и просто, как только он вошел в ее кабинет и рассмеялся при виде тамошней обстановки. Кардения намеревалась вести себя официально, но что-то в Клермонте заставило ее передумать. Отказавшись от официального обращения, она завела с ним непринужденную беседу, а потом повернула дело таким образом, чтобы у них появилась возможность поговорить позже, за ужином.

«Да он тебе просто нравится», — произнес внутренний голос, с которым Кардения не могла не согласиться. Марс был умен, обладал хорошими манерами и приятной внешностью; к тому же прошло немало времени с тех пор, когда Кардению в последний раз воспламеняло сочетание подобных черт в мужчине, чей возраст отличал-

ся от ее собственного не больше чем на десять лет. Но сейчас Кардения испытывала не только сексуальное влечение. Когда челнок причалил к кораблю, она поняла, в чем дело: Клермонт слегка напомнил ей Наффу — слегка академичный, слегка язвительный и, возможно, видевший в ней Кардению, а не импер Грейланд Вторую. Или, по крайней мере, Кардению в том числе.

«Возможно, мне просто нужен друг», — с печальной улыбкой подумала она и вышла из челнока в причальный отсек «Хочешь кричать — кричи», где ее уже ждал Амит Нохамапитан вместе с двумя сотнями рабочих, строивших корабль. Все поклонились ей.

— Ваше величество, — сказал Амит Нохамапитан, подходя ближе. — Рад снова вас видеть.

Кардения заметила напряженное выражение его лица, которое он пытался спрятать за вежливой улыбкой. Он явно скрывал нечто беспокоившее его. На мгновение Кардения ощутила невольную жалость к Амиту — какие бы мысли его сейчас ни занимали, вряд ли они были приятными.

Ответив на изъявления любезности, Кардения дала представить себя кораблестроителям, пожимая руки бригадирам и приветствуя рядовых

работников. К подобной роли Кардения успела привыкнуть — приветствия и рукопожатия занимали немалую часть ее времени, и до конца ее жизни, видимо, ничего не изменилось бы.

«Но теперь все будет иначе», — заметил внутренний голос. Заставив его замолчать, Кардения повернулась к Амиту.

— Готовы приступить к осмотру, лорд Амит? — спросила она.

— Конечно, мэм, — ответил он. Кардения в официальной, но дружелюбной манере подала ему руку, которую Амит благодарно принял, и они вышли из причального отсека. За ними последовала свита.

«Десятка» была большим кораблем, и прогулка планировалась долгая. Им предстояло осмотреть мостик и инженерную капсулу в главной части корабля, а затем грузовые трюмы и фабрики в кольцах. Именно в грузовом трюме Амит и Кардения должны были остаться наедине; охрана расположилась бы в кольцевых секциях, впереди и позади них. Люди Кардении, естественно, находились на корабле уже несколько часов, обеспечивая безопасность везде, где ей предстояло пройти. Двухсотметровая прогулка с Амитом почти не влекла рисков.

После двухчасового осмотра было запланировано приватное чаепитие, тоже лишь для Амита и Кардении. Внезапно Кардения решила сказать Амиту именно за чаем, что о женитьбе можно забыть. Теперь оставалось надеяться, что она не будет хранить неловкое молчание во время прогулки по кораблю.

Через десять минут, однако, стало ясно, что если кто-то и хранит неловкое молчание, то это Амит Нохамапитан. Он произносил лишь самые необходимые фразы, а затем расположившиеся на их пути члены команды объясняли, как функционирует корабль. Амит не задавал никаких вопросов, что можно было бы счесть проявлением вежливости, если бы не его рассеянный вид, — казалось, он не обращал на пояснения ни малейшего внимания. Однажды Кардении пришлось даже незаметно его подтолкнуть, чтобы он поблагодарил очередного члена команды за потраченное время.

Когда они вошли в люк грузового трюма, обширного пространства, где оба могли несколько минут побыть наедине, Кардения решила, что с нее хватит.

— Лорд Амит, если цель этой прогулки — продемонстрировать ваши теплые чувства ко мне,

боюсь, с задачей вы не справились, — сказала она.

— Да, ваше величество, — печально улыбнулся Амит. — Поверьте, я прекрасно это сознаю.

— И какова тому причина?

— Боюсь, сегодня я получил слишком много дурных известий.

— Прискорбно. Что-то личное?

— В некотором роде. Большей частью связано с делами, хотя, как вы знаете, дела часто бывают личными.

— Должна заметить, что мне это известно лучше других.

— Не сомневаюсь, — ответил Амит, и они молча сделали еще несколько шагов по пещере трюма. Когда оба оказались в самой его середине, Амит остановился и повернулся к ней. — Вы ведь не хотите выходить за меня замуж, ваше величество?

Кардения открыла было рот, чтобы сказать что-нибудь успокаивающее, но у нее невольно вырвалось:

— Нет, не хочу. В самом деле.

— Что ж, ладно, — кивнул Амит.

— Погодите… что? — удивленно переспросила Кардения. — Прошу прощения, лорд Амит, но у меня создалось впечатление, в основном благода-

ря вашей сестре, что вы должны меня очаровать и обаять, — именно для этого я здесь. Но теперь вы явно радуетесь тому, что я не желаю выходить за вас замуж, — мягко говоря, я этого не ожидала.

— Простите, ваше величество.

— Не за что, — ответила Кардения, и теперь пришла очередь Амита удивляться. — Я рада, что с этим утомительным политиканством покончено. И мы можем как следует насладиться совместным чаепитием.

Амит рассмеялся.

— Но я не понимаю, — продолжала Кардения, — почему после года с лишним настойчивых поползновений со стороны вашей семьи и вас самих вы радуетесь, что я не проявляю интереса к браку с вами.

— Все сложно, — сказал Амит.

Кардения обвела вокруг рукой, словно говоря: «Мы одни. Самое время объяснить».

— Если вкратце, нам дали понять, что, по мнению других домов, мы и так уже оказываем на вас чересчур большое влияние. Заключив сейчас близкий союз с вами, мы рискуем скорее потерять его, чем увеличить.

— Даже не знаю, что и думать, лорд Амит.

— Понимаю, ваше величество. Достаточно того,

что политика гильдий и парламента и без того сильно усложнилась, и есть основания полагать, что в будущем она усложнится еще больше.

В мозгу Кардении словно звякнул предупреждающий звоночек.

— То есть?

— В ближайшей перспективе встанет вопрос о Крае.

— А в далекой?

— Ну… кто знает, что будет потом, — ответил Амит и зашагал дальше.

— Нет. — Кардения не двинулась с места, вынудив Амита остановиться. — Прошу прощения, лорд Амит, но я не верю, что вы сворачиваете с пути к трону из-за мятежа на Крае. И не верю, что ваша сестра поступила бы так же. Речь о чем-то большем, правда?

Амит вдруг стал похож на мальчишку, застигнутого за кражей варенья.

— И отказ от женитьбы — вовсе не то, чего вам хочется, так? — спросила Кардения. — Я хочу сказать, это не ваша идея. Вас заставили. Кто? Ваша сестра?

— Нет, не она, — ответил Амит.

— Но сами вы никогда не отказались бы, — сказала Кардения. — Какими бы ни были ваши

причины, вы получили ее согласие. Однако она сказала мне, что готова отказаться от места в исполнительном комитете, если я решу выйти за вас замуж, — представительство дома Нохамапитан в исполнительном комитете ничего не значит по сравнению с тем, что дом Нохамапитан породнится с царствующим семейством и посадит на трон наследника. Значит, после нашего с ней разговора что-то произошло. Что именно, лорд Амит?

Амит молчал.

— Это связано с Краем? — настаивала Кардения.

— Ваше величество…

— Вы к нему причастны? К мятежу на Крае?

— Ваше величество, — раздраженно бросил Амит. — Зачем нам это?

Кардения не стала обращать внимание на его тон, поскольку мысли ее были заняты вопросом посерьезнее: какую выгоду могли получить Нохамапитаны от мятежа на Крае? Если они имели к нему отношение, это означало, что они либо пытаются завоевать благосклонность тамошнего герцога, либо посадить на его трон нового, может быть, даже кого-то из своей семьи — скажем, Грени Нохамапитана, младшего брата.

Но зачем? Если герцога свергнут и следы приведут к Нохамапитанам, герцог (или, скорее всего, его наследники) может подать иск в Суд Взаимозависимости, заодно потребовав наложить арест на доходы дома на время рассмотрения дела. Для бизнеса это не сулило ничего хорошего. Если Нохамапитаны сделают герцогом Края кого-то из своих, им в конечном счете придется отказаться от своей штаб-квартиры на Тератуме, где правила графиня Джедна, мать Амита…

Тератум.

Внезапно в мозгу Кардении сложились воедино все кусочки головоломки.

— Господи, — проговорила она, глядя на Амита. — Так вы знаете. Вы знаете про Поток.

— Не понимаю, о чем вы, — ответил Амит, но его удивленный взгляд при упоминании Потока выдал в нем лжеца.

— Вам известно, что он скоро распадется. Вам известно, что Тератум — следующий. И вы покидаете его ради Края. — Кардения помедлила и непонимающе уставилась на Амита. — Вы знаете, что Поток распадется, но ничего не предприняли для спасения собственного народа. Почему?

— Он вовсе не распадается, он смещается, — начал было Амит и тут же заткнулся.

Кардения не сводила с него взгляда. Только сейчас до нее дошел смысл его слов.

— Нет, лорд Амит. Вовсе нет. Течения не смещаются, а полностью закрываются. Послушайте меня. Вам нужно сегодня же отправить сообщение на Тератум. Прямо сейчас. Они должны подготовиться.

— Подготовиться к чему?

— К коллапсу, Амит. К катастрофе.

Взвыли сирены, к обоим бросились охранники, те, что были впереди и позади. Амит потрясенно огляделся вокруг.

— Она не могла, — прошептал он. — Не могла. Поступить так со мной? Сейчас?

— Что случилось, Амит? — спросила Кардения.

— Простите, Кардения, — ответил он, а затем обоих схватили охранники и потащили прочь — Кардению в ту сторону, откуда они пришли, Амита туда, куда они собирались идти дальше.

Обе группы уже почти добрались до люков, когда трюм вспороло нечто, врезавшееся в обшивку корабля и под углом устремившееся к палубе. Обернувшись на бегу, Кардения увидела что-то похожее на остатки челнока: кувыркаясь, те неслись к дальней стене, туда, куда бежали Амит и его охранники. Она закричала, зовя его, но ее

крик был заглушен скрежетом разваливающегося челнока и шипением воздуха, вырывающегося через гигантскую дыру в потолке трюма. На долю секунды она увидела затылок Амита, сбитого с ног бегущими охранниками, и всех снесло обломками челнока.

Корабль, ощутив потерю атмосферы, начал опускать герметичные переборки. Кардения и ее охранники со всех ног бежали к закрывающемуся люку, но вихрь вырывающегося из дыры воздуха замедлял бег. Кардения закричала, глядя на люк, в уверенности, что они не успеют.

Успели не все. Охранники толкнули Кардению в люк, и она, споткнувшись, упала руками вперед. С другой стороны кто-то схватил ее за руку и дернул так грубо, что она вскрикнула от боли в вывихнутом плече. А потом оказалась по другую сторону люка, который закрылся наглухо, пока она пыталась подняться на ноги. Где-то по пути она потеряла туфлю.

Кардению подхватили и силой потащили по изогнутому коридору, к спице кольца, по которой можно было добраться до главной части корабля. Когда та уже была близко, Кардения посмотрела на троих бывших с ней охранников, собираясь спросить, что случилось, но тут раздался треск,

и она свалилась на палубу, сломав запястье и ободрав руки и лицо. Снова взвыл ветер. Один охранник успел подняться, и его вытолкнуло из кольцевой секции и унесло прочь, прежде чем новые герметичные переборки с грохотом опустились.

После того как переборки закрылись, Кардения досчитала до десяти и встала. Ей отчаянно не хватало воздуха — из-за двух повреждений атмосфера на корабле настолько разредилась, что Кардении казалось, будто она задыхается. Женщина из числа оставшихся охранников, тоже тяжело дыша, вскрыла висевший на стене аварийный комплект и достала два маленьких кислородных баллона. Один из них она протянула Кардении, показав, как им пользоваться. Сделав глоток кислорода, Кардения едва не расплакалась от благодарности.

Затем охранница проверила, что случилось с ее напарником, который так и не поднялся. Кардения увидела красную лужу вокруг его головы — несчастного с такой силой ударило о палубу, что он истек кровью.

В разреженном воздухе слышался чудовищный скрежет и треск.

— Что это? — спросила Кардения.

— Кольцо вращалось, создавая силу тяжести, — ответила охранница. — Теперь оно повреждено и разваливается на части. — Она протянула Кардении руку. — Идемте, мэм. Нужно подняться по этой спице.

Спица была спроектирована с расчетом на пресс-поля; широкая дорожка уходила вверх по стене кольцевого сегмента, а затем внутрь спицы, где сфокусированные пресс-поля обеспечивали безопасность поднимающихся по стене людей. Другой конец спицы выходил в главную часть корабля, где пресс-поля точно так же обеспечивали безопасность.

— Вы первая, мэм, — сказала охранница. Кардения, хромая, поднялась по стене внутрь спицы, с кислородным баллоном в руке, и обернулась, глядя на охранницу. — Не останавливайтесь! — велела та, жестом подгоняя Кардению, после чего скрежет стал громче, и Кардения увидела, как под охранницей выгибается и рвется палуба кольцевого сегмента. Люк, отделявший спицу от остальной части кольца, закрылся, и последнее, что успела услышать Кардения, — крик охранницы: «Бегите!»

Подгонять ее не требовалось. Она мчалась со всех ног, пока не отказали пресс-поля, а дальше

полетела по спице в невесомости. Сперва она врезалась в стену, а потом поползла по ней, пытаясь добраться до дальнего люка, ведшего в главную часть корабля.

По пути Кардения миновала прозрачный участок спицы, увидев остатки кольца и отрывающийся от корабля противоположный сегмент. Спица, что вела к нему, ломалась на части, во все стороны летели обломки. Но вот страшная картина оказалась позади, и Кардения увидела впереди вход в главную часть корабля.

И поняла, что он герметично закрыт.

Спица вокруг Кардении содрогнулась от резкого толчка, швырнув ее в стену и закрутив на месте. Послышался пронзительный свист — вдоль стены спицы пошла трещина из мелких, словно булавочные головки, отверстий длиной метра в три, не меньше. Спица теряла атмосферу.

Крепче стиснув кислородный баллон, Кардения добралась до люка, отделявшего ее от главной части корабля, схватилась за скобу рядом с ним и начала колотить по люку баллоном. Она продолжала колотить, чувствуя, как воздух становится все холоднее и разреженнее, и время от времени делала глоток из баллона, чтобы не потерять сознание. Она колотила, пока ей не послышалось, а

может, почудилось, что кто-то стучит с противоположной стороны.

Она продолжала колотить, пока ее не сковало холодом.

Глава 17

Имперские гвардейцы заполонили кабинеты дома Лагос в Доме гильдий, и Кива выдала единственный, как она считала, разумный ответ на это.

— Что за хрень? — спросила она лорда Претара, который стоял посреди своего кабинета, пока гвардейцы и следователи просматривали его документы и планшет, наряду с документами и планшетами остальных присутствующих.

— Случилось покушение на жизнь импер о, — объяснил Претар.

— И какое, на хрен, мы имеем к этому отношение? — спросила Кива.

— Леди Кива, прошу вас. — Претар окинул взглядом гвардейцев. — Будьте вежливее.

— К черту вежливость! — бросила Кива. — Отвечай на вопрос, черт бы тебя побрал.

Кива видела, что Претар решает, стоит ли ему, старшему управляющему дома Лагос на Ядре, перечить дочери матриарха дома. После секундного размышления он сделал выбор, который Кива сочла правильным, хотя и была несколько разочарована — ее подмывало размазать долбаного

Претара по ковру здесь и сейчас.

— Импero осматривала только что построенный корабль, — сказал он. — Кто-то врезался на челноке в кольцевой сегмент, где она находилась.

— Ладно, и что с того?

— Оказалось, это челнок с одного из наших кораблей.

— Что? С какого?

— «Да, сэр».

— Да ты, блин, шутишь, — проговорила Кива.

Претар огляделся вокруг и закатил глаза, словно говоря: «Если бы я шутил, этих людей сейчас не было бы здесь».

— Леди Кива, — послышался голос за ее спиной. Обернувшись, она увидела какого-то назойливого типа, не сводившего с нее взгляда.

— Ты кто такой?

— Хайберт Лимбар. Начальник Имперской гвардии. Я хотел бы с вами поговорить.

— Прекрасно. Я тоже хочу с вами поговорить. — Кива повернулась к Претару. — Вон отсюда.

— Это мой кабинет, — возразил Претар. — И вы — не ваша мать, леди Кива.

— Да, я — не она, — ответила Кива. — Если хочешь, можешь ей позвонить и пожаловаться на

меня. А пока что вали, на хрен. Мне нужен твой кабинет.

Претар на мгновение уставился на нее, а затем вышел. Гвардейцы и следователи смотрели ему вслед.

— Скажите остальным, чтобы тоже валили, на хрен, — сказала она Лимбару.

— Все валите, на хрен, — велел Лимбар. — На ближайшие пятнадцать минут.

Все свалили, на хрен, и Лимбар закрыл за ними дверь.

— Какого хрена в этом оказался замешан наш челнок? — спросила Кива, опускаясь в кресло Претара.

— Странно, что вы спрашиваете меня, леди Кива, — ответил Лимбар. — Я собирался задать этот вопрос вам. Возможно, чуть реже произнося слово «хрен».

— Естественно, я не имею ни малейшего понятия.

— Вы были представителем судовладельца на «Да, сэр»?

— Да.

— И на обратном пути на Ядро с Края набили корабль под завязку эмигрантами с Края, якобы бегущими от тамошней гражданской войны?

— Да. И что?

— Возможно, у кого-то из этих эмигрантов имелись свои планы на случай прибытия сюда.

Кива презрительно фыркнула:

— Полагаете, один из тех придурков, которых мы переправили на Край, знал, что импер о — новенькая, с иголочки, импер о, коронованная примерно тогда же, когда мы улетели, — окажется на конкретном корабле в конкретное время, а потом просто позаимствовал челнок, чтобы с нею разделаться?

— Вряд ли. Скорее кто-то из местных дал им инструкции с учетом нынешней политической ситуации.

— В каком смысле? — спросила Кива.

— Леди Кива, вам известно, какой именно корабль подвергся атаке?

— Нет.

— «Хочешь кричать — кричи», новая «десятка», построенная по заказу дома Нохамапитан.

Кива промолчала.

— Как говорит леди Нохамапитан, незадолго до того, как был атакован принадлежащий ее дому корабль, вы и графиня, ваша мать, угрожали Амиту Нохамапитану судом.

— Мы ему не угрожали. Всего лишь дали понять,

что крайне недовольны некоторыми действиями, которые его дом предпринял против нас на Крае, но предложили уладить все, не обращаясь в суд. Можете сами его спросить.

— Я бы с удовольствием, вот только, когда случилась атака, он был вместе с импер. Импер выжила. Амит Нохамапитан, увы, нет.

— Вот так хрень, — после минутной паузы проговорила Кива.

— Могу показать фотографии, если хотите, — кивнул Лимбар. — Впрочем, осталось не так уж много. Большую часть того, что не размазало по палубе, выбросило в космос.

— Вы же не думаете, что это наших рук дело?

— Ну… как сказать, леди Кива. Вы прибываете с Края, вступив в коммерческий спор с Нохамапитанами, ваш корабль полон эмигрантов с планеты, повстанцы с которой совершают теракты по всей Взаимозависимости и уже пытались убить импер. И вот теперь — покушение, которое не только обращено против импер, но и устраняет наследника главы дома Нохамапитан, а заодно причиняет чудовищный финансовый ущерб, уничтожив их новую «десятку» перед самым вводом в строй. Как тут не сделать вывод, что вы и террористы с Края решили убить двух

зайцев одним махом?

— Можете делать какие угодно выводы, — сказала Кива. — Это вовсе не значит, что они верны. К тому же это не имеет смысла. Лорд Амит был нужен нам живым, чтобы протолкнуть выгодное для нас соглашение. Зачем его убивать? Теперь они вообще не захотят иметь с нами дела, особенно если решат, что мы причастны к этому.

— С последним я вполне согласен, — улыбнулся Лимбар. — Леди Надаше в ярости, и лишь попытка добиться отправки войск на Край отвлекает ее внимание от дома Лагос.

Кива открыла было рот, собираясь рассказать о связях Нохамапитанов с повстанцами на Крае и о том, почему бы Лимбару, черт бы его побрал, не заняться этим, но тут же сомкнула челюсти — так быстро, что лязгнули зубы.

— Да, леди Кива? — спросил Лимбар. — Что такое?

— Я просто подумала, есть ли у вас хоть какие-то доказательства в подтверждение ваших догадок.

Лимбар обвел рукой вокруг себя:

— Мы здесь не просто так. Вряд ли вы или ваша мать настолько глупы, чтобы доверять такие планы записывающим устройствам, если, конечно, вы к этому причастны. Но, возможно, далеко

не все ваши подчиненные это осознают, и тогда мы все выясним. А пока что, леди Кива, как вы понимаете, я ограничил ваши перемещения Ядропадом, и за вами будут тайно наблюдать. Естественно, это касается не только вас. Подобным же ограничениям подверглись ваша мать, лорд Претар и большая часть ваших подчиненных здесь и на Сиане.

— Не думаю, что моей матери это понравится.

— В таком случае можете передать графине, процитировав меня полностью, — мне насрать. Кто-то только что пытался убить мою импер уже во второй раз. Можете быть уверены: я выясню, кто именно. И если окажется, что это вы, ваша мать или другой человек, имеющий отношение к дому Лагос, мне будет все равно, насколько высокое положение вы занимаете и насколько сильно способны запугать своих подчиненных. Если потребуется, я уничтожу вас и весь ваш дом.

— Я ей передам.

— Передайте. А теперь прошу меня простить, леди Кива, но моим людям нужно продолжать работу.

Он открыл дверь, впуская обратно своих гвардейцев и следователей. Посмотрев на них, Кива поднялась с кресла, вышла из кабинета и на-

правилась к лифтам. От группы гвардейцев отделилась женщина и двинулась в ее сторону.

— Еще не хватало, — бросила Кива. — Твой придурок-босс утверждал, будто за мной будут следить незаметно.

— Так и есть, — ответила та, становясь рядом.

Кива подавила желание закатить глаза:

— Как тебя звать?

— Сержант Бренджа Питоф.

— И что, сержант, смогу я хоть минуту побыть одна?

— Вряд ли.

— Что, будешь за мной следить даже на толчке?

— Нет.

— И то хорошо.

— Если только в туалете нет окна или второго выхода.

Двери лифта открылись, и Кива вошла внутрь. Сержант Питоф последовала за ней.

— Нажми кнопку «Первый этаж», — сказала Кива.

— Мне положено следить за вами, леди Кива, а не прислуживать вам, — возразила Питоф. Но кнопку все-таки нажала.

— Где вы? — спросил у Кивы капитан Блиникка

с ее планшета, который гвардейцы не конфисковали.

— В своем номере, в ванной, — ответила Кива.

— Что это за шум?

— Это душ.

— Вы звоните мне из душа?

— Нет, я включила душ, чтобы с тобой поговорить. У меня в номере долбаная баба-гвардеец.

— И что она делает?

«Валяется, затраханная вконец, на кровати», — подумала Кива, но не стала говорить вслух. Раз уж за ней так пристально следят, почему бы этим не воспользоваться?

— Ждет, когда я закончу принимать душ. Может, перейдем к делу? Вопрос: что стряслось с нашим челноком, мать его?

— Он возвращался с Имперской станции, когда прервалась связь, и полетел прямо к причалу, где стоял «Кричи», а затем врезался в него. Имперская гвардия открыла огонь при его приближении, но не сумела его уничтожить.

— Кто был пилотом?

— Лин Си.

Кива поморщилась. Си была опытным судоводителем и, насколько знала Кива, совсем не интересовалась политикой.

— Зачем ей таранить челноком этот корабль?

— Вряд ли это сделала она, — ответил Блиника. — У нас есть данные с приборов челнока. Они показывают немалую активность во время полета, но никаких данных о пилотировании или, точнее, данных, соответствующих траектории полета. Все, что мы видим, — действия пилота, пытающегося перехватить управление челноком.

— Думаешь, челнок угнали?

— Да. Я думаю, его приборы взломали, а затем челнок направили к «Кричи» — либо на автопилоте, либо дистанционно.

— Ты говорил об этом имперским гвардейцам?

— Те не спрашивали, и я решил — пусть выясняют сами. Они просто явились на корабль, скачали всю информацию, какую могли, и расположились в одном из трюмов, где остаются и сейчас. Допросили меня и старших офицеров, но это было несколько часов назад. Нам не разрешают покинуть корабль, и я не знаю, что они теперь замышляют.

— На челноке никого больше не было, кроме Си?

— Нет.

— А до этого? Она ведь пилотировала челнок к

Имперской станции? С ней кто-то был?

— Погодите, — сказал Блиникка. Дожидаясь его ответа, Кива решила, что ей действительно нужен душ после бурного общения с сержантом Питоф. Раздевшись, она переключила планшет на громкую связь и вошла под душ. — С ней было несколько пассажиров, — снова заговорил Блиникка. — Собственно, трое. Муж и жена по фамилии Левийн и некий мужчина по фамилии Брошнинг. Они покидали «Да, сэр» насовсем.

— Известно, куда они направлялись?

— Понятия не имею.

— Но кто-то ведь имеет? Можно ли выяснить?

— Не знаю. Я капитан, а не частный детектив.

— Спроси Гажона Магнута. Если они везли в трюме груз и не забрали его на челнок, то должны были распорядиться, чтобы груз куда-то отправили.

— Мы просто выгружаем его. Дальше им занимается Имперская станция.

— Тогда пусть кто-нибудь спросит у них.

— Легче сказать, чем сделать.

— Долбаная Имперская гвардия думает, будто мы пытаемся прикончить импер, — сказала Кива. — Полагаю, можно приложить некоторые усилия.

Блиникка помолчал.

— У вас включена громкая связь?

— Возможно.

— По-моему, вы говорили, что стараетесь избегать подслушивания.

— Я решила, что реальный душ мне нужен больше.

— Лучше бы мне этого не знать.

— Найди этих людей. Сообщи мне, где они.

— Не могу обещать.

— Тогда, думаю, увидимся в тюрьме.

Кива услышала, как Блиникка вздохнул.

— Звонить вам не стану — боюсь представить, чем вы будете заниматься, когда ответите. Пошлю сообщение.

— Зашифрованное.

— Естественно, — ответил Блиникка и отключился.

Закончив мыться, Кива выключила душ, вытерлась и, открыв дверь, обнаружила по другую ее сторону сержанта Питоф.

— Сами знаете — есть более простой способ найти тех людей, — сказала Питоф.

— Ты что, мать твою, подслушивала под дверью? — недоверчиво спросила Кива.

— Да.

— И что ты слышала?

— Большую часть сказанного после включения громкой связи.

— Невероятно.

— Если мы занимались сексом, это вовсе не означает, что я перестала делать свою работу, леди Кива.

Кива открыла рот и тут же снова его закрыла.

— Не знаю даже, что ответить, — наконец сказала она. — Лучше расскажи, что это такое — более простой способ найти тех людей.

— Прибывающий на любую Имперскую станцию, чтобы поселиться там постоянно, обязан сообщить таможне, где он остановится. Иммиграционная служба должна отслеживать их местонахождение, пока они не получат вид на жительство.

— То есть таможне известно, где они?

— Скорее всего.

— Иногда люди лгут о том, куда направляются.

Питоф покачала головой:

— Нужно предъявить бронь отеля или имя и адрес людей, у которых будешь жить, и зарегистрироваться по прибытии.

— А потом просто выходишь за дверь, и никто о тебе больше не услышит.

— По крайней мере, в своих поисках вы будете на шаг ближе, чем сейчас.

— Так как мне поговорить с таможней?

— Не стоит. Я сама.

— Зачем тебе мне помогать?

— Почему бы и нет? Я ведь доложу моему боссу обо всем, что стану для вас делать.

Кива удивленно подняла брови:

— Так уж и обо всем?

— Да, и о сексе тоже.

Кива ответила не сразу:

— По-моему, это не слишком этично — трахаться с тем, за кем следишь.

Сержант Питоф пожала плечами:

— Мне приказали не отходить от вас ни на шаг.

— А ты мне нравишься, сержант Питоф, — рассмеялась Кива.

— Спасибо, леди Кива. А теперь назовите еще раз те фамилии — я не разобрала их сквозь шум душа.

Таффид и Чун Левийн остановились на Имперской станции в недорогом отеле под названием «Примула». Киве от этого не было никакого толку — она застряла на Ядре, так что с этими двумя надо было подождать. Она ожидала информации

о Георке Брошнинге, когда в вестибюле отеля послышался грохот, а затем крик. Достав из шкафа халат, Кива открыла дверь и, посмотрев с высоты трех этажей в атриум, увидела лежащее на полу тело. Покойник уставился мертвым взглядом на потолок отеля шестнадцатью этажами выше.

— Я его нашла, — послышался из номера голос сержанта Питоф. Надев другой халат, она вышла в коридор, показывая Киве информацию на планшете, в том числе фотографию Брошнинга.

— Кажется, я тоже его нашла, только что, — ответила Кива, посмотрев на фотографию, и показала на лежащее тело в атриуме, вокруг которого уже собирались люди и начала растекаться лужа крови. Заметив кое-что еще, она направилась прямо в халате по коридору в сторону лифтов. Питоф последовала за ней.

Спустившись в вестибюль, Кива прошла через атриум мимо трупа и окружавшей его толпы к одному из горшков с искусственными растениями. Среди мясистых поддельных листьев торчала карточка-ключ. Схватив ее, Кива снова прошла мимо мертвеца и зрителей, а потом направилась к стойке и обратилась к испуганному портье.

— Не будете ли так любезны позвонить Георку Брошнингу? Он ждет меня, но я забыла номер

его комнаты.

— Да… конечно, — пробормотал портье, включая экран. Найдя фамилию, он набрал номер. — Не отвечает, мэм, — сказал он минуту спустя.

— Не могли бы вы просто назвать номер комнаты?

— Прошу прощения, мэм, но я не имею права.

— Ну да, конечно, — кивнула Кива, повернулась и увидела подошедшую к ней Питоф. Пройдя мимо своей опекунши, Кива вернулась в лифт и нажала кнопку двенадцатого этажа в то самое мгновение, когда Питоф вошла в кабину. Питоф заметила номер этажа, но ничего не сказала.

На двенадцатом этаже Кива вышла, направилась к комнате 1245 — этот номер она видела на экране у портье — и вставила карточку в замок. Замок сработал.

— Не стоило тебе идти со мной сюда, — сказала Кива сержанту Питоф. — Тебя могут обвинить в порче вещественных доказательств. В халате.

— Заткнитесь и откройте дверь, — бросила Питоф. Кива пожала плечами и вошла.

Постель в номере была смята, но не разобрана — кто-то лежал на ней, но, возможно, не спал. В номере стояли нераспакованные чемоданы и прочие вещи. Взглянув на стол, Кива увидела

ручку и блокнот, на верхнем листе которого было что-то написано. Подойдя к столу и не прикасаясь к блокноту, она прочитала слова, написанные мелким, плотным почерком:

Я выращивал на Крае кукурузу и бану. Бану погибло из-за грибка. Говорят, будто виной тому цитрус, но, думаю, грибок перешел с кукурузы. Она тоже погибла. Я по терял все, что имел, а потом началась война. Я пытался улететь с планеты, но не было денег. Потом со мной захотел увидеться Грени Нохамапитан. Сказал, что оплатит мне перелет и что считает себя ответственным за гибель моего бану. И еще сказал, что я был хорошим посредником.

По прибытии на Ядро он велел мне связаться с таможенным служащим по имени Че Исольт, который расскажет, что делать дальше. Исольт пришел на корабль и дал мне передатчик, сказав, чтобы я оставил его на челноке. Потом я включил монитор в отеле и узнал, что случилось с челноком. Я знаю, рано или поздно все выяснят. Я знаю, меня найдут.

И я знаю, что никто мне не поверит. Я уже столько потерял, и меня попросту одурачили. Я думал, что на Ядре у меня будет шанс на новую жизнь, но ошибался.

Простите за грязь.

— Долбаный Нохамапитан, — проговорила Кива, поворачиваясь к Питоф. — Планшет у тебя с собой? — Питоф показала планшет. — Звони своему боссу.

— Что я должна ему сказать?

— Скажи, что я нашла кое-что и теперь я и мой дом полностью чисты.

— Вряд ли его убедит записка самоубийцы, — заметила Питоф.

— Это не просто записка самоубийцы, — сказала Кива.

— В любом случае потребуется время.

— Угу, — кивнула Кива. — Когда закончишь, дай мне свой планшет.

— Зачем?

— Мне нужно позвонить моему капитану и сказать ему, чтобы он больше не искал Брошнинга. А потом я собираюсь позвонить еще кое-кому.

— Кому?

— Тому, кто наверняка сделает так, что мой дом

станет чист намного раньше, мать его.

Глава 18

Имперский гвардеец распахнул дверь, и Марс Клермонт вошел в просторное, богато украшенное помещение, где проходило первое утреннее заседание исполнительного комитета. Держа в руке папку, Марс широко раскрытыми глазами разглядывал вычурную обстановку огромного зала, понимая, что, сколько бы он ни пребывал в имперском дворце, вряд ли он когда-либо привыкнет к его нелепой роскоши, казавшейся попросту чрезмерной.

Он подошел к столу, где заседал исполнительный комитет, за исключением импero, которая все еще выздоравливала после покушения. Женщина во главе стола — архиепископ Корбейн, как сказала ему Грейланд Вторая, — молча окинула его оценивающим взглядом. Поклонившись ей, Марс поискал за столом Надаше Нохамапитан. Он никогда ее раньше не видел, но почти сразу же узнал: моложе всех остальных, она имела немалое фамильное сходство со своим братом Грени. Надаше взглянула на Марса — бесстрастно, как и следовало, ведь она понятия не имела, кто он такой и кого представляет.

— Вы новенький? — спросила архиепископ Корбейн.

— Да, ваша светлость, — кивнул Марс. — Я Марс Клермонт, новый помощник импero по научным вопросам. Меня наняли только вчера, после моего прибытия с Края.

Слова его привлекли внимание Надаше, но она не подала виду, и если бы Марс не наблюдал за ее реакцией, то ничего бы не заметил.

— Не так уж мало за два дня, — улыбнулась Корбейн.

— Да, ваша светлость. Немало. Даже больше, чем вы думаете.

— Как я понимаю, у вас есть новости о состоянии здоровья импero? — спросила Корбейн.

— Да. И один вопрос, который импero попросила меня представить на рассмотрение комитета, если вы не против.

— Конечно.

— Состояние импero улучшается, — сказал Марс. — Она все еще страдает от последствий обморожения и гипоксии, но, к счастью, охрана — или то, что осталось от охраны, — сумела ее спасти до получения действительно опасных для жизни травм. Ей повезло больше, чем пятерым охранникам, которые погибли, защищая ее, и

еще четверым, которые погибли, пытаясь спасти лорда Амита Нохамапитана. — Он кивнул Надаше. — Мои соболезнования, леди Надаше.

— Спасибо, — ответила та.

Марс снова повернулся к Корбейн:

— Доктор Дринин сказал импето, что хочет оставить ее в постели под наблюдением еще на несколько дней и убедиться в ее полном выздоровлении. И предложил, чтобы она позволила исполнительному комитету решать все поступающие вопросы в ее отсутствие. Полагаю, он намекал, что комитет должен подтвердить санкцию парламента на применение силы против Края и тамошних повстанцев.

— И что ответила импето? — спросила Корбейн.

— Сказала, что в ее отсутствие комитет может подтвердить это от ее имени…

— Самое время, — заметила Упекша Ранатунга, голосовавшая в парламенте за отправку на Край военного корабля «Пророчества Рахелы».

— …Но лишь после того, как я представлю комитету вторую порцию сведений, которыми она хотела с вами поделиться.

— И какую же? — спросила Корбейн.

— Вот эту, — ответил Марс, открывая папку,

где лежали девять документов — толстые пачки сшитых страниц с печатным текстом, — и начал раздавать отчеты членам комитета.

— Что это? — поинтересовалась Ранатунга.

— Ранний набросок научной статьи, которую мой отец получил несколько лет назад от докторанта по имени Хатида Ройнольд. Она послала статью отцу, поскольку он не только служил имперским аудитором на Крае, но и выполнял другую задачу, порученную имперо Аттавио Шестым. Отец, как и я, был специалистом по физике Потока, и покойный имперо велел ему собирать данные о состоянии течений Потока внутри Взаимозависимости. Аттавио Шестого беспокоило, что эти критически важные торговые пути могут распасться, несмотря на все заверения авторитетных физиков Потока.

— И это действительно может случиться? — спросила Ранатунга.

— Это уже случалось раньше, — ответил Марс. — Вот самый очевидный факт: более тысячелетия назад мы лишились течения Потока к Земле, родине наших предков. Через несколько сотен лет произошел еще один разрыв Потока, затронувший систему Даласислы. Однако с тех пор течения оставались удивительно устойчивыми,

что позволяло Взаимозависимости благоденствовать и процветать.

Корбейн взяла отчет, но не стала его даже пролистывать; остальные члены комитета тоже положили бумаги на стол. Надаше Нохамапитан что-то занесла в планшет.

— В статье говорится о том, что течения Потока распадаются?

— Нет, — сказал Марс. — На самом деле в ней утверждается, что течения, вероятно, претерпят радикальные изменения, перемещаясь и перераспределяясь в течение ближайших лет. Большинство их исчезнут, но возникнут новые, что позволит торговле внутри Взаимозависимости продолжаться. Однако средоточием новой сети течений Потока станет Край, а не Ядро.

— Это точно? — спросила Корбейн.

— Именно это хотела выяснить Ройнольд и поэтому послала черновик моему отцу. Тот еще раньше написал статью на ту же тему и обсудил свои выводы с Аттавио Шестым, с которым был в дружеских отношениях. По требованию Аттавио он прекратил открыто заниматься всем этим, но ранняя статья никуда не делась. Ройнольд полагала, что отец — единственный, кто отнесется серьезно к ее работе.

— И что он ей сказал?

— Ничего — он ведь неофициально занимался исследованиями для импер. Думаю, отец поделился тем черновиком только со мной, поскольку мы работали вместе. Хатида Ройнольд — по крайней мере, официально — прекратила разработки по этой теме, и ее докторская диссертация касается совершенно иных предметов. Однако сегодня с ней разговаривали имперские гвардейцы. Оказалось, что у Хатиды, как и у моего отца, был личный покровитель, благодаря которому она продолжила изучать смещения течений Потока. Это Надаше Нохамапитан.

Все взгляды обратились к Надаше, но та лишь улыбнулась.

— Я знала, что до этого дойдет, — сказала она, обращаясь напрямую к Корбейн. — Хатида — моя подруга по университету. Она пришла ко мне, когда у нее возникли проблемы с финансами, но не захотела брать денег просто так. Я выделила средства на исследования по этой теме, выплачивая жалованье, которое позволило бы закончить работу. Ну а она представляла ежеквартальные отчеты, — впрочем, я никогда их не читала, поскольку не интересовалась этим.

— Прошу прощения, леди Нохамапитан, но

у меня есть повод считать иначе, — возразил Марс.

Надаше уставилась на Марса взглядом, который вполне мог бы прожечь дыру в его груди.

— И каков же этот повод, господин Клермонт?

— Лорд Клермонт, леди Надаше, — поправил Марс. — Все дело в том, что ваш брат утверждал иное.

— Кому?

— Нам, — послышался со стороны дверей голос империо Грейланд Второй. Все встали, кроме Марса, который уже стоял. Внезапное появление Грейланд вызвало у него улыбку. Они не планировали этого, но Марс почувствовал ее волнение, когда пришел к ней и выложил то, что поведала ему Кива Лагос, вместе с имевшейся у него собственной информацией. Империо рассказала, что известно ей, и все, к их ужасу, сложилось воедино. Затем она сделала несколько звонков, чтобы уточнить кое-какие детали, и в числе прочего запланировала выступление Марса перед комитетом.

Империо также велела ему спрятать на одежде микрофон и слышала весь обмен репликами; когда она входила в дверь зала, ответ для Надаше Нохамапитан уже был у нее готов, что, как отме-

тил Марс, возымело неплохой психологический эффект.

Грейланд медленно подошла к столу и махнула всем рукой, позволяя сесть. Архиепископ Корбейн собралась было освободить место во главе стола, но Грейланд знаком разрешила ей оставаться на месте, а сама подошла к Марсу и оперлась на его руку.

— Ваш брат, леди Надаше, сообщил нам, что вашей семье было известно о работе доктора Ройнольд, — сказала импето. — Он успел об этом рассказать, прежде чем погиб, разорванный на части челноком, который врезался в вашу новую «десятку». Тогда мы не знали, что он имел в виду. Но затем у нас состоялся разговор с присутствующим здесь лордом Клермонтом, и он понял, о чем говорил ваш брат, поскольку видел раннюю работу доктора Ройнольд. Ваш брат знал, что сказано в этой работе, и знал также, что выводы ее неверны.

— Да, неверны, — согласился Марс. — Математические расчеты крайне небрежны. Я пока не видел последних ее работ, но если она все еще предполагает возможность смещения Потока, значит она так и не исправила свои изначальные ошибки.

— Но вы не могли этого знать, — продолжала Грейланд, обращаясь к Надаше. — Соответственно, вы и ваша семья исходили из допущения, что Край станет новым центром Взаимозависимости. И делали все, чтобы после этого вы, а не дом Ву, могли контролировать доступ к Потоку. Вы поддержали мятеж на Крае, отправили туда своего брата Грени, чтобы им руководить, разработали вирус-вредитель, чтобы вызвать всеобщее недовольство, и обвинили в его применении дом Лагос, чтобы скрыть следы и отомстить враждебному дому.

— Здесь, на Ядре, вы настояли на оказании военной помощи герцогу Края, а затем обратились к пиратам, чтобы захватить оружие для вашей семьи, вынудив герцога к более отчаянным действиям, — сказал Марс. — И продолжали добиваться нового военного вмешательства, планируя и совершая террористические акты как здесь, так и по всей Взаимозависимости.

— Это ложь, — заявила Надаше.

— Гвардия арестовала Че Исольта, леди Нохамапитан, — сказала Грейланд. — Вашего человека в таможенной и иммиграционной службе. Он почти сразу же выдал вас и рассказал нам, как играл роль посредника между вами и иммигран-

тами с Края, которых вы могли использовать в качестве исполнителей терактов или просто подставных лиц. И даже поведал о вчерашнем покушении — как он дал ничего не подозревающему иммигранту передатчик, который подключился через обслуживающую программу к системе управления челноком и направил его на ваш собственный корабль. Знаете, почему он так легко вас выдал?

— Ему стало известно, что вы преднамеренно убили собственного брата, желая изобразить атаку на дом Нохамапитан, — пояснил Марс.

— Видимо, братоубийство — это чересчур даже для него, — кивнула Грейланд. — Хотя он одобрил вашу попытку обвинить во всем дом Лагос, сказав, что это весьма умный ход с вашей стороны.

— Однако дом Лагос этому вовсе не рад, — заметил Марс.

— Да, — согласилась Грейланд. — Они вовсе не рады. И мы тоже, леди Надаше. Во всех отношениях.

— Меня печалит, что вы всему этому поверили, ваше величество, — начала Надаше.

— Хватит нести чушь, Надаше, — раздраженно бросила Грейланд. — Все кончено.

— Нет, Кардения, — возразила Надаше, и тут же

послышалось несколько судорожных вздохов по случаю вопиющего нарушения протокола — обращения к импер по личному имени. — Ничего не кончено. Может, только для меня, но не для дома Нохамапитан. — Она бросила на стол планшет, который держала в руке, и показала на него. — Как только этот ваш лакей вручил мне отчет Хатиды, я послала сообщение на «Пророчества Рахелы» — военно-транспортный корабль с десятью тысячами морпехов на борту, полностью вооруженных и снаряженных. К тому времени, как появились вы и начали свою тираду, команда корабля уже направила его к отмели Потока и он занял позицию для немедленного прыжка. Меньше чем через пятнадцать минут «Рахела» отправится в сторону Края, и помешать этому теперь не удастся.

Грейланд бросила взгляд на Корбейн, которая схватила свой планшет, вскочила из-за стола и начала делать вызовы, после чего снова повернулась к Надаше:

— Команда вашего корабля не может оставаться там вечно.

— Не говорите глупостей, — ответила Надаше. — Они не единственные, кто на нашей стороне. Я работала над этим много лет. Когда

«Рахела» доберется до Края, контролировать систему будем мы. Сперва возьмем под контроль тамошнюю Имперскую станцию, и если мой брат к тому времени уже не будет править планетой, она довольно скоро окажется в наших руках. Это лишь вопрос времени. И мы без труда сможем защитить выходную отмель на Край. Мы все спланировали. А когда течения Потока переместятся, мы начнем переговоры.

— Вы не понимаете, — сказал Марс. — Ройнольд ошибалась. Никаких перемещений не будет. Будет полный распад. В ближайшие десять лет исчезнут все течения Потока.

— Прошу прощения… что? — переспросила Упекша Ранатунга.

— Поэтому я и здесь, — продолжил Марс. — Мой отец подтвердил это. Мы подтвердили это на основе данных с прибывающих на Край кораблей. Все схлопывается, окончательно и бесповоротно. Край скоро окажется в такой же изоляции, как и любая другая система.

— Это всего лишь ваша интерпретация данных, — возразила Надаше.

— Это уже происходит, — сказала Грейланд. — Течение от Края к Ядру уже закрылось. Следующим будет течение с Ядра к Тератуму. К вашей

родной системе, Надаше.

Надаше покачала головой и улыбнулась:

— Нет. И в любом случае это не имеет значения. — Она показала на Марса. — Если он прав, миллиарды людей скоро погибнут. Край — единственная система во Взаимозависимости, имеющая пригодную для жизни планету. Все остальные системы — созданные людьми поселения. Они протянут годы, может, даже десятилетия, но в конечном счете их ждет гибель. Каждую, кроме Края. А им будет править дом Нохамапитан, если не правит уже сейчас.

Дверь снова открылась, вошли четверо имперских гвардейцев и направились к столу, где сидели члены исполнительного комитета. За ними следовал Хайберт Лимбар.

Надаше взглянула на них, затем на импero:

— Что, за мной?

— Да, — ответила Грейланд.

— Мой вам совет, Кардения, — сказала Надаше, когда ее окружили гвардейцы. — Оставьте меня в живых и хорошо ко мне относитесь. Так или иначе, Взаимозависимости придет конец. И когда он настанет, дом Нохамапитан будет ждать того, что принадлежит ему по праву. Вряд ли ему понравится, если со мной что-нибудь случится.

— Будем иметь в виду, — ответила Грейланд. — А пока что благодарю за вашу службу в исполнительном комитете. Вы освобождены от своей должности.

Рассмеявшись, Надаше встала из-за стола и вышла в сопровождении гвардейцев. Весь исполнительный комитет смотрел ей вслед.

Когда она ушла, послышался негромкий кашель Упекши Ранатунги.

— Мне хотелось бы вернуться к вопросу о течениях Потока, которые должны распасться в течение десяти лет. — Она посмотрела на Марса и Грейланд. — Это правда?

— Правда, — ответил Марс.

— И вы рассказываете нам об этом только теперь? — недоверчиво проговорила Ранатунга.

Марс услышал вздох Грейланд, поймал ее взгляд, брошенный на него, и повернулся к вернувшейся за стол Корбейн.

— Корабль «Пророчества Рахелы» ушел, — сказала Корбейн. — Через отмель Потока. Сейчас он на пути к Краю.

— Это всего лишь десять тысяч морпехов, — заметил Марс. — И вряд ли на тамошней Имперской станции их намного больше. У вас сотни кораблей и сотни тысяч морпехов.

— Всем им придется пройти через бутылочное горлышко отмели Потока, — сказала Грейланд. — Чтобы защитить ее, хватит нескольких кораблей и горстки оружия.

— Похоже, у вас нет никаких сомнений.

Грейланд горько рассмеялась:

— Как, по-вашему, дом Ву стал имперской династией тысячу лет назад, лорд Клермонт? Мы действовали точно так же — в космосе, над Ядром. Контролировали отмели и требовали плату с каждого, кто хотел через них пройти. Заставляли их платить, лорд Клермонт, — так же как Нохамапитаны планируют брать плату с каждого прибывающего на Край. И в конечном счете они станут новыми импело, или им так кажется.

— В таком случае полностью блокируйте доступ к Краю, — сказала Корбейн. — Если Нохамапитаны хотят отправиться в добровольное изгнание — пусть.

— Это не так просто, — возразил Марс.

— Почему?

— Надаше была права, — ответила Грейланд. — Есть лишь одна система, способная самостоятельно поддерживать человеческую жизнь после распада Потока, и это Край. Мы можем подготовить к коллапсу каждую систему, дать им все

необходимое, чтобы они могли просуществовать как можно дольше. Но именно на Крае выживет человечество, когда все остальное погрузится во тьму. Нам нужна эта планета. Нам нужно переправить на нее хотя бы несколько человек с каждой системы во Взаимозависимости.

— И именно Нохамапитаны стоят на нашем пути, — сказал Марс.

— Да, — кивнула Грейланд.

— Так что нам делать? — после минутной паузы спросила Упекша Ранатунга. — Здесь и сейчас?

Эпилог

— Тебе нечем больше заняться, кроме как сидеть тут? — спросил Аттавио Шестой сидевшую в Зале Памяти Кардению.

— Ты высказываешь свое мнение? — спросила Кардения.

— Помню, я уже задавал тебе этот вопрос, когда ты проводила время у моего смертного одра. Вполне логично задать его еще раз. Создается впечатление, что я за тебя переживаю, а тебе сейчас это нужно.

— Сам знаешь, после таких формулировок толку уже никакого.

— Извини. Но вопрос остается в силе.

— Мне есть чем заняться, — ответила она. — Но я все равно посижу тут.

Имитация Аттавио Шестого кивнула и села рядом с ней — или, по крайней мере, создала впечатление, будто сидит рядом.

— Я тоже сюда приходил, — сказал он. — Когда бывал чересчур подавлен, или уставал, или просто хотел побыть подальше от людей. Приходил сюда и разговаривал со своей матерью, дедом или

другими импер о.

— И как, помогало?

— Помогало не хуже, чем помогает тебе сейчас, — ответил он. — Но я решил, что это не так уж плохо.

— И правда, не так уж плохо, — улыбнувшись, согласилась Кардения.

— В последнее время ты не часто бывала в Зале Памяти.

— Ты по мне скучаешь, когда меня нет?

— Когда тебя нет, меня не существует, так что не скучаю, — ответил Аттавио Шестой.

— Я занята всеобщим концом, — сказала Кардения. — Я велела лорду Марсу выступить перед парламентом. Я приказала военным составить план по возвращению Края. Я приостановила деятельность и монополии дома Нохамапитан и передала их в управление дома Лагос.

— Не сомневаюсь, что все прошло хорошо.

— По крайней мере, с домом Лагос все прошло хорошо. — Кардения вспомнила встречу с графиней Лагос и ее дочерью Кивой, которых до неприличия обрадовало падение Нохамапитанов и рост их собственного состояния. Графиня возложила на леди Киву ответственность за монополии Нохамапитанов с разрешения Карде-

нии. — Выступление Марса оказалось не столь успешным. Он изложил все предельно просто и прямо, и большинство парламента все еще считает это чушью, хотя у нас есть доказательства.

— Но ведь доказательств у вас пока нет, — заметил Аттавио. — Прошло меньше двух недель с тех пор, как прибыл лорд Клермонт. Корабли с Края все еще могут задерживаться из-за гражданской войны. Течение Потока к Тератуму пока открыто.

— Не знаю, будет ли это иметь хоть какое-то значение даже потом, — сказала Кардения. — Я постоянно сталкиваюсь со склонностью людей игнорировать или отрицать факты до последнего, даже несколько дней спустя.

— Поэтому я никогда не говорил об этом, — кивнул Аттавио Шестой.

— Да, и за это я тоже получаю свою порцию дерьма, так что спасибо тебе, дорогой папочка. Семьдесят процентов парламентариев злятся на меня, поскольку не верят в приближающийся коллапс, а сорок процентов злятся, потому что я не рассказала им раньше.

— Что-то у тебя не так с математикой, — заметил Аттавио Шестой.

— Все так: некоторые принадлежат и к тем и к

другим, — покачала головой Кардения. — И есть еще союзники Нохамапитанов, которые либо считают, что Надаше ложно обвинили, я или Лагосы, либо полагают, что немного измены и мятежа — это не страшно. За это я тоже должна тебя поблагодарить: за то, что позволил их дому стать таким влиятельным.

— Вряд ли можно винить в этом меня.

— Конечно можно. Меня обвиняют, и я возлагаю на тебя часть этой вины. Надеюсь, ты сожалеешь об этом.

— Я мертв и не могу ни о чем сожалеть.

— Приятно, наверное?

— Нет, — ответил Аттавио Шестой.

Кардения на мгновение закрыла глаза, прислонившись к стене Зала Памяти.

— Ты знаешь, я ведь не хотела становиться импер о, — сказала она.

— Да, — согласился Аттавио. — Я помню.

— И ты тоже не хотел, чтобы я стала импер о.

— Это я тоже помню. Но не важно, чего мы оба хотели, факт остается фактом — ты импер о. Вероятно, последняя импер о Взаимозависимости. И можешь задать себе вопрос: хотела бы ты, чтобы на твоем месте оказался другой?

— Нет, — ответила Кардения. — Не хотела бы.

Аттавио Шестой кивнул:

— Не забывай, я предложил тебе взять имя Грейланд не просто так. А чтобы напомнить тебе о том, что следует сделать. И вдохновить тебя на эти действия.

— Думаешь, получится?

— У меня больше нет своего мнения, — ответил Аттавио Шестой.

— Так сделай вид, будто оно у тебя есть.

— Хочешь знать мнение эвристической компьютерной сети?

— Да. Так как — думаешь, получится?

Последовала пауза, и Кардения могла бы поклясться, что изображение Аттавио Шестого на долю секунды замерцало.

— Да, — ответил он. — Думаю, получится.

— Ну вот, — улыбнулась Кардения. — Не так уж это и сложно.

— Вообще-то, сложно.

Кардения рассмеялась, а затем снова замолчала.

— Ты знаешь, что Взаимозависимость была построена на *лжи*? — наконец спросила она.

— Да, знаю. Если и не на *лжи*, то, возможно, на злонамеренном истолковании изначальных намерений ее создателей.

— Это ложь, — сказала Кардения. — Я знаю. И каждый импер это знает. Все крупные дома, существовавшие со времен основания Взаимозависимости, знают об этом, а более мелкие почти не сомневаются. Мы все согласились жить с этим и лгать. В течение столетий.

— Да, — кивнул Аттавио Шестой.

— Похоже, близится день расплаты за ложь. — Кардения предупреждающе подняла руку. — Это всего лишь мое ощущение, никаких разумных причин нет, но я ничего не могу поделать. Когда знаешь, что мы создали Взаимозависимость ради собственной выгоды, сделав вид, будто ее существование выгодно для каждого, возникает чувство, будто посредством грядущей катастрофы сама Вселенная осуждает наш выбор.

— Вовсе нет.

— Я знаю. Поток не имеет к нам никакого отношения. Мы нисколько его не заботим. Он просто есть, и все. Но я все равно не могу избавиться от этого ощущения.

— Такова природа человеческого мозга, — сказал Аттавио Шестой. — Он создает образы, даже когда их нет, воображает причины, которых не существует. Так уж устроен мозг. Он настроен на ложь.

— И на то, чтобы верить лжи.

— Да, — ответил Аттавио Шестой.

И тут у Кардении возникла мысль.

— Гм… — проговорила она, когда идея окончательно сформировалась у нее в голове.

— Что? — спросил Аттавио Шестой.

— Взаимозависимость началась со лжи.

— Да.

— Думаю, она должна закончиться другой ложью, — улыбнулась Кардения.

Благодарности

Как всегда, я считаю крайне важным отметить, что книга — нечто большее, нежели просто составляющие ее слова; выйдя из моих рук, она проходит через множество других, прежде чем попасть в ваши, и все они делают ее лучше. Соответственно, позвольте мне поблагодарить перечисленных ниже людей: Патрика Нильсена Хейдена, моего редактора (который, пока я писал эти слова, пошел на повышение, став помощником главного редактора издательства «Тор», — поздравляю, Патрик!), а также Мириам Вайнберг, взявшую на себя неблагодарную задачу — постоянно справляться у меня, когда будет готова рукопись; художественного директора «Тора» Ирен Галло и художника Спарта за фантастическую обложку; литературного редактора Кристину Макдональд за вылавливание множества ошибок; дизайнера текста Хезер Сондерс; Алексиса Саарелу и Патти Гарсия из рекламной службы «Тора» и, естественно, Тома Доэрти, который руководит «Тором».

Я в особенности благодарен им потому, что

взялся за книгу несколько позже, чем намеревался, — уже во второй раз подряд, — и, несомненно, мне пришлось испытывать их терпение. Могу лишь обратиться к каждому из них с искренним сожалением по поводу того, что во второй раз доставил им неприятности, — я планировал закончить раньше. К тому же, если я сдам с запозданием и третью книгу, думаю, будет вполне справедливо, если все участвующие в ее издании дадут мне крепкого тумака.

(В качестве заметки на полях, но отнюдь не оправдания — во имя всего святого, разве президентские выборы 2016 года не мешали сосредоточиться на написании романа, ведь каждые несколько минут у меня возникало желание убедиться, что мы еще не нашли способ взорвать себя ко всем чертям? Я пишу эти благодарности в октябре 2016-го, исход выборов пока под сомнением, и меня до сих пор тревожит, что все может закончиться всемирным пожаром. Но, по крайней мере, сейчас, на фоне всех этих тревог, мне не нужно пытаться писать роман.)

(Сделаю вторую заметку на полях: название книги — «Крушение империи» — это не аллюзия на нынешнее состояние Соединенных Штатов, Великобритании или западной цивилизации как

таковой. Я придумал его много лет назад, и аллюзией оно выглядит лишь потому, что, если так посмотреть, 2016-й — исторически проклятый год, и я могу лишь надеяться, что 2017-й будет лучше. А если нет — в самом деле пора отправляться в бункер с запасами бобов и риса.)

Я хотел бы также поблагодарить Этана Элленберга, моего агента. Я всегда благодарю Этана, но сейчас выражаю ему особую признательность. Как, возможно, знают некоторые из вас, эта книга является первой в превосходной до нелепости коллекции, ибо мы с «Тором» заключили многолетний контракт, чему я очень рад (эй, я буду писать романы по крайней мере до 2027 года — разве не здорово?), и Этан оказал мне неоценимую помощь в процессе переговоров. Мне очень повезло, что он стал моим агентом, и я благодарен ему за каждую книгу — он работает просто прекрасно. Спасибо также Биби Льюис, которая занимается контрактами на издания на иностранных языках, Джоэлу Готлеру, моему агенту в кино и на телевидении, и Мэтту Шугарману, моему юристу. Вот еще одна новость: у меня теперь множество агентов и юристов. Мне тоже это кажется весьма странным. И наконец, я крайне признателен Стиву Фельдбергу из

компании «Одибл», который занимается аудиоверсиями моих работ.

Друзей, которые поддерживали меня, пока я писал эту книгу, столько, что я не смогу упомянуть здесь всех, так что позвольте обойтись старым оборотом «вы знаете, о ком речь» и сказать спасибо. (Если вам неизвестно, входите ли вы в их число, просто считайте, что да. Спасибо! Вы все такие классные.) И спасибо также вам, читателям. Да, вам! Вы позволяете мне зарабатывать на жизнь написанием книг. Разве не здорово? У меня есть дом, еда и домашние питомцы, которые не сожрут меня с голодухи благодаря вам, ребята. Не хочу, чтобы вы думали, будто я это не ценю. Ценю. По-настоящему.

Кроме того, я хотел бы поблагодарить администраторов и волонтеров «Гавайкона» 2016 года за то, что они пригласили меня в качестве гостя. Как ни удивительно, немалая часть этого романа была написана, когда я пребывал на Большом Гавайском острове во время конвента. Думаю, это совершенно особое ощущение — знать, что ты уехал так далеко, как только мог, от Большой земли с ее постоянными новостями. Вряд ли стоит говорить о том, что это был настоящий рай. Спасибо, ребята.

В конце, как обычно, приношу благодарность жене и дочери, Кристине и Атине. Они вынуждены жить со мной, пока я пишу эти романы, и это не всегда легко. Я бываю сердитым и ворчливым, особенно когда (как в этом случае) слегка отстаю от графика и мне напоминают, что романы — это моя настоящая работа. Но обе любят меня, несмотря ни на что, даже когда непонятно, заслуживаю ли я любви, и моя признательность по отношению к ним безгранична и нескончаема. Я люблю их больше, чем все пироги и чуррос, вместе взятые. Думаю, все вы знаете, как я люблю пироги и чуррос. Но мои женщины намного лучше, можете мне поверить.

Джон Скальци
5 октября 2016 года